

ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
основано в июле 1961 года

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4 марта 2021 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял постановление “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства”, проект которого обсуждался на заседании Пленума, состоявшемся 18 февраля 2021 г. под председательством **В.М. Лебедева** — Председателя Верховного Суда Российской Федерации.

С докладом по этому вопросу выступила судья Верховного Суда Российской Федерации **Т.В. Завьялова**, которая отметила, что важность принятия постановления Пленума “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства” обусловлена проводимой в Российской Федерации государственной политикой по развитию конкуренции и укреплению национальной экономики.

Представленный на обсуждение проект постановления Пленума является результатом обобщения правовых позиций, которые сформировались в судебной практике, призван актуализировать и уточнить подходы к разрешению антимонопольных споров, изложенные в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2008 г. № 30.

Принятое в 2008 году постановление Пленума сыграло свою положительную роль и послужило важным элементом в построении сбалансированной судебной практики, учитывающей интересы государства и обеспечивающей защиту прав участников экономического оборота.

К настоящему времени, по прошествии более чем 12 лет с момента принятия постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в судах уже наработана значительная практика применения антимонопольного законодательства, однако анализ правоприменения показал, насколько сложными являются антимонопольные споры, поскольку их разрешение связано с оценкой разумности и экономической эффективности поведения хозяйствующих субъектов. Таким образом, назрела необходимость в подготовке новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которые охватывали бы широкий спектр институтов антимонопольного законодательства, раскрывая их содержание и нормативную взаимосвязь.

В подготовке проекта наряду с судьями Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, а также сотрудниками Управ-

ления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации принимали участие представители Министерства юстиции Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службы, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей.

Возможность высказать предложения и замечания при подготовке проекта постановления была представлена представителям научного и бизнес-сообщества, в том числе Торгово-промышленной палаты Российской Федерации и Российского союза промышленников и предпринимателей.

В заседаниях рабочей группы по подготовке проекта также участвовали представители Ассоциации антимонопольных экспертов и Объединения корпоративных юристов.

При подготовке проекта постановления Пленума были учтены предложения, поступившие от судей Судебных коллегий по административным и гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, а также замечания, высказанные членами Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации.

Принятие представленного проекта постановления Пленума позволит обеспечить единообразие при рассмотрении судами дел, связанных с применением антимонопольного законодательства, избежать судебных ошибок при разрешении споров данной категории.

В прениях по докладу выступили заместитель председателя Суда по интеллектуальным правам **В.А. Корнеев**, председатель совета Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации **Л.Ю. Михеева**.

В работе Пленума приняли участие заместитель Министра юстиции Российской Федерации **В.В. Федоров**, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации **Ю.А. Пономарев**, полномочный представитель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Е.Б. Мизулина**, полномочный представитель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в Верховном Суде Российской Федерации **Д.В. Бессарабов**.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 2 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

от 4 марта 2021 г.

О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства

В целях обеспечения единства практики применения судами антимонопольного законодательства Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года № 3-ФКЗ “О Верховном Суде Российской Федерации”, **п о с т а н о в л я е т** дать следующие разъяснения.

Общие положения

1. Антимонопольное законодательство Российской Федерации (далее — антимонопольное законодательство) основывается на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — Гражданский кодекс) и состоит из Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон о защите конкуренции, Закон), иных федеральных законов, регулирующих отношения, которые связаны с защитой конкуренции, в том числе с предупреждением и пресечением монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции, и отнесены к сфере применения антимонопольного законодательства (часть 1 статьи 2, статья 3 Закона о защите конкуренции).

Конституция Российской Федерации гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности (часть 1 статьи 8); равенство прав и свобод человека и гражданина (часть 1 статьи 19); свободное использование каждым своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (часть 1 статьи 34); не допускает экономической деятельности, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (часть 2 статьи 34); определяет необходимость создания условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан (статья 75¹).

К положениям Гражданского кодекса, которые образуют основу антимонопольного законодательства, относятся в том числе положения о признании равенства участников регулируемых им отношений, свободы договора, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав и обеспечения восстановления нарушенных прав (пункт 1 статьи 1); о добросовестности действий участников гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и недопустимости извлечения преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения, в том числе использования гражданских прав в целях ограни-

чения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке (пункты 3 и 4 статьи 1, пункт 1 статьи 10).

При рассмотрении споров, связанных с применением антимонопольного законодательства, судам необходимо исходить из того, что названные конституционные нормы и положения Гражданского кодекса обуславливают цели, принципы и сферу применения антимонопольного законодательства (статьи 1, 3 Закона) и в связи с этим должны учитываться при толковании, выявлении смысла и применении положений Закона о защите конкуренции, иных правовых актов, регулирующих отношения, связанные с защитой конкуренции, и отнесенных к сфере антимонопольного законодательства, а также при применении антимонопольных норм к конкретным участникам рынка.

2. Обратить внимание судов на то, что наличие в законах, имеющих цели, предмет и сферу действия, отличные от целей, предмета и сферы действия Закона о защите конкуренции, отдельных положений, которые направлены на обеспечение конкуренции, либо положений, соблюдение которых находится в сфере полномочий по контролю за соблюдением антимонопольных требований, не означает, что соответствующий нормативный правовой акт как таковой относится к законодательству, регулирующему отношения в сфере защиты конкуренции.

В частности, Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ “Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации” (далее — Закон о торговле) имеет более широкий предмет регулирования, чем Закон о защите конкуренции, однако в части тех норм, которые направлены на обеспечение единства экономического пространства в Российской Федерации посредством установления требований к организации и осуществлению торговой деятельности, развития торговой деятельности с учетом антимонопольных требований в целях удовлетворения потребностей отраслей экономики в произведенной продукции, обеспечения доступности товаров для населения, формирования конкурентной среды, может быть отнесен к актам антимонопольного законодательства (части 2 и 3 статьи 1 Закона о торговле).

В связи с этим при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства и квалификации нарушения со ссылкой на соответствующие акты законодательства (например, Закон о торговле, Федеральный закон от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ “Об электроэнергетике”, Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 190-ФЗ “О теплоснабжении”, Федеральный закон от 31 марта 1999 года № 69-ФЗ “О газоснабжении в

Российской Федерации”, Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 416-ФЗ “О водоснабжении и водоотведении”) и об определении границ компетенции антимонопольного органа судам в соответствии с частью 1 статьи 1 Закона о защите конкуренции в каждом случае необходимо оценивать, относятся ли непосредственно применяемые нормативные положения к антимонопольным требованиям, предъявляемым к участникам оборота, в частности направлены ли соответствующие нормы на защиту конкуренции на товарных рынках, в том числе на предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

3. В случаях, прямо предусмотренных антимонопольным законодательством, отношения, связанные с защитой конкуренции, могут регулироваться постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федерального антимонопольного органа (часть 2 статьи 2, пункт 4 части 2 статьи 23 Закона о защите конкуренции).

При применении нормативных правовых актов федерального антимонопольного органа судам следует учитывать, что подзаконные акты могут быть приняты им исключительно в случаях, прямо отнесенных к компетенции антимонопольного органа, и не могут изменять антимонопольное законодательство или иным образом противоречить ему, в том числе не должны нарушать его основы, указанные в части 1 статьи 2 Закона о защите конкуренции.

4. По общему правилу, акты законодательства в сфере защиты конкуренции не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после их опубликования и введения в действие. Вместе с тем акты антимонопольного законодательства, устраняющие или уменьшающие публичную ответственность за нарушение законодательства, имеют обратную силу (статья 54 Конституции Российской Федерации, статья 6 Федерального закона от 14 июня 1994 года № 5-ФЗ “О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания”).

Если после заключения договора хозяйствующими субъектами принят закон в сфере защиты конкуренции, устанавливающий обязательные для сторон правила иные, чем те, которые действовали при заключении договора, в частности правила, ограничивающие свободу договора, вводящие новые требования к определению условий договора, включая цену, то согласно пункту 2 статьи 422 Гражданского кодекса условия заключенного договора сохраняют силу, кроме случаев, когда в законе прямо установлено, что его действие распространяется на отношения, возникшие из ранее заключенных договоров.

5. В целях защиты конкуренции антимонопольные органы реализуют публичные (властные) полномочия в порядке и формах, которые установлены законом, в частности посредством рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства, выдачи обязательных для

исполнения предписаний (часть 1 статьи 1, части 1—4 статьи 23, часть 1 статьи 50 Закона о защите конкуренции).

Закрепление за антимонопольными органами указанных полномочий не исключает права участников рынка (хозяйствующих субъектов-конкурентов; потребителей, включая потребителей-граждан), чьи права и законные интересы нарушены в результате неисполнения требований антимонопольного законодательства иными участниками рынка, на защиту своих гражданских прав на основании положений Закона о защите конкуренции, включая право на обращение в суд с соответствующими требованиями к иным участникам гражданского оборота (пункт 1 статьи 11 Гражданского кодекса).

6. Исходя из взаимосвязанных положений части 1 статьи 3, пунктов 5 и 7 статьи 4 Закона о защите конкуренции его действие распространяется на хозяйствующих субъектов (российских и иностранных юридических лиц, включая некоммерческие организации, индивидуальных предпринимателей, физических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность) при ведении экономической деятельности в качестве участников рынков.

Неполучение лицом дохода непосредственно от совершения отдельных операций на товарных рынках, наличие законодательных особенностей финансирования деятельности соответствующего лица и (или) его участия в функционировании товарных рынков сами по себе не исключают распространения на это лицо требований, установленных антимонопольным законодательством по отношению к хозяйствующим субъектам. Так, от обязанности соблюдения антимонопольного законодательства не освобождается коммерческая организация при передаче товаров потребителям без непосредственного получения встречного предоставления, если впоследствии результатом этой деятельности будет извлечение выгоды из оказания услуг в отношении этих товаров, например получение дохода от технического обслуживания за плату. В равной мере требования антимонопольного законодательства распространяются на государственные (муниципальные) учреждения.

Некоммерческая организация может быть признана хозяйствующим субъектом для целей применения антимонопольного законодательства, в том числе если она объединяет коммерческие организации и индивидуальных предпринимателей, действующих на определенных товарных рынках, и представляет их экономические интересы, связанные с конкуренцией на товарных рынках. В частности, установленные статьями 10 и 14¹—14⁸ Закона о защите конкуренции требования к хозяйствующим субъектам могут быть распространены на профессиональные объединения субъектов рынка в той мере, в какой решения этих некоммерческих организаций способны оказать влияние на общие условия обращения товаров на рынке и позволяют извлекать доход членам некоммерческой организации из предложения товаров на рынке.

В то же время не могут быть признаны хозяйствующими субъектами в значении, придаваемом Законом о защите конкуренции, как правило, коммерческие организации и другие лица в части осуществления иной деятельности, не связанной с конкуренцией на товарном рынке, например, при участии в благотворительности или предоставлении социальной помощи гражданам, добровольном участии в иной общепольной деятельности, не связанной с извлечением выгоды из обращения товаров на рынке.

7. На основании части 2 статьи 9 Закона о защите конкуренции требования к поведению (действиям, бездействию) на товарном рынке хозяйствующего субъекта, по общему правилу, распространяются на действия (бездействие) группы лиц.

По смыслу данной нормы для целей применения антимонопольных запретов группа лиц рассматривается как один участник рынка. Если иное не установлено специальными положениями Закона о защите конкуренции, не вытекает из характера связей участников группы и не противоречит существу соответствующего антимонопольного запрета, то при установлении нарушений антимонопольного законодательства следует исходить из оценки допустимости поведения действующей в общем экономическом интересе группы лиц в отношении третьих лиц (иных участников рынка).

К лицу, формально вошедшему в группу лиц, может не применяться правовой режим этой группы, если при рассмотрении дела будет установлено, что в действительности данное лицо автономно в определении своего поведения на товарном рынке, например, в связи с отсутствием у других участников группы достаточных правовых (договорных, корпоративных) и организационных (управленческих) средств влияния на его поведение. В частности, при оценке вхождения организаций в группу лиц по основаниям, предусмотренным пунктами 7, 8 части 1 статьи 9 Закона, суд вправе учесть, что отношения между гражданами, являющимися родственниками, отсутствуют и организации, участниками которых являются данные физические лица, ведут не связанные между собой виды деятельности.

В тех случаях, когда Закон о защите конкуренции устанавливает специальные правила применения антимонопольных запретов при наличии группы лиц, в частности освобождение группы лиц от действия запрета на участие в соглашениях, ограничивающих конкуренцию в соответствии с частью 7 статьи 11 Закона, применению подлежат указанные специальные правила.

При решении вопроса о привлечении лиц к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства субъектами ответственности выступают входящие в группу лица, виновные действия (бездействие) которых образуют состав правонарушения.

8. По смыслу взаимосвязанных положений пунктов 4 и 7 статьи 4, части 1 статьи 5 Закона о защите конкуренции хозяйствующий субъект признается занимающим доминирующее поло-

жение на рынке, если он имеет возможность действовать независимо от конкурентов и потребителей (в том числе приобретающих товары для удовлетворения предпринимательских нужд) на рынке определенного товара и, следовательно, обладает возможностью самостоятельно в одностороннем порядке оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, устранять с товарного рынка других хозяйствующих субъектов, затруднять им доступ на товарный рынок (далее также — доминирование на товарном рынке). В связи с этим при проверке наличия доминирования хозяйствующего субъекта на товарном рынке оценивается его положение относительно существующих на рынке конкурентов (занимаемая доля на рынке), потенциальных конкурентов (возможность доступа на рынок) и потребителей.

Исходя из положений пунктов 1 и 2 части 1 статьи 5 Закона, по общему правилу, наличие у хозяйствующего субъекта (за исключением финансовой организации) доминирующего положения предполагается, если доля хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара превышает пятьдесят процентов, и обратное не вытекает из применения иных критериев определения доминирующего положения. В случаях, когда доля хозяйствующего субъекта (за исключением финансовой организации) на рынке товара составляет менее чем пятьдесят процентов, наличие у него доминирующего положения подлежит доказыванию антимонопольным органом с использованием иных критериев.

Применяя согласно части 1 статьи 5 Закона иные критерии определения положения хозяйствующего субъекта на рынке, в том числе оценивая возможность доступа на товарный рынок новых конкурентов, суд в числе прочего вправе учитывать доводы о наличии (об отсутствии) административных барьеров для доступа на рынок потенциальных конкурентов (например, необходимость получения лицензий и разрешений для ведения определенной деятельности, обязательность получения согласия правообладателя на использование результатов интеллектуальной деятельности) и значимых экономических преимуществ у хозяйствующего субъекта (например, доступ к природным ресурсам, технологиям производства, рынкам капитала); существенности (неординарности) затрат, которые должны понести контрагенты хозяйствующего субъекта в случае перехода к приобретению товаров у иных поставщиков. То обстоятельство, что в исследуемый период новые конкуренты на рынке не появились, само по себе не свидетельствует о доминировании на рынке.

В качестве критерия оценки, характеризующего положение хозяйствующего субъекта — продавца относительно потребителей, суды вправе учитывать, имеют ли потребители возможность противодействовать влиянию хозяйствующего субъекта на товарном рынке, например, в силу значительности доли, занимаемой конкретными потребителями на рынке, и (или) коммерческой значимости потребителей для поставщика.

9. На основании пункта 10 статьи 4, абзаца первого части 1 статьи 5 и части 1 статьи 9 Закона в случаях, когда несколько субъектов в силу имеющихся между ними юридически значимых связей образуют группу лиц, действующую в едином экономическом интересе, доминирующее положение на товарном рынке определяется применительно ко всей группе лиц по правилам, установленным в части 1 статьи 5 Закона.

При выполнении совокупности условий, установленных в части 3 статьи 5 Закона, доминирующими на рынке могут быть признаны несколько хозяйствующих субъектов (или групп лиц), не образующих группу лиц между собой. При этом в силу части 1 статьи 5 Закона оценивается возможность совокупного влияния всех субъектов коллективного доминирования на условия обращения товара на товарном рынке в целом. Если из обстоятельств дела, подтверждаемых на основании собранных антимонопольным органом доказательств и доказательств, представленных хозяйствующими субъектами, в частности, характеризующих структуру товарного рынка, следует, что общие условия обращения товара на рынке находятся под влиянием только одного хозяйствующего субъекта, то положения части 3 статьи 5 Закона не применяются.

Отнесение хозяйствующего субъекта к числу доминирующих на рынке лиц коллективно с иными субъектами согласно части 3 статьи 5 Закона не исключает возможность установления индивидуального доминирования соответствующего субъекта с учетом части 1 статьи 5 Закона на других товарных рынках.

10. Закон о защите конкуренции направлен в том числе на защиту прав и законных интересов, поддержание благосостояния потребителей как отдельной категории участников рынка, приобретающих товары (работы и услуги) для удовлетворения личных нужд (статья 3, пункты 4 и 23 статьи 4 Закона о защите конкуренции).

Права и законные интересы потребителей как категории участников рынка могут быть прямо затронуты, в частности, в случаях злоупотребления хозяйствующими субъектами доминирующим положением на соответствующем рынке (статья 10 Закона), при совершении хозяйствующими субъектами актов недобросовестной конкуренции (пункт 9 статьи 4, статьи 14¹—14⁸ Закона).

В тех случаях, когда Закон о защите конкуренции связывает применение его положений с наличием неопределенного круга потребителей (например, часть 1 статьи 10 Закона), судам необходимо исходить из того, что возможность точного определения числа потребителей на определенный момент не имеет значения для целей применения антимонопольных запретов. В названных случаях необходимо оценивать потенциальную возможность нарушения в целом прав потребителей как участников рынка (отдельных групп потребителей) с учетом характера допущенных соответствующим субъектом нарушений, наступивших последствий или последствий, которые могут наступить в будущем.

Запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением

11. Исходя из положений части 1 статьи 1, части 1 статьи 2, пункта 10 статьи 4, статьи 10 Закона о защите конкуренции обладание хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке не является объектом правового запрета: такой субъект свободен в осуществлении экономической деятельности и вправе конкурировать с иными хозяйствующими субъектами, действующими на том же рынке; выбирать контрагентов и предлагать экономически эффективные для него условия договора. Антимонопольным законодательством запрещается монополистическая деятельность — злоупотребление хозяйствующими субъектами своим доминирующим положением.

По смыслу абзаца первого части 1 статьи 10 Закона во взаимосвязи с пунктами 3, 4 статьи 1 и абзацем вторым пункта 1 статьи 10 Гражданского кодекса злоупотреблением доминирующим положением признается поведение доминирующего на товарном рынке субъекта, если оно выражается в следующих формах, в том числе одной из них: недопущение, ограничение, устранение конкуренции на товарных рынках (например, устранение конкурентов с товарного рынка, затруднение доступа на рынок новых конкурентов); причинение вреда иным участникам рынка (хозяйствующим субъектам-конкурентам и потребителям, гражданам-потребителям как отдельной категории участников рынка), включая извлечение необоснованной (монопольной) выгоды за их счет, иное подобное ущемление прав участников рынка.

При возникновении спора антимонопольный орган обязан доказать, что поведение хозяйствующего субъекта является злоупотреблением, допущенным в одной из указанных форм. В отношении действий (бездействия), прямо поименованных в пунктах 1—11 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган обязан доказать, что поведение хозяйствующего субъекта образует один из видов злоупотреблений, названных в указанных пунктах.

В свою очередь, хозяйствующий субъект вправе доказывать, что его поведение не образует злоупотребление доминирующим положением в соответствующей форме, поскольку не способно привести к наступлению неблагоприятных последствий для конкуренции на рынке и (или) имеет разумное оправдание.

В частности, при оценке наличия злоупотребления в поведении доминирующего на рынке субъекта суд принимает во внимание законные интересы этого субъекта, которые вправе преследовать любой участник рынка вне зависимости от его положения на рынке (например, связанные с соблюдением правил безопасности при осуществлении деятельности, необходимостью выполнения иных обязательных и (или) обычных для соответствующей сферы деятельности требований, обеспечением экономической эффективности (экономия затрат) его собственной деятельности

как участника рынка). Если доминирующему на рынке субъекту вменяется злоупотребление, направленное на причинение вреда или иное ущемление прав других участников рынка, то указанный субъект вправе доказывать, что его поведение экономически выгодно для контрагентов в результате взаимодействия с ним.

Кроме того, в случаях, указанных в части 2 статьи 10 Закона, хозяйствующий субъект, занимающий доминирующее положение, вправе ссылаться на допустимость его поведения в соответствии с частью 1 статьи 13 Закона. В указанных случаях поведение доминирующего на рынке субъекта не признается нарушением статьи 10 Закона.

12. Нарушение хозяйствующим субъектом, занимающим доминирующее положение на рынке, требований гражданского и иного законодательства при вступлении в договорные отношения, исполнении договорных обязательств, в том числе выражающееся в недобросовестном поведении, нарушающем права контрагентов, само по себе не свидетельствует о ведении хозяйствующим субъектом монополистической деятельности, запрещенной согласно части 1 статьи 10 Закона.

В связи с этим при возникновении спора о том, имеет ли место злоупотребление доминирующим положением, судам наряду с установлением признаков злоупотребления в соответствующей форме (например, направленности поведения на недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) причинение вреда, иное подобное ущемление прав участников рынка и усиление в связи с этим позиции лица, занимающего доминирующее положение) также следует принимать во внимание, являлось ли возможным совершение хозяйствующим субъектом определенных действий (бездействие), в том числе недобросовестных по отношению к своим контрагентам (потребителям) в отсутствие доминирующего положения на рынке.

13. В силу пунктов 3—5, 8 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции злоупотреблением могут быть признаны действия (бездействие) хозяйствующего субъекта, занимающего доминирующее положение на рынке, не связанные непосредственно с порядком ценообразования, в частности: навязывание при заключении договора невыгодных условий или условий, не относящихся к предмету договора; необоснованное сокращение (прекращение) производства товара; отказ либо уклонение такого субъекта от заключения договора; создание им дискриминационных условий.

Судам необходимо иметь в виду, что к злоупотреблениям доминирующим положением в указанных видах могут быть отнесены в том числе действия (бездействие), которые не причиняют вреда контрагентам непосредственно (например, цена договора отвечает экономическим интересам контрагента), но могут повлечь наступление неблагоприятных последствий для состояния конкуренции на том рынке, на котором субъект занимает доминирующее положение,

либо на смежных товарных рынках и в связи с этим в целом затрагивают интересы покупателей и потребителей соответствующего рынка.

Так, злоупотреблением доминирующим положением по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 статьи 10 Закона, с учетом конкретных обстоятельств дела может быть признано установление доминирующим на рынке субъектом договорного условия о приобретении у него контрагентом определенной (существенной) части закупаемых товаров, если это может повлечь устранение с этого же товарного рынка иных хозяйствующих субъектов.

Прекращение реализации товара определенному покупателю, всем покупателям или их определенной группе, в том числе в связи с прекращением производства, и (или) уклонение от заключения договора с ними могут быть признаны злоупотреблением доминирующим положением со стороны хозяйствующего субъекта — продавца по основаниям, предусмотренным пунктами 4, 5 и 8 части 1 статьи 10 Закона, и тогда, когда эти действия (бездействие) влекут за собой устранение конкуренции на том смежном рынке, на котором с использованием данного товара осуществляет свою деятельность покупатель (покупатели), что предвидел или должен был предвидеть доминирующий субъект на момент совершения им названных действий.

14. Злоупотреблением доминирующим положением может быть признано использование хозяйствующим субъектом своего положения на рынке для установления невыгодных условий договора или условий, не относящихся к предмету договора (пункт 3 части 1 статьи 10 Закона).

При рассмотрении споров, связанных с применением указанной нормы, судам необходимо исходить из того, что навязанными невыгодными условиями могут быть признаны условия, которые иной участник рынка не принял бы, исходя из своих разумно понимаемых экономических (коммерческих) интересов, и которые позволяют доминирующему на рынке субъекту извлекать выгоду посредством ограничения свободы ведения экономической деятельности его контрагентов. При оценке наличия факта злоупотребления доминирующим положением в указанных случаях судам также необходимо учитывать, имеется ли у доминирующего на рынке хозяйствующего субъекта законный интерес в установлении соответствующих условий договора, являются ли налагаемые на контрагентов ограничения соразмерными этому интересу.

Навязанными невыгодными условиями, в частности, могут быть: условие о продаже первого товара только при обязательной покупке второго, если первый товар может использоваться без второго или товары реализуются иными поставщиками по отдельности; условие о необходимости впоследствии покупать навязанный дополнительный товар у конкретного производителя или пользоваться исключительно инфраструктурой определенного лица; отказ предоставить гарантию качества на первый товар в случае отказа покупателя приобрести сопутствующий товар.

В то же время предложение лицом, занимающим доминирующее положение, условий договора, отличающихся от условий, обычно заключаемых им, иными участниками рынка в аналогичные договоры (например, условия поставки основного и сопутствующих товаров), наличие иных подобных отклонений от обычной деловой практики и (или) заключение договора на предложенных условиях сами по себе не свидетельствуют о злоупотреблении доминирующим положением (статья 421 Гражданского кодекса, часть 2 статьи 1 Закона о защите конкуренции).

Вне зависимости от наличия или отсутствия оснований для привлечения к ответственности, установленной антимонопольным законодательством, защита прав участников гражданского оборота в связи с вступлением в договорные отношения с доминирующим на рынке субъектом может осуществляться по правилам Гражданского кодекса, в том числе по основаниям, связанным с неравенством переговорных возможностей, экономической зависимостью одной стороны договора от другой и несправедливостью условий договора, предложенных доминирующим на рынке субъектом (статьи 10, 428 Гражданского кодекса).

15. Исходя из содержания запрета, установленного пунктами 3, 8 части 1 статьи 10 Закона, пресечение антимонопольного нарушения в форме навязывания невыгодных и не относящихся к предмету договора условий и (или) установления дискриминационных условий допускается как до, так и после заключения договора, в который включается подобное условие.

При этом судам необходимо учитывать, что само по себе заключение договора с доминирующим на рынке субъектом без возражений, высказанных контрагентом на стадии заключения договора (например, без составления протокола разногласий по спорным условиям), и (или) исполнение договора не являются обстоятельствами, исключающими возможность квалификации поведения доминирующего субъекта как злоупотребления.

16. На основании пунктов 4 и 5 части 1 статьи 10 Закона запрещаются экономически или технологически не обоснованные сокращения или прекращение производства товара, в отношении которого имеется спрос, экономически или технологически не обоснованные отказ либо уклонение доминирующего на рынке субъекта от заключения договора с отдельными покупателями (заказчиками) в случае наличия возможности производства или поставок соответствующего товара, в частности, при необходимости доступа к принадлежащим такому субъекту объектам инфраструктуры и ресурсам, например к инфраструктуре морских и речных портов, аэропортов, железнодорожных путей, системам газо- (водо-, тепло-, энерго-) снабжения, системам связи, платежным системам.

Для целей применения указанных положений Закона о защите конкуренции не имеет значения, являются ли производство товара, заключение договора обязательными в соответствии с

требованиями гражданского или иного законодательства, в частности, относится ли заключаемый доминирующим на рынке субъектом договор к категории публичных договоров.

При оценке экономической обоснованности отказа доминирующего субъекта от производства (реализации) товара суды могут принимать во внимание существование у такого лица на момент отказа от заключения договора объективной возможности производства или реализации товара, в том числе с учетом внешних условий его функционирования на рынке; экономическую целесообразность производства им товара (заключения договора) на собственных условиях или условиях, предложенных контрагентом, с учетом ограниченности ресурсов, имеющихся в распоряжении хозяйствующего субъекта. Оценивая наличие злоупотребления в поведении доминирующего на рынке субъекта относительно его контрагентов, суды также вправе учесть существование у контрагентов реальной возможности приобретения такого же или взаимозаменяемого товара у иных лиц.

Обратить внимание судов на то, что отказом от заключения договора по смыслу пункта 5 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции во взаимосвязи с подпунктом 2 пункта 2 статьи 434¹ Гражданского кодекса могут признаваться как формальный отказ, так и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, когда другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать, а также предложение контрагенту (потребителю) таких условий, которые он объективно не мог принять, в том числе ввиду их явной невыгодности или противоречивости (конструктивный отказ).

17. На основании статьи 6, пункта 1 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции злоупотреблением может быть признано установление (поддержание) доминирующим на рынке хозяйствующим субъектом монопольно высокой цены.

По смыслу закона установленная (применяемая) доминирующим на рынке хозяйствующим субъектом цена может быть признана недопустимой (монопольно высокой), если она превышает стоимость товара, обеспечивающую возмещение необходимых расходов и получение разумной прибыли, и цену, которая сформировалась на сопоставимых конкурентных товарных рынках при их наличии (пункты 4 и 7 статьи 4, части 1 и 4 статьи 6 Закона о защите конкуренции).

В частности, при оценке необходимости расходов для обеспечения деятельности хозяйствующего субъекта может приниматься во внимание их экономическая оправданность, в том числе направленность расходов на удовлетворение производственных потребностей субъекта, соответствие размера затрат обычной стоимости соответствующих благ, рыночная конъюнктура, в которой осуществлялись затраты. Например, экономически не оправданными для целей применения статьи 6 Закона могут быть признаны затраты, не имеющие отношения к производству и реализации товара, но учтенные доминирующим на рынке субъектом при формировании

цены товара. Экономически оправданными могут являться затраты, увеличение которых обусловлено ростом цен на рынке сырья, из которого производится товар.

Необоснованное увеличение цены, не отвечающее признакам установления монопольно высоких цен, однако направленное на прекращение производства и (или) реализации товара контрагенту или способное повлечь наступление этих последствий, в том числе в отношении отдельных контрагентов, может быть квалифицировано как злоупотребление доминирующим положением по основаниям, предусмотренным пунктами 4 и 5 части 1 статьи 10 Закона.

18. В соответствии с антимонопольным законодательством злоупотреблением может быть признано поведение доминирующего на рынке хозяйствующего субъекта, состоящее в установлении (поддержании) монопольно низкой цены на товар как при продаже товара, так и при его приобретении (статья 7, пункт 1 части 1 статьи 10 Закона).

В тех случаях, когда доминирующим на рынке субъектом является хозяйствующий субъект — продавец, судам необходимо учитывать, что Закон о защите конкуренции не содержит запрета на участие таких субъектов в ценовой конкуренции с иными хозяйствующими субъектами. В связи с этим суд при оценке поведения доминирующего на рынке субъекта вправе принять во внимание существование (отсутствие) иного законного экономического (коммерческого) интереса субъекта во временном снижении цены, чем устранение с товарного рынка конкурентов-продавцов. В частности, суд вправе учесть, имеет ли временное снижение цен сезонный характер, применяются ли аналогичные методы ценовой конкуренции иными участниками рынка или вызвано ли такое снижение появлением на рынке нового конкурирующего участника.

Если доминирующим на рынке субъектом является хозяйствующий субъект — потребитель при оценке направленности его поведения на извлечение монопольной выгоды за счет поставщиков, допустимость применяемой цены приобретения товара определяется по правилам статьи 7 Закона с учетом экономических показателей деятельности его контрагентов-продавцов, в том числе с учетом их расходов.

19. На основании пункта 6 части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, по общему правилу, злоупотреблением доминирующим положением может быть признано экономически, технологически и иным образом не обоснованное установление различных цен (тарифов) на один и тот же товар. Если иное не вытекает из законодательного регулирования, установление доминирующим на рынке субъектом одинаковых цен (тарифов) на один и тот же товар без учета экономических, технологических и иных влияющих на стоимость товара различий при их передаче разным потребителям, в том числе на различных территориях, может быть признано злоупотреблением доминирующим положением на основании пункта 8 части 1 статьи 10 Закона.

При применении указанных положений судам необходимо учитывать, что сама по себе дифференциация цен (тарифов), применяемых хозяйствующим субъектом в отношении разных потребителей или их категорий, либо отсутствие ценовой дифференциации не являются злоупотреблением. Обоснованность различий (отсутствия различий) оценивается с учетом требований закона об отдельных видах договоров, разумности поведения хозяйствующего субъекта и объективных условий его деятельности на соответствующих рынках. В частности, допускается установление в публичных договорах различных цен для потребителей разных категорий, определяемых исходя из объективных критериев (пункт 2 статьи 426 Гражданского кодекса).

Например, разумным может быть признано установление различных цен (предоставление скидок) в зависимости от объема приобретения товара покупателем, если этот критерий дифференциации применяется к контрагентам равным образом. О неразумности дифференциации цен может свидетельствовать установление разных цен (тарифов) на товары, реализуемые на одном товарном рынке, при отсутствии значимых различий в затратах доминирующего хозяйствующего субъекта, необходимых для исполнения обязательств перед покупателями (потребителями), и различий в условиях введения товара в оборот.

Запрет на ограничивающие конкуренцию соглашения и согласованные действия

20. Статьями 11 и 11¹ Закона о защите конкуренции запрещается монополистическая деятельность хозяйствующих субъектов в форме ограничивающих конкуренцию соглашений и (или) согласованных действий.

При рассмотрении споров, вытекающих из применения данных антимонопольных запретов, судам необходимо исходить из того, что само по себе взаимодействие хозяйствующих субъектов к общей выгоде, в том числе предполагающее объединение их усилий, взаимное согласование и совместное осуществление действий (бездействие) на товарном рынке (например, заключение договоров простого товарищества для ведения совместной деятельности; привлечение одним хозяйствующим субъектом другого в качестве соисполнителя (субподрядчика) по гражданско-правовому договору; участие хозяйствующих субъектов в решении общих проблем функционирования рынка в рамках деятельности профессиональных ассоциаций), антимонопольным законодательством не запрещается.

Достигнутые между хозяйствующими субъектами договоренности (соглашения), согласованные действия запрещаются антимонопольным законодательством, если целью и (или) результатом соглашений и согласованных действий является недопущение (устранение, ограничение) соперничества хозяйствующих субъектов на товарных рынках (часть 2 статьи 1, пункты 7 и 18 статьи 4 Закона).

Соглашения и согласованные действия, которые могут иметь неблагоприятные последствия для конкуренции на товарных рынках, но признаются допустимыми в соответствии со статьями 12, 13 Закона, не образуют нарушения статей 11 и 11¹ Закона.

21. С учетом положений пункта 18 статьи 4 Закона о защите конкуренции соглашением хозяйствующих субъектов могут быть признаны любые договоренности между ними в отношении поведения на рынке, в том числе как оформленные письменно (например, договоры, решения объединений хозяйствующих субъектов, протоколы), так и не получившие письменного оформления, но нашедшие отражение в определенном поведении. Факт наличия соглашения не ставится в зависимость от его заключения в виде договора по правилам, установленным гражданским законодательством, включая требования к форме и содержанию сделок.

Наличие соглашения может быть установлено исходя из того, что несколько хозяйствующих субъектов намеренно следовали общему плану поведения (преследовали единую противоправную цель), позволяющему извлечь выгоду из недопущения (ограничения, устранения) конкуренции на товарном рынке.

Вместе с тем схожесть поведения нескольких хозяйствующих субъектов сама по себе не является основанием для вывода о наличии между ними ограничивающего конкуренцию соглашения. В этом случае необходимо учитывать, имелись ли иные причины для избранного хозяйствующими субъектами поведения, например, если оно соответствует сформировавшимся (изменившимся) на рынке условиям деятельности, обусловлено одинаковой оценкой ситуации на рынке со стороны хозяйствующих субъектов.

С учетом публичного характера антимонопольных запретов и презумпции добросовестности участников гражданского оборота обязанность установить, что между хозяйствующими субъектами имеется соглашение, которое нарушает статью 11 Закона, а также определить состав участников соглашения возлагается на антимонопольный орган.

22. На основании части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции запрещаются картели — ограничивающие конкуренцию соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, осуществляющими продажу товаров на одном товарном рынке или приобретение товаров на одном товарном рынке.

Исходя из содержания данной нормы при установлении наличия картельного соглашения подлежит доказыванию факт того, что участники картеля являются конкурентами на товарном рынке и достигнутые между ними договоренности имеют предмет, определенный в пунктах 1—5 части 1 статьи 11 Закона. Наличие конкурентных отношений между участниками картеля подтверждается результатами проведенного анализа состояния конкуренции на товарном рынке.

Ограничение конкуренции картелем в случаях, упомянутых в пунктах 1—5 части 1 статьи 11 Закона, в силу закона предполагается.

23. Признаются ограничивающими конкуренцию и запрещаются соглашения (картели) между хозяйствующими субъектами, которые приводят или могут привести к установлению или поддержанию цен (тарифов), скидок, надбавок (доплат) и (или) наценок (пункт 1 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции).

В силу данного антимонопольного запрета исключаются возможность хозяйствующих субъектов-конкурентов определять уровень предлагаемых на рынке цен в результате достигнутых между ними договоренностей, направленных на поддержание необоснованно высоких потребительских цен, необоснованное занижение цен в целях устранения иных хозяйствующих субъектов-конкурентов с рынка и (или) создание барьеров в возникновении новых конкурентов, иное подобное извлечение выгоды из картеля. При этом положения пункта 1 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции в зависимости от субъектного состава участников картеля могут быть применены как к изготовителям, так и к лицам, участвующим в распространении товаров на оптовом и розничном рынках.

Само по себе согласование ценовых условий приобретения товаров (условий получения скидок с цены) между несколькими хозяйствующими субъектами — потребителями и поставщиком (поставщиками) не является основанием для вывода о достижении такими потребителями между собой соглашения об установлении (о поддержании) определенного уровня цен, запрещенного согласно пункту 1 части 1 статьи 11 Закона. В то же время антимонопольный орган и иные заинтересованные лица вправе доказывать, что действия хозяйствующих субъектов образуют нарушение части 1 либо частей 2 и 4 статьи 11 Закона, например, если соответствующие договоренности достигнуты между хозяйствующими субъектами в целях исключения возможности получения аналогичных скидок иными потребителями, понуждения поставщика к установлению скидок, которые не предоставляются иным потребителям.

24. Запрещаются картели — соглашения хозяйствующих субъектов, которые приводят или могут привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах (пункт 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции).

При возникновении спора о наличии соглашения, запрещенного пунктом 2 части 1 статьи 11 Закона, судам следует давать оценку совокупности доказательств, свидетельствующих о наличии причинно-следственной связи между действиями участников торгов и повышением, снижением или поддержанием цен на торгах. В том числе необходимо принимать во внимание, является ли достигнутый уровень снижения (повышения) цены обычным для торгов, которые проводятся в отношении определенных видов товаров; имеются ли в поведении нескольких участников торгов признаки осуществления единой

стратегии; способно ли применение этой стратегии повлечь извлечение выгоды из картеля его участниками.

Если действия организатора торгов привели или могли привести к ограничению возможности повышения (снижения) цены для потенциальных участников (например, начальная цена установлена в размере, не предполагающем ее значительного снижения или повышения в ходе торгов), данное обстоятельство учитывается судом при оценке того, имелось ли в действиях участников торгов нарушение пункта 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции, в совокупности с иными обстоятельствами.

При этом пассивное поведение одного из участников торгов либо отказ от участия в торгах после подачи заявки сами по себе не являются следствием участия в ограничивающем конкуренцию соглашении на торгах. В частности, не образует соглашения, запрет на совершение которого установлен пунктом 2 части 1 статьи 11 Закона, участие в торгах нескольких хозяйствующих субъектов, не связанное с повышением, снижением или поддержанием цен на торгах, но направленное на то, чтобы торги были признаны состоявшимися и к ним не применялись правила заключения договора с единственным участником (например, пункт 25 части 1 статьи 93 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (далее — Закон о контрактной системе), пункт 14 статьи 39¹² Земельного кодекса Российской Федерации) или последствия участия в торгах одного лица (пункт 5 статьи 447 Гражданского кодекса). Если в реализации указанных целей участвовал заказчик (организатор торгов), то его действия при наличии оснований могут быть квалифицированы в качестве нарушения статьи 17 (в частности, пункта 1 части 1) Закона о защите конкуренции.

25. При разграничении соглашений, указанных в пункте 2 части 1 статьи 11 Закона, и иных видов картелей судам необходимо исходить из следующего.

Соглашение хозяйствующих субъектов, направленное на установление или поддержание цен в связи с участием в торгах, в том числе нескольких, квалифицируется по пункту 2 части 1 статьи 11 Закона о защите конкуренции, являющемуся в данном случае специальной нормой по отношению к пункту 1 части 1 данной статьи.

В том случае, когда хозяйствующими субъектами-конкурентами было достигнуто соглашение по разделу рынка (распределены торги для участия в них по определенному критерию), не связанное с поддержанием цен на торгах, допущенное нарушение может быть квалифицировано по пункту 3 части 1 статьи 11 Закона.

26. Антимонопольным законодательством, по общему правилу, запрещаются ограничивающие конкуренцию “вертикальные” соглашения — соглашения между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар, целью и (или) резуль-

татом исполнения которых является ограничение конкуренции (пункт 19 статьи 4, части 2 и 4 статьи 11 Закона).

Исходя из пункта 18 статьи 4 Закона антимонопольный запрет “вертикальных” соглашений относится к добровольным договоренностям, достигнутым между продавцом и покупателем товара в связи с существующими между ними гражданско-правовыми отношениями. К соглашению, навязанному лицом, доминирующим на рынке, применяется статья 10 Закона.

В иных случаях направление лицом указаний продавцам относительно их поведения в отношении потребителей, в том числе если такие указания были реализованы в связи с наличием гражданско-правового договора и в силу экономической зависимости продавцов от давшего указания лица, может быть рассмотрено в качестве недопустимой координации экономической деятельности (пункт 14 статьи 4, часть 5 статьи 11 Закона).

Обратить внимание судов на то, что одновременная квалификация поведения хозяйствующих субъектов как ограничивающего конкуренцию соглашения и как координации экономической деятельности не допускается.

27. Соглашения хозяйствующих субъектов, не указанные в части 1 статьи 11 Закона, в том числе соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, “вертикальные” соглашения и прочие соглашения, могут быть признаны недопустимыми, если антимонопольным органом будет доказано, что результатом реализации или целью договоренностей, достигнутых между хозяйствующими субъектами, являлось недопущение (ограничение, устранение) конкуренции на товарном рынке (части 2 и 4 статьи 11 Закона о защите конкуренции).

Само по себе наличие в договоре, заключенном между хозяйствующими субъектами, условий, определяющих поведение участников договора во взаимоотношениях друг с другом и третьими лицами, не означает, что стороны договора преследовали цель ограничения конкуренции. В этих случаях должны учитываться ожидаемое состояние рынка и положение его участников, если бы спорное соглашение не имело места, а в случае реализации соглашения — его фактическое влияние на состояние конкуренции на соответствующем товарном рынке.

При оценке того, направлены ли действия хозяйствующих субъектов на ограничение конкуренции в связи с достигнутыми между ними договоренностями, суд вправе принимать во внимание доводы участников соглашения, свидетельствующие о наличии разумных экономических и (или) обусловленных законодательством (в том числе отраслевым регулированием) причин в достижении соответствующих договоренностей между участниками соглашения.

28. В силу положений части 7 статьи 11 Закона о защите конкуренции, по общему правилу, положения данной статьи не применяются в отношении соглашений между субъектами, входящими в одну группу лиц согласно статье 9 Закона,

при условии, что одним из таких хозяйствующих субъектов в отношении другого хозяйствующего субъекта установлен контроль либо если такие хозяйствующие субъекты находятся под контролем одного лица. При этом контроль должен осуществляться в одной из форм, указанных в части 8 статьи 11 Закона.

Например, установленный пунктом 3 части 1 статьи 11 Закона запрет раздела рынка между хозяйствующими субъектами не действует в случае распределения регионов продажи товаров по территориальному принципу или иному указанному в данной норме критерию между оптовыми продавцами, находящимися под контролем одного лица и образующими совместно с ним группу лиц. Вместе с тем исходя из части 2 статьи 9 Закона указанный запрет сохраняет действие в отношении договоренностей группы лиц с иными лицами.

При доказывании ограничивающего конкуренцию соглашения, предусмотренного частью 1 статьи 11 Закона, в отношении хозяйствующих субъектов, не отвечающих требованиям частей 7, 8 статьи 11 Закона, но формирующих группу лиц по иным основаниям, установленным статьей 9 Закона, тем не менее должно быть установлено, что указанные лица являются конкурентами.

29. Статьей 11¹ Закона о защите конкуренции установлен запрет на совершение ограничивающих конкуренцию согласованных действий хозяйствующих субъектов, который в силу пункта 2 части 1 статьи 8 Закона применяется к действиям, заранее известным каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий.

Исходя из пункта 3 части 1 статьи 8 Закона в опровержение нарушения запрета согласованных действий хозяйствующий субъект вправе доказывать, что его поведение не связано с публичными заявлениями иных участников рынка, в частности, выступает следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на всех хозяйствующих субъектов на соответствующем товарном рынке.

Если обмен информацией между хозяйствующими субъектами не носил публичного (открытого) характера, но привел к ограничению конкуренции (например, вызвал синхронное изменение цен на товары), действия хозяйствующих субъектов при наличии оснований могут быть квалифицированы по статье 11 Закона как соглашение, ограничивающее конкуренцию, в том числе если имело место уничтожение документов (например, деловой переписки, протоколов встреч) участниками соглашения.

Запрет недобросовестной конкуренции

30. В силу запрета недобросовестной конкуренции хозяйствующие субъекты вне зависимости от их положения на рынке при ведении экономической деятельности обязаны воздерживаться от поведения, противоречащего законодательству и (или) сложившимся в гражданском обороте представлениям о добропорядочном, ра-

зумном и справедливом поведении (статья 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности, пункты 3, 4 статьи 1 Гражданского кодекса, пункты 7 и 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции).

Нарушение хозяйствующим субъектом при ведении своей деятельности норм гражданского и иного законодательства, в том числе в случае неправомерного использования охраняемого результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, само по себе не означает совершение акта недобросовестной конкуренции.

При рассмотрении спора о нарушении запрета недобросовестной конкуренции должны быть установлены в совокупности:

- факт осуществления хозяйствующим субъектом действий, способных оказать влияние на состояние конкуренции;

- отличие избранного хозяйствующим субъектом способа конкуренции на рынке от поведения, которое в подобной ситуации ожидалось бы от любого субъекта, преследующего свой имущественный интерес, но не выходящего за пределы осуществления гражданских прав и честной деловой практики;

- направленность поведения хозяйствующего субъекта на получение преимущества, в частности имущественной выгоды или возможности ее извлечения, при осуществлении экономической деятельности за счет иных участников рынка, в том числе посредством оказания влияния на выбор покупателей (потребителей), на возможность иных хозяйствующих субъектов, конкурирующих добросовестно, извлекать преимущество из предложения товаров на рынке, на причинение вреда хозяйствующим субъектам-конкурентам иными подобными способами (например, в результате использования (умаления) чужой деловой репутации).

Для доказывания факта недобросовестной конкуренции необходимо установление как специальных признаков, определенных нормами статей 14¹—14⁷ Закона, так и общих признаков недобросовестной конкуренции, предусмотренных пунктом 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции, статьей 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

31. Не допускается недобросовестная конкуренция путем дискредитации (статья 14¹ Закона), а также путем введения в заблуждение (статья 14² Закона).

При разграничении указанных составов недобросовестной конкуренции следует учитывать, что статьей 14¹ Закона о защите конкуренции охватывается распространение недостоверных (ложных, неточных или искаженных) сведений хозяйствующим субъектом в отношении конкурентов, а статьей 14² Закона о защите конкуренции — в отношении своей собственной деятельности и (или) своих товаров (работ, услуг).

32. Перечень форм недобросовестной конкуренции не является исчерпывающим (статья 14⁸ Закона о защите конкуренции).

При квалификации действий конкретного лица в качестве акта недобросовестной конкуренции на основании статьи 14⁸ Закона о защите конкуренции оцениваются общие признаки недобросовестной конкуренции, определенные пунктом 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции, статьей 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Установленные статьей 20¹ Федерального закона от 4 декабря 2007 года № 329-ФЗ “О физической культуре и спорте в Российской Федерации” составы недобросовестной конкуренции равным образом охватываются положениями Закона о защите конкуренции, и соответствующие действия могут быть признаны актом недобросовестной конкуренции, если в них выявлены признаки, указанные в пункте 9 статьи 4 Закона о защите конкуренции с учетом статьи 10-bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности.

Запрет на ограничивающие конкуренцию акты, действия (бездействие), соглашения и (или) согласованные действия органов публичной власти

33. Закон о защите конкуренции определяет организационные и правовые основы предупреждения и пресечения недопущения, ограничения, устранения конкуренции федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, иными осуществляющими функции указанных органов органами или организациями, а также государственными внебюджетными фондами, Центральным банком Российской Федерации (пункт 2 части 1 статьи 1 Закона).

В связи с этим судам необходимо иметь в виду, что антимонопольному контролю в соответствии со статьями 15 и 16 Закона подлежат нормативные и индивидуальные правовые акты, иные решения лиц, перечисленных в пункте 2 части 1 статьи 1 Закона, их действия (бездействие), соглашения и (или) согласованные действия, способные влиять на конкуренцию на товарных рынках, в том числе принятые (совершенные) в связи с реализацией властных полномочий.

Нарушение антимонопольных запретов государственными (муниципальными) учреждениями и унитарными предприятиями, допущенное в связи с их участием в гражданском обороте, в том числе при заключении (исполнении) договоров, в зависимости от характера допущенного нарушения квалифицируется по соответствующим положениям Закона (в частности, положениям статей 10, 11, 17 и 17¹), иных законодательных актов (например, части 5 статьи 24 Закона о контрактной системе).

34. При наличии спора о соответствии статье 15 Закона о защите конкуренции правовых актов, решений, действий (бездействия) антимонопольный орган должен доказать факт недопущения, ограничения, устранения конкуренции либо ус-

тановить угрозу наступления таких последствий на определенном товарном рынке, в том числе в результате нарушения прав и законных интересов отдельных участников рынка, создания для них конкурентных преимуществ или препятствий в конкуренции на товарных рынках.

Угроза наступления неблагоприятных последствий для конкуренции в результате принятия правовых актов, совершения действий (бездействия) предполагается и не требует дополнительного доказывания антимонопольным органом в случаях нарушения запретов, прямо сформулированных в частях 1—3 статьи 15 Закона, в частности в случаях установления органами публичной власти и иными указанными в данной норме лицами запретов (введения ограничений) в отношении осуществления отдельных видов деятельности или производства определенных видов товаров, установления для приобретателей товаров ограничений выбора хозяйствующих субъектов, которые предоставляют такие товары.

При применении конкретных положений статьи 15 Закона судам также необходимо учитывать, имеется ли норма иного федерального закона, допускающая принятие оспариваемого акта, осуществление действий (бездействие). Например, не противоречит пункту 1 части 1 статьи 15 Закона как таковое установление органом государственной власти субъекта Российской Федерации запрета на продажу алкогольной продукции через ряд объектов торговли, поскольку возможность установления такого рода ограничений в отношении осуществления отдельных видов деятельности предусмотрена абзацем вторым пункта 9 статьи 16 Федерального закона от 22 ноября 1995 года № 171-ФЗ “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”.

Кроме того, исходя из пункта 2 части 1 статьи 1 Закона вне связи с защитой конкуренции на товарных рынках антимонопольные органы не вправе оспаривать обоснованность (целесообразность) принятия соответствующих правовых актов, совершения действий (бездействия) органами публичной власти в пределах предмета их ведения. Поэтому как таковая возможность установления иного, в том числе более благоприятного для конкуренции, регулирования в соответствующей сфере деятельности, предпочтительность выбора другого способа организации деятельности публично-правового образования и удовлетворения потребностей граждан на территории публично-правового образования, тому подобные доводы сами по себе не могут служить основанием для вывода о нарушении статьи 15 Закона.

Например, не признается нарушением статьи 15 Закона установление нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации в его границах остановочных пунктов межрегиональных маршрутов регулярных перевозок на основании пункта 13 статьи 4 Федерального закона от 13 июля 2015 года № 220-ФЗ “Об организации

регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” в интересах жителей соответствующих населенных пунктов, в том числе в целях снижения загрузки улиц и автомобильных дорог, несмотря на то, что это может нарушать коммерческие интересы отдельных перевозчиков и (или) владельцев инфраструктуры иных остановочных пунктов (автовокзалов, автостанций). Вместе с тем о нарушении пункта 1 части 1 статьи 15 Закона может свидетельствовать произвольное установление (исключение) начальных и (или) конечных остановочных пунктов по межрегиональным маршрутам регулярных перевозок, нарушающее права хозяйствующих субъектов — перевозчиков.

35. Антимонопольным законодательством органам публичной власти запрещается создание дискриминационных условий: условий доступа на товарный рынок, условий производства, обмена, потребления, приобретения, продажи, иной передачи товара, при которых хозяйствующий субъект или несколько хозяйствующих субъектов поставлены в неравное положение по сравнению с другим хозяйствующим субъектом или другими хозяйствующими субъектами (пункт 8 статьи 4, пункт 8 части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции).

При проверке того, являются ли созданные для хозяйствующих субъектов и подлежащие применению (применяемые) к ним условия деятельности дискриминационными (нарушающими принцип равенства), судам необходимо давать оценку объективности критериев, по которым проводится дифференциация прав и обязанностей хозяйствующих субъектов, наличие законной цели в действиях органов публичной власти при установлении различий в условиях деятельности хозяйствующих субъектов и реализации их прав.

Установление (предоставление) правовым актом прав и вытекающих из них преимуществ на рынке для определенной категории хозяйствующих субъектов само по себе не свидетельствует о создании дискриминационных условий, если это допускается законодательством и обусловлено публичным интересом, например, необходимо для предоставления поддержки отдельным категориям хозяйствующих субъектов, определенным законодательством, для обеспечения социально-экономического развития региона.

В частности, не является созданием дискриминационных условий как таковое предоставление хозяйствующим субъектам поддержки (например, имущественной, финансовой) в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”, Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 488-ФЗ “О промышленной политике в Российской Федерации”, Федеральным законом от 25 июля 2011 года № 260-ФЗ “О государственной поддержке в сфере сельскохозяйствен-

ного страхования и о внесении изменений в Федеральный закон “О развитии сельского хозяйства”. Однако нарушением запрета, установленного пунктом 8 части 1 статьи 15 Закона, может быть признано создание неравных условий доступа к фактическому получению указанной поддержки среди лиц, имеющих согласно закону право на ее получение.

Антимонопольный запрет создания дискриминационных условий распространяется также на условия (порядок) предоставления субсидий хозяйствующим субъектам в соответствии с бюджетным законодательством. Например, не являются дискриминационными условия предоставления субсидий за счет бюджета субъекта Российской Федерации, ограничивающие круг лиц, имеющих право на получение субсидии только лицами, ведущими деятельность на территории данного субъекта Российской Федерации и уплачивающими налоги в бюджет данного субъекта. Однако могут быть признаны дискриминационными условия, исключающие возможность получения субсидии хозяйствующими субъектами, которые ведут деятельность на территории субъекта Российской Федерации, в связи с их регистрацией и ведением деятельности также на территории иных субъектов Российской Федерации.

36. В силу пункта 7 части 1 статьи 15 Закона о защите конкуренции не допускается предоставление государственных или муниципальных преференций в нарушение требований, установленных главой 5 Закона.

Исходя из пункта 20 статьи 4 Закона для целей применения указанного антимонопольного запрета под преференциями понимаются преимущества, которые обеспечивают хозяйствующим субъектам более выгодные условия деятельности, чем у их конкурентов. Преференции предоставляются в форме передачи государственного или муниципального имущества, иных объектов гражданских прав либо путем предоставления имущественных льгот, государственных или муниципальных гарантий.

Судам следует учитывать, что в силу пункта 1 части 3 статьи 19 Закона о защите конкуренции в случаях, когда предоставление преференций определенным хозяйствующим субъектам предусматривается нормативными правовыми актами о бюджете, принятыми соответствующим законодательным (представительным) органом, антимонопольный орган в рамках полномочий, предусмотренных главой 5 Закона, не вправе определять круг получателей преференций и требовать предварительного письменного согласования их предоставления этим лицам.

Вместе с тем антимонопольный орган вправе в пределах антимонопольного контроля оценивать правомерность предоставления преференций, включая бюджетные субсидии, по иным основаниям, установленным статьями 15 и 16 Закона, а также контролировать предоставление преференций на цели, указанные в части 1 статьи 19 Закона о защите конкуренции.

**Антимонопольные требования к торгам,
запросу котировок цен на товары,
запросу предложений**

37. В соответствии с частью 1 статьи 17 Закона о защите конкуренции при проведении торгов, запроса котировок цен на товары, запроса предложений (далее для целей данного раздела — процедуры определения поставщика, процедуры) запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, в том числе координация организаторами или заказчиками процедур определения поставщика деятельности их участников, создание участнику (участникам) преимущественных условий участия, нарушение порядка определения победителя, участие организаторов и (или) заказчиков, их работников в процедурах определения поставщика.

По смыслу взаимосвязанных положений части 1 статьи 1, частей 1 и 4 статьи 17, части 5 статьи 18 Закона о защите конкуренции антимонопольный контроль допускается в отношении процедур, обязательность проведения которых прямо предусмотрена законом и введена в целях предупреждения и пресечения монополистической деятельности, формирования конкурентного товарного рынка, создания условий его эффективного функционирования (далее — обязательные процедуры), например конкурентных процедур определения поставщика в соответствии со статьей 24 Закона о контрактной системе.

Равным образом, исходя из требований части 5 статьи 17 Закона, частей 2—3¹ статьи 3 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ “О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц” (далее — Закон о закупках) в их взаимосвязи правила статьи 17 Закона применяются к конкурентным закупкам товаров, работ, услуг, осуществляемым в соответствии с Законом о закупках (далее для целей данного раздела — конкурентные закупки). Действия хозяйствующих субъектов при осуществлении закупки товаров, работ, услуг у единственного поставщика согласно положению о закупке, принятому в соответствии с Законом о закупках, не могут быть рассмотрены на предмет нарушения статьи 17 Закона о защите конкуренции.

Иные торги, проведенные с нарушением положений, установленных законом, к сфере антимонопольного контроля по правилам статьи 17 Закона не относятся, что не исключает предъявление заинтересованными лицами исков о признании таких торгов и сделок, заключенных по их результатам, недействительными и о применении последствий недействительности (например, на основании пункта 1 статьи 449 Гражданского кодекса, статей 61⁸, 139 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)”).

38. Поскольку проведение процедур определения поставщика, конкурентных закупок является способом заключения договора, то положения статьи 17 Закона не применяются судом, если заключение договора по их результатам признается

монополистической деятельностью и (или) нарушает запрет на соглашения и согласованные действия, установленный для органов публичной власти. Действия организатора и участников в указанных случаях могут быть квалифицированы соответственно по статьям 10, 11 и 16 Закона.

Например, если по результатам проведенной процедуры устанавливаются дискриминационные условия доступа к объектам инфраструктуры доминирующего на рынке субъекта, заключение такого договора может быть признано недопустимым на основании части 1 статьи 10 Закона.

39. При оценке того, привели или могли привести действия, совершенные в ходе обязательных процедур, а также конкурентных закупок, к недопущению, ограничению или устранению конкуренции на определенном рынке, необходимо учитывать, что правила статьи 17 Закона о защите конкуренции применяются к ним постольку, поскольку законом или в установленном им порядке не предусмотрено иное. В частности, Законом о контрактной системе, Законом о закупках установлены специальные правила о порядке проведения процедур определения поставщика, конкурентных закупок и специальные полномочия антимонопольного органа по контролю за их проведением. Соответственно, положения статьи 17 Закона применяются к таким процедурам и конкурентным закупкам в части, не урегулированной специальными нормами, или в части, конкретизирующей их положения.

40. Пунктами 1, 2 и 4 части 1 статьи 17 Закона о защите конкуренции установлены запреты на осуществление организатором обязательных процедур, конкурентных закупок или заказчиком действий, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции, включая запреты на координацию деятельности участников, создание преимущественных условий участия для отдельных ее участников (в том числе посредством открытия доступа к информации), нарушение порядка определения победителя.

По смыслу указанных норм не допускаются к участию в обязательных процедурах, конкурентных закупках организатор, заказчик, работники организатора или заказчика, а также иные лица, которым организатор или заказчик имеют фактическую возможность давать обязательные для исполнения указания или иным образом определять их действия. Осуществление фактического контроля возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков связанности (например, через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов управления участника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении). При установлении такого контроля судам необходимо проверить, насколько значительным было влияние связанного с ним лица на принятие решений, касающихся участия в обязательной процедуре, конкурентной закупке.

41. Изменение сторонами условий договора, заключенного по результатам обязательных процедур, конкурентных закупок, допускается в пре-

делах, установленных законом (например, пункт 8 статьи 448 Гражданского кодекса, статья 95 Закона о контрактной системе), и само по себе не может являться нарушением требований частей 1 и 2 статьи 17 Закона о защите конкуренции. Например, о создании для победителя преимущественных условий участия не может свидетельствовать сама по себе вероятность привлечения большего количества участников в случае изначального составления договора на измененных условиях.

Вместе с тем, если договор изменен настолько, что это влияет на условия, представляющие существенное значение, например, для определения цены договора, и имеются достаточные основания полагать, что в случае изначального предложения договора на измененных условиях состав участников был бы иным и (или) победителем могло быть признано другое лицо, то действия сторон по изменению договора могут быть квалифицированы как обход требований статьи 17 Закона о защите конкуренции, а соглашение, которым внесены соответствующие изменения, считается ничтожным на основании частей 1 и 2 статьи 17 Закона о защите конкуренции, пункта 2 статьи 168 и пункта 8 статьи 448 Гражданского кодекса.

42. Обязательные процедуры, конкурентные закупки, проведенные с нарушением правил части 1 статьи 17 Закона о защите конкуренции, и договор, заключенный по их результатам, могут быть признаны недействительными по иску антимонопольного органа и (или) заинтересованного лица (часть 4 статьи 17, часть 5 статьи 18 Закона о защите конкуренции). К заинтересованным лицам, имеющим право на оспаривание обязательной процедуры, конкурентной закупки и договора, заключенного с победителем (оспоримой сделки), относятся, в частности, участники такой процедуры, конкурентной закупки, стороны договора, заключенного по ее результатам.

Вместе с тем заявление заказчика и (или) победителя о недействительности договора и применении последствий его недействительности (например, требование, предъявленное в суд, возражение против иска) не имеет правового значения, если обстоятельство, на которые ссылается заявитель в обоснование недействительности, вызваны недобросовестными действиями самого заявителя, а предъявление иска направлено на уклонение от исполнения договорного обязательства (абзац четвертый пункта 2, пункт 5 статьи 166 Гражданского кодекса).

43. Рассматривая иски заинтересованных лиц о признании обязательных процедур, конкурентных закупок, договоров, заключенных по их результатам, недействительными и о применении последствий их недействительности, суду требуется проверить:

- наличие нарушения статьи 17 Закона, в том числе что совершенное действие (бездействие) привело или может привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции;

- ущемление прав заявителя как участника рынка, охраняемого законом интереса заинтере-

сованного лица в таком признании и применении последствий, в частности, имеется ли фактическая возможность для восстановления прав истца, например, могло ли данное лицо стать победителем при отсутствии нарушений проведения процедуры, конкурентной закупки исходя из всей совокупности условий торгов (статьи 166, 449 Гражданского кодекса, статья 17 Закона).

Если иск предъявлен антимонопольным органом, в дополнение к названным обстоятельствам антимонопольный орган обязан доказать, что признание обязательной процедуры, конкурентной закупки и договора, заключенного по их результатам, недействительными и применение последствий недействительности приведут к восстановлению конкуренции на рынке и (или) позволят исключить продолжающееся нарушение конкуренции, а также то, что применение последствий недействительности учитывает социально-экономические интересы государства (муниципального образования) и не нарушает их.

Иск о признании договора, заключенного по результатам обязательной процедуры, конкурентной закупки, недействительным может быть удовлетворен также в случае, когда такой договор исполнен.

Лицо, которое должно было стать победителем, вправе требовать возмещения убытков вне зависимости от предъявления самостоятельного иска о признании обязательной процедуры, конкурентной закупки недействительными и о применении последствий их недействительности (статьи 15, 393 Гражданского кодекса).

44. Срок исковой давности по требованию о признании обязательной процедуры, конкурентной закупки, договора, заключенного по их результатам, недействительными и о применении последствий их недействительности со ссылкой на статью 17 Закона составляет один год со дня заключения договора, а в случае, когда такой договор не заключен, — со дня завершения обязательной процедуры, конкурентной закупки (пункт 1 статьи 449 Гражданского кодекса).

Данный сокращенный срок исковой давности не распространяется на требования об оспаривании соглашений, изменяющих или прекращающих договор, заключенный по результатам обязательной процедуры, конкурентной закупки. К таким требованиям применяются общие сроки исковой давности, установленные гражданским законодательством (статьи 181, 196 Гражданского кодекса).

Полномочия антимонопольных органов

45. При возникновении споров, разрешение которых требует оценки соблюдения антимонопольными органами установленной компетенции и порядка реализации полномочий, судам необходимо принимать во внимание, при выполнении каких функций и во исполнение каких требований законодательства антимонопольным органом приняты соответствующие акты.

Так, рассмотрение дел о нарушениях антимонопольного законодательства, по общему прави-

лу, осуществляется антимонопольным органом в соответствии с главой 9 Закона о защите конкуренции. Иной порядок рассмотрения дел может быть прямо предусмотрен законом.

Если иное не установлено законодательством, то определенные Законом о защите конкуренции формы и порядок реализации функций антимонопольного органа подлежат применению в случае нарушения соответствующими лицами специальных антимонопольных требований и запретов, которые содержатся в иных федеральных законах. В частности, на основании части 2 статьи 16 Закона о торговле установленные правила реализации антимонопольными органами своих полномочий применяются при выявлении нарушений (признаков нарушений), указанных в статьях 9, 13—15 Закона о торговле.

В тех случаях, когда Федеральная антимонопольная служба и ее территориальные органы реализуют контрольно-надзорные функции в иных сферах правового регулирования, правила реализации полномочий, установленные Законом о защите конкуренции, не применяются, если иное прямо не предусмотрено законодательством. Например, порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 9 Закона о защите конкуренции, не применяется при нарушении положений Закона о контрактной системе и Закона о закупках, за исключением случаев, когда имеются признаки нарушения статьи 17 Закона о защите конкуренции. Иное прямо предусмотрено в отношении жалоб участников закупки на действия (бездействие) заказчика при проведении по правилам Закона о закупках конкурентных закупок, которые в силу статьи 18¹ Закона о защите конкуренции подлежат рассмотрению в установленном данной нормой порядке, но по основаниям, установленным частью 10 статьи 3 Закона о закупках.

Несоблюдение определенного законом порядка реализации полномочий антимонопольным органом может являться основанием для признания недействительными соответствующих актов антимонопольного органа, если это привело или могло привести к нарушению прав и законных интересов соответствующего лица.

С учетом положений части 1 статьи 2 Закона не подлежит признанию недействительным решение или предписание антимонопольного органа (а равно не может быть отказано антимонопольному органу в удовлетворении его исковых требований) только на основании квалификации соответствующих правоотношений с участием хозяйствующего субъекта, которому выдано предписание антимонопольного органа или к которому данным органом подан иск, как гражданско-правовых.

46. Статья 39¹ Закона о защите конкуренции устанавливает полномочия антимонопольных органов по выдаче предупреждений о прекращении действий (бездействия), которые содержат признаки нарушения антимонопольного законодательства.

При рассмотрении споров, связанных с оспариванием законности предупреждений, судам

необходимо учитывать, что по смыслу взаимосвязанных положений частей 1 и 4 статьи 39¹, пункта 7 части 9 статьи 44 Закона предупреждение должно содержать предварительную оценку действий (бездействия) лица на предмет наличия в них нарушения антимонопольного законодательства и предоставлять возможность лицу самостоятельно устранить допущенные нарушения, если таковые имели место в действительности.

В предупреждении антимонопольного органа не могут устанавливаться факты нарушения антимонопольного законодательства и не может указываться на применение мер государственного принуждения. В частности, на стадии выдачи предупреждения к хозяйствующему субъекту не может применяться предусмотренная подпунктом “к” пункта 2 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции мера в виде перечисления в федеральный бюджет дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства.

47. Исходя из взаимосвязанных положений пункта 2 статьи 22, пунктов 2—3¹ части 1 статьи 23 и части 4 статьи 41 Закона о защите конкуренции к полномочиям антимонопольных органов при выявлении нарушений антимонопольного законодательства относится выдача хозяйствующим субъектам и иным лицам предписаний, направленных на прекращение соответствующих нарушений, устранение их последствий, включая восстановление положения, существовавшего до нарушения.

В связи с этим в предписании антимонопольного органа, выданном по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства, допустимо указание о применении мер, обязывающих хозяйствующего субъекта или иное лицо изменить свое поведение на товарном рынке, в том числе поведение по отношению к иным участникам рынка. Например, в случае злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением в форме установления монопольно высоких цен в предписании антимонопольного органа может быть указано на неприменение в целом таких цен в отношении контрагентов (потребителей).

Участники оборота в целях исполнения предписания по своей инициативе могут установить (изменить, прекратить) гражданско-правовые отношения, например восстановить действие договора, изменить его условия, в частности, установив рыночную цену товара, исполнить договорное обязательство в соответствии с требованиями антимонопольного законодательства, прекратить договорные обязательства.

В отдельных случаях, предусмотренных законом, в предписании антимонопольного органа допустимо указание мер, направленных на установление (изменение, прекращение) гражданских прав и обязанностей в отношении конкретных участников рынка определенным способом. Например, на основании подпунктов “и”, “л” пункта 2 части 1 статьи 23 Закона антимонопольный орган вправе выдавать предписания

хозяйствующим субъектам о заключении между ними договоров, об изменении условий заключенных между ними договоров или об их расторжении, об изменении или ограничении использования фирменного наименования, если при рассмотрении антимонопольным органом дела о нарушении антимонопольного законодательства лицами, права которых нарушены или могут быть нарушены, было заявлено соответствующее ходатайство. В указанных случаях антимонопольный орган вправе определить границы должного поведения в рамках конкретных гражданско-правовых отношений, предписав сторонам заключить договор или привести условия измененного договора в соответствие с решением, принятым по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства. Однако антимонопольный орган не вправе предписывать сторонам включить в договор конкретные условия, например, о цене, об объеме и условиях продажи товара определенному покупателю.

Прекращая выявленное нарушение, антимонопольный орган во всяком случае не вправе в рамках своей компетенции разрешать гражданско-правовые споры хозяйствующих субъектов. В частности, он не полномочен защищать субъективные гражданские права потерпевшего от такого нарушения путем вынесения предписания нарушителю об уплате контрагенту задолженности в определенном размере, об обязанности возместить понесенные убытки.

48. По смыслу положений пунктов 2—3¹ части 1 статьи 23 Закона в случаях выдачи антимонопольными органами предписаний, направленных на прекращение нарушений антимонопольного законодательства, указанные в предписаниях меры должны быть адресованы лицам, в действиях (бездействии) которых выявлены соответствующие нарушения. С учетом части 2 статьи 9 Закона, если нарушение антимонопольного законодательства допущено группой лиц, предписания могут быть также даны членам группы, которые являлись участниками дела о нарушении антимонопольного законодательства и способны юридически и фактически обеспечить устранение нарушения антимонопольного законодательства.

Вне зависимости от установленного срока исполнения предписания утрата возможности его исполнения в том числе в связи с изменением внешних обстоятельств либо отпадением необходимости исполнения предписания, например в связи с прекращением ведения хозяйствующим субъектом определенной экономической деятельности или ее изменением, не исключает возможность пересмотра антимонопольным органом мер, указанных в ранее выданном предписании применительно к части 1 статьи 51² Закона.

49. Антимонопольным законодательством предусмотрена возможность использования заинтересованными лицами внесудебного (административного) порядка обжалования решений и (или) предписаний территориальных антимо-

нопольных органов, вынесенных по делам о нарушении антимонопольного законодательства, в коллегиальном органе Федеральной антимонопольной службы (пункт 2 части 4 статьи 23, часть 1 статьи 52 Закона о защите конкуренции, далее — коллегиальный орган).

Судам необходимо исходить из того, что внесудебный (административный) порядок обжалования выступает гарантией защиты прав и законных интересов для лиц, участвующих в деле о нарушении антимонопольного законодательства, в том числе лиц, интересы которых могут быть затронуты несоблюдением антимонопольного законодательства лицом, признанным нарушителем.

В связи с этим принятие коллегиальным органом на основании части 10 статьи 23 Закона решения об отмене решения и (или) предписания территориального антимонопольного органа (в том числе ввиду нарушения единообразия в применении положений законодательства, определяющих компетенцию территориальных антимонопольных органов по рассмотрению конкретных дел) не исключает возможность возобновления рассмотрения дела соответствующим антимонопольным органом, если отсутствуют основания для прекращения рассмотрения дела в соответствии со статьей 48 Закона, в частности, если не истек срок давности рассмотрения дела, установленный статьей 41¹ Закона.

Поскольку закон допускает возможность восстановления срока оспаривания актов антимонопольного органа при использовании лицом судебного порядка защиты нарушенного права (часть 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ)), то с учетом принципа равенства следует признать допустимым также восстановление коллегиальным органом установленного частью 6 статьи 23 Закона срока подачи жалобы на решение территориального антимонопольного органа, пропущенного по уважительным причинам, в случае когда лицом избран внесудебный (административный) порядок обжалования.

Рассмотрение арбитражными судами дел об оспаривании ненормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) антимонопольных органов

50. По общему правилу, решения и (или) предписания оспариваются в арбитражном суде по месту нахождения антимонопольных органов, принявших этих акты (пункты 2 и 5 части 1 статьи 29 и статья 35 АПК РФ, части 1 и 1¹ статьи 52 Закона о защите конкуренции).

Если по результатам рассмотрения жалобы коллегиальный орган решение и (или) предписание территориального антимонопольного органа в обжалованной части оставил без изменения (полностью или частично), судам необходимо исходить из следующего. В указанном случае при рассмотрении в суде в порядке главы 24 АПК РФ дела по заявлению об оспаривании решения и (или) предписания антимонопольного органа

оценке подлежит данное решение (предписание) с учетом внесенных коллегиальным органом изменений (если таковые имели место), в связи с чем подсудность данного дела определяется по месту нахождения территориального антимонопольного органа. При этом государственная пошлина уплачивается заявителем в размере, подлежащем уплате при оспаривании одного ненормативного правового акта.

Решение коллегиального органа, принятое по жалобе, может являться самостоятельным предметом оспаривания в суде по существу, если оно представляет собой новое решение. Решение коллегиального органа также может оспариваться отдельно от решения соответствующего территориального антимонопольного органа по мотиву нарушения процедуры его принятия либо по мотиву выхода коллегиального органа за пределы своих полномочий.

51. Приказ антимонопольного органа о назначении проверки, приказ о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства, принимаемые на основании части 6 статьи 25¹, части 1 статьи 39 Закона о защите конкуренции, не являются актами, которыми разрешается вопрос о наличии в действиях лица соответствующих нарушений. В связи с этим при оспаривании указанных актов арбитражный суд должен проверить только основания, исключающие в силу закона возможность их вынесения.

Например, для приказа о проведении проверки такими основаниями могут являться: выход предмета проверки за пределы полномочий антимонопольного органа (части 3 и 5, пункт 4 части 7 статьи 25¹ Закона), нарушение допустимой периодичности проведения плановых проверок (часть 3 статьи 25¹ Закона), назначение внеплановой проверки в отсутствие установленных законом оснований, без необходимого в определенных случаях согласования с органом прокуратуры (части 4 и 5¹ статьи 25¹ Закона).

Приказ о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства может быть оспорен по основаниям, исключающим возможность возбуждения дела согласно части 9 статьи 44 Закона о защите конкуренции, например в связи с истечением к моменту возбуждения дела срока давности рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства (статья 41¹, пункт 5 части 9 статьи 44 Закона).

Если возбуждению дела о нарушении антимонопольного законодательства предшествовала выдача предупреждения, в случае оспаривания приказа о возбуждении дела суд в соответствии с пунктами 1, 2 и 7 части 9 статьи 44 Закона проверяет наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства на момент издания приказа с учетом действий по устранению нарушений (их последствий), предпринятых лицом, которому выдано предупреждение. При этом судам необходимо исходить из того, что Закон не исключает возможность устранения лицом признаков нарушения антимонопольного законодательства и последствий нарушений посредством совершения действий, отличных от мер, указан-

ных в предупреждении. Однако о принятых мерах или об отсутствии оснований для их применения во всяком случае должно быть сообщено антимонопольному органу в срок, указанный в предупреждении, или в иной срок, установленный антимонопольным органом, с приложением документов, подтверждающих совершение необходимых действий.

Приказ о возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства, предусмотренный статьей 10 Закона о защите конкуренции, может быть оспорен по основаниям, связанным с тем, что антимонопольным органом не установлено доминирующее положение хозяйствующего субъекта, в том числе если на момент возбуждения дела не проведен анализ состояния конкуренции в целях установления доминирующего положения хозяйствующего субъекта (часть 8 статьи 5, пункт 3 части 2 статьи 23, часть 7 статьи 44 Закона).

52. Решение антимонопольного органа об отказе в возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства может быть оспорено в арбитражном суде лицами, выступавшими заявителями при обращении в антимонопольный орган и обладающими заинтересованностью в возбуждении дела (пункт 2 части 2 статьи 39, статья 44 и часть 1 статьи 52 Закона, пункт 1 статьи 11 Гражданского кодекса).

При рассмотрении данной категории споров судам необходимо учитывать, что по смыслу положений частей 1 и 2 статьи 44 Закона на стадии возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган не рассматривает по существу вопрос о наличии нарушения, но анализирует, приведены ли в заявлении обстоятельства, которые могут свидетельствовать о наличии в действиях конкретного лица признаков нарушения антимонопольного законодательства, и представлены ли в подтверждение этих обстоятельств доказательства (либо указано на невозможность представления определенных документов и лицо, у которого они могут быть истребованы). Антимонопольный орган также не связан квалификацией указанных в заявлении действий, которую дает заявитель, а самостоятельно дает им квалификацию, в том числе на стадии возбуждения дела, исходя из содержания заявления и приложенных к нему доказательств.

В связи с этим при оценке законности отказа в возбуждении дела по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2 части 9 статьи 44 Закона, арбитражный суд проверяет правильность выводов антимонопольного органа о возможной квалификации нарушения, а также полноту проверки доводов заявителя, свидетельствующих о возможном наличии нарушения антимонопольного законодательства в поведении соответствующих лиц.

53. Несоблюдение установленного порядка рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства может являться основанием для признания недействительными решения и (или) предписания антимонопольного органа,

вынесенных по результатам рассмотрения дела, если допущенные нарушения являлись существенными (часть 4 статьи 200 АПК РФ).

Существенность нарушений оценивается исходя из последствий, которые данными нарушениями вызваны для лица, обратившегося в суд, а также возможного влияния допущенных нарушений на исход дела.

В частности, суд может признать существенным нарушением принятие комиссией решения об установлении в действиях ответчика по делу факта нарушения антимонопольного законодательства в отсутствие ранее выданного заключения об обстоятельствах дела; принятие комиссией решения за сроками давности, определенными статьей 41¹ Закона о защите конкуренции; неуведомление лица о времени и месте рассмотрения дела антимонопольным органом; принятие решения по делу в отсутствие кворума; необеспечение лицам, в отношении которых ведется производство, возможности ознакомиться с материалами дела, в том числе с аналитическим отчетом о состоянии конкуренции на товарном рынке; необеспечение возможности дать объяснения по делу до принятия решения.

54. Согласно части 4 статьи 200 АПК РФ вынесенное на основании закона предписание антимонопольного органа может быть признано недействительным полностью или в соответствующей части, если суд установит, что оспариваемое предписание нарушает права и законные интересы заявителя в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, поскольку указанные в нем меры являются несоразмерными.

При оценке соразмерности мер, указанных в предписании, суд принимает во внимание, являются ли они необходимыми для устранения нарушения антимонопольного законодательства или для достижения иных целей, определенных пунктами 2 и 3 части 1 статьи 23 Закона. Указанные в предписании меры могут быть также признаны несоразмерными, если их исполнение влечет значительные для хозяйствующего субъекта убытки и имеется возможность устранения допущенного нарушения иным, менее обременительным способом.

55. Рассматривая дело об оспаривании актов, решений, действий (бездействия) антимонопольных органов, арбитражный суд на основании части 1 статьи 64 АПК РФ, по общему правилу, проверяет законность соответствующего акта, решения, действия (бездействия) на основании доказательств, собранных и раскрытых в ходе производства по делу о нарушении антимонопольного законодательства.

Поскольку судебное разбирательство не подменяет установленный Законом порядок рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства (статьи 39, 43 Закона о защите конкуренции), дополнительные доказательства принимаются арбитражным судом в случае, если лицо, ходатайствующее об их принятии, включая антимонопольный орган, обосновало невозможность их представления на стадии рас-

смотрения дела в антимонопольном органе по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными, в частности, если имелись объективные препятствия для получения и (или) представления доказательств до вынесения оспариваемого акта. Например, не может быть принят в качестве доказательства, представляемого антимонопольным органом, аналитический отчет, составленный после завершения рассмотрения в административном порядке дела о нарушении антимонопольного законодательства.

В случае принятия дополнительных доказательств суд по ходатайству лица, участвующего в деле, в целях предоставления другой стороне возможности ознакомления с новыми доказательствами и представления опровергающих их доказательств вправе объявить перерыв в судебном заседании или отложить судебное разбирательство (статьи 158 и 163 АПК РФ).

56. Для доказывания факта нарушения законодательства о защите конкуренции, по общему правилу, требуется проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке (пункт 3 части 2 статьи 23 и часть 5¹ статьи 45 Закона о защите конкуренции).

С учетом положений части 4 статьи 45¹ Закона, частей 4 и 5 статьи 71 АПК РФ судам необходимо исходить из того, что аналитический отчет о результатах анализа состояния конкуренции на товарном рынке относится к письменным доказательствам и должен отвечать требованиям закона, предъявляемым к данному виду доказательств. Аналитический отчет не предопределяет выводов о наличии (об отсутствии) антимонопольного нарушения, не имеет заранее установленной силы по отношению к иным доказательствам и подлежит оценке судом наряду с прочими доказательствами, представленными в материалы дела.

В силу статей 71 и 89 АПК РФ заключения по вопросам анализа состояния конкуренции на товарном рынке, подготовленные иными лицами, обладающими специальными познаниями, в том числе по поручению лиц, участвовавших в производстве по делу о нарушении антимонопольного законодательства, также могут быть приняты судом в качестве доказательств.

При оспаривании лицом, участвующим в деле, достоверности выводов, содержащихся в аналитическом отчете о результатах анализа состояния конкуренции на товарном рынке и (или) иных подобных документах, суд в соответствии со статьями 66, 71 АПК РФ вправе обязать антимонопольный орган и (или) иное лицо представить первичные материалы, на основании которых сделаны соответствующие выводы.

На основании части 1 статьи 64, статьи 82 АПК РФ при необходимости суд вправе назначить экспертизу по вопросам анализа состояния конкуренции на товарном рынке, имеющим значение для правильного разрешения дела.

Рассмотрение судами споров, связанных с реализацией положений антимонопольного законодательства в гражданском обороте

57. На основании пункта 6 статьи 23 Закона антимонопольный орган вправе обращаться в арбитражный суд с исками (заявлениями) о нарушении антимонопольного законодательства.

Обращаясь в арбитражный суд с указанными в данной норме исками, в частности с исками о признании недействительными полностью или частично договоров, об обязательном заключении договора, об изменении или о расторжении договора, о признании торгов недействительными, антимонопольный орган должен обосновать наличие публичного интереса в защите конкуренции (статья 22 Закона, статьи 53 и 65 АПК РФ).

Например, при рассмотрении предъявленного в целях защиты конкуренции иска антимонопольного органа о признании недействительной сделки в связи с нарушением ограничений приобретения (аренды) дополнительной площади торговых объектов хозяйствующими субъектами, осуществляющими розничную торговлю продовольственными товарами посредством организации торговой сети (статья 14 Закона о торговле), и при оценке наличия публичного интереса в признании договора недействительным суд вправе принять во внимание совершение хозяйствующим субъектом действий, направленных на обеспечение конкуренции иными способами, в частности самостоятельное расторжение им договоров, ранее заключенных с другими продавцами (арендодателями).

Вышеуказанные требования антимонопольных органов подлежат рассмотрению арбитражными судами в порядке искового производства (статья 12 Гражданского кодекса, статья 28 АПК РФ).

58. Исходя из требований статей 445, 446 Гражданского кодекса, части 1 статьи 10 Закона о защите конкуренции, при рассмотрении исков антимонопольного органа об обязании заключить договор, об изменении договора суды не связаны условиями, предлагаемыми антимонопольным органом и (или) сторонами будущего или имеющегося договора.

По итогам обсуждения условий будущего договора, предложенных антимонопольным органом и хозяйствующим субъектом, суд с учетом мнений сторон, принимая во внимание баланс экономических интересов сторон договора, порядок ведения ими своей хозяйственной деятельности, обычную договорную практику и практику поведения на рынке, социально-экономические интересы, особенности конкретного договора или иные обстоятельства дела, минимизируя риск возникновения убытков и негативного влияния на состояние рынка, принимает решение о редакции условий договора, в том числе отличной от предложенных сторонами и антимонопольным органом (статья 445, пункт 1 статьи 446 Гражданского кодекса).

59. Антимонопольный орган вправе обратиться в арбитражный суд с иском (заявлением) о понуждении соответствующего лица к исполнению мер, указанных в ранее выданном ему предписании (подпункт “и” пункта 6 части 1 статьи 23 Закона о защите конкуренции).

Судам необходимо учитывать, что данное право может быть реализовано антимонопольным органом при состоявшемся факте бездействия лица по устранению выявленных нарушений антимонопольного законодательства.

Поскольку требования антимонопольного органа о понуждении к принятию мер, указанных в предписании, вытекают из публичных правоотношений, данные требования подлежат рассмотрению по правилам, определенным главой 22 АПК РФ.

60. При рассмотрении исков (заявлений) антимонопольных органов, основанных на фактах нарушения соответствующими лицами антимонопольного законодательства, арбитражным судам необходимо учитывать, что непринятие ответчиком мер к оспариванию решений и (или) предписаний антимонопольного органа не должно расцениваться как его согласие с заявленным требованием. Согласно части 2 статьи 65, части 1 статьи 168 АПК РФ при рассмотрении указанных исков (заявлений) суд проверяет соответствие закону и обоснованность требований антимонопольного органа по существу, исходя из доводов сторон и подлежащих применению норм права.

61. Лица, чьи права нарушены в результате несоблюдения требований антимонопольного законодательства иными участниками гражданского оборота, вправе самостоятельно обратиться в соответствующий суд с иском о восстановлении нарушенных прав, в том числе с требованиями о понуждении к заключению договора, признании договора недействительным и применении последствий недействительности, с иском о признании действий нарушающими антимонопольное законодательство, в том числе иском о признании действий правообладателя актом недобросовестной конкуренции, а также с иском о возмещении убытков, причиненных в результате антимонопольного нарушения (пункт 4 статьи 10, статья 12 Гражданского кодекса, часть 3 статьи 37 Закона о защите конкуренции).

Закон о защите конкуренции не содержит указаний на то, что защита гражданских прав в административном порядке (путем рассмотрения антимонопольным органом дел о нарушениях антимонопольного законодательства) исключается при наличии возможности обратиться в суд или, наоборот, является обязательным условием обращения лиц, чьи права нарушены, в суд. Следовательно, если лицо за защитой своих прав обратится в суд, не подавая до этого соответствующего заявления в антимонопольный орган, суд не может оставить такое заявление без рассмотрения.

Если иск предъявлен после окончания рассмотрения антимонопольным органом дела, в рамках производства по которому установлен факт соответствующего нарушения антимоно-

польного законодательства, истец освобождается от доказывания данного факта, а также обоснования законного интереса в защите его прав, и антимонопольный орган привлекается к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований. В то же время наличие акта антимонопольного органа, содержащего вывод о нарушении ответчиком антимонопольного законодательства, не исключает права ответчика представить суду доказательства, опровергающие данный вывод.

Если нарушение антимонопольного законодательства не устанавливалось антимонопольным органом, бремя доказывания факта нарушения антимонопольного законодательства, в том числе по проведению анализа рынка, возлагается на истца.

62. К лицам, имеющим право на возмещение убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства, на основании части 3 статьи 37 Закона о защите конкуренции относятся хозяйствующие субъекты, осуществляющие деятельность на соответствующем товарном рынке (конкуренты нарушителя), контрагенты нарушителя, а также конечные потребители, в частности лица, не являющиеся непосредственными покупателями товара по завышенной цене.

63. Рассматривая дело по иску о возмещении убытков, причиненных антимонопольным нарушением, помимо факта нарушения законодательства о защите конкуренции суду необходимо установить, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возникли убытки, установить факты нарушения обязательства или причинения вреда и наличие убытков: реального ущерба и упущенной выгоды, например, вызванной потерей клиентов (статьи 15, 1064 Гражданского кодекса).

Исходя из пункта 1 статьи 15, пункта 5 статьи 393 Гражданского кодекса в удовлетворении требования о возмещении убытков, причиненных антимонопольным нарушением, не может быть отказано только на том основании, что их точный размер невозможно установить.

Размер убытков, причиненных антимонопольным нарушением, может определяться посредством сравнения цен до, в период и (или) после нарушения; анализа показателей финансового результата (рентабельности по отрасли); использования иных инструментов анализа рынка, в том числе его структуры. Выбор способа определения размера убытков зависит от вида допущенного нарушения законодательства о защите конкуренции. К реальному ущербу могут быть, в частности, отнесены расходы, которые несет истец в связи с навязыванием нарушителем невыгодных условий договора или отказом от заключения договора, разница между завышенной ценой на товар и ценой, уплачиваемой иными контрагентами нарушителя по аналогичным договорам.

Перенос хозяйствующим субъектом — потерпевшим на покупателей полностью или в части издержек, возникших вследствие антимонопольного нарушения, например завышенной цены на

перепродаваемый товар, сам по себе не означает отсутствие у него убытков вследствие данного нарушения. Возмещению в подобном случае подлежит разница между завышенной ценой, уплаченной хозяйствующим субъектом, и издержками, переложенными на покупателей.

64. Исходя из пункта 3 статьи 202 Гражданского кодекса течение срока исковой давности по иску о возмещении убытков приостанавливается на срок, установленный Законом о защите конкуренции, в том числе частями 14, 14¹ статьи 18¹, частью 8 статьи 23, статьями 45 Закона, для рассмотрения заявления о нарушении законодательства о защите конкуренции в административном порядке. Со дня истечения названных сроков или со дня вынесения решения антимонопольным органом, если такое решение вынесено ранее истечения срока, установленного законом, течение срока исковой давности продолжается.

65. В силу положений части 1 статьи 225¹⁰ АПК РФ и части 1 статьи 244²⁰ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации иски о восстановлении прав, нарушенных в сфере защиты конкуренции, в том числе иски о возмещении убытков, могут быть рассмотрены арбитражным судом или судом общей юрисдикции по правилам о защите прав и интересов группы лиц.

При этом не имеет значения, из одного или нескольких правоотношений возник спор: предмет спора должны быть общие или однородные права и законные интересы членов группы лиц, в основании прав группы лиц и обязанностей ответчика должны лежать схожие фактические обстоятельства. Например, если хозяйствующий субъект злоупотребляет доминирующим положением, установив монопольно высокую цену, то иск в защиту интересов группы лиц может быть предъявлен всеми покупателями товара, в отношении которых установлена такая цена.

Заключительные положения

66. В связи с принятием настоящего постановления признать не подлежащими применению:

— пункты 1—8, 11—16, 18—23 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2008 года № 30 “О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства”;

— пункт 16.2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 года № 11 “О некоторых вопросах применения Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”.

*Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ*

*Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ*

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕЗИДИУМА, РЕШЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Лицу, в отношении которого производство по делу об административном правонарушении прекращено в связи с отсутствием события или состава административного правонарушения либо в связи с недоказанностью обстоятельств, на основании которых вынесено постановление о привлечении его к административной ответственности, не может быть отказано в возмещении понесенных им судебных расходов со ссылкой на недоказанность вины должностного лица, вынесшего это постановление, или на то, что его действия не были признаны незаконными

*Определение Судебной коллегии
по гражданским делам Верховного Суда РФ
от 15 сентября 2020 г. № 78-КГ20-30-К3*

(Извлечение)

Ф. обратилась в суд с иском к Минфину России, Российской Федерации в лице МВД России о взыскании убытков.

Судом установлено, что постановлением начальника отдела полиции Ф. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ, ей назначено наказание в виде административного штрафа.

Решением районного суда от 18 августа 2016 г. постановление по делу об административном правонарушении отменено, производство по делу прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием состава административного правонарушения.

Решением городского суда от 1 ноября 2016 г. решение районного суда изменено, производство по делу прекращено на основании п. 1 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием события административного правонарушения.

Решением суда первой инстанции от 4 апреля 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением от 12 августа 2019 г., исковые требования удовлетворены частично: с Российской Федерации в лице МВД России за счет казны Российской Федерации в пользу Ф. взысканы суммы в счет возмещения убытков и расходов на уплату государственной пошлины.

Кассационным определением отменено указанное апелляционное определение, дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Суд кассационной инстанции, направляя дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указал, что вред, причиненный действиями должностных лиц правоохранительных органов, возмещается только при наличии их вины в причинении вреда. По мнению суда кассационной инстанции, в данном деле вина долж-

ностных лиц судом установлена не была, а прекращение производства по делу об административном правонарушении само по себе не свидетельствует о незаконности действий государственного органа или должностного лица.

При новом рассмотрении дела судом апелляционной инстанции в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ 15 сентября 2020 г. не согласилась с указанными выше выводами по следующим основаниям.

В силу разъяснений, изложенных в п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 “О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях”, расходы на оплату труда адвоката или иного лица, участвовавшего в производстве по делу в качестве защитника, не отнесены к издержкам по делу об административном правонарушении. Поскольку в случае отказа в привлечении лица к административной ответственности либо удовлетворения его жалобы на постановление о привлечении к административной ответственности этому лицу причиняется вред в связи с расходами на оплату труда лица, оказывавшего юридическую помощь, эти расходы на основании ст.ст. 15, 1069 и 1070 ГК РФ могут быть взысканы в пользу этого лица за счет средств соответствующей казны (казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации).

В соответствии со ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

Возмещение проигравшей стороной правового спора расходов другой стороны не обусловлено установлением ее виновности в незаконном поведении, критерием наличия оснований для возмещения является итоговое решение, определяющее, в чью пользу данный спор разрешен.

Несмотря на то, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержит специальных положений о возмещении расходов лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании п. 1 или п. 2 ч. 1 ст. 24.5 либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ, положения ст.ст. 15, 16, 1069 и 1070 ГК РФ, восполняя данный правовой пробел, не допускают отказа в

возмещении расходов на оплату услуг защитника и иных расходов, связанных с производством по делу об административном правонарушении, лицам, в отношении которых дела были прекращены на основании п. 1 или п. 2 ч. 1 ст. 24.5 (отсутствие события или состава административного правонарушения) либо п. 4 ч. 2 ст. 30.17 КоАП РФ (ввиду недоказанности обстоятельств, на основании которых были вынесены соответствующие постановление, решение по результатам рассмотрения жалобы) со ссылкой на недоказанность незаконности действий (бездействия) или наличия вины должностных лиц.

В связи с этим вывод суда кассационной инстанции о том, что для возмещения судебных расходов по делу об административном правонарушении необходимо установить вину должностных лиц государственного органа, признан неправильным.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции, а также последующее апелляционное определение с оставлением в силе решения суда первой инстанции о частичном удовлетворении заявленных Ф. требований.

ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

В случае искусственного дробления бизнеса на ряд взаимозависимых юридических лиц расчет недоимки по НДС исчисляется из полученных налогоплательщиком доходов по расчетной ставке налога 18/118

*Определение Судебной коллегии
по экономическим спорам Верховного Суда РФ
от 28 октября 2019 г. № 305-ЭС19-9789*

(Извлечение)

Предприниматель зарегистрировал ряд организаций, осуществляющих аналогичные виды деятельности, связанные с производством и реализацией ювелирных изделий, драгоценных камней и металлов.

По результатам проведения проверки налоговым органом принято решение о привлечении предпринимателя к налоговой ответственности, ему предложено уплатить недоимку по НДС и НДСФЛ, соответствующие суммы пени. Этим же решением предприниматель привлечен к налоговой ответственности, предусмотренной п. 1 ст. 122 и п. 1 ст. 119 НК РФ в виде штрафов.

Основанием для доначисления соответствующих сумм налогов, пени, штрафов послужили выводы налогового органа о том, что предпринимателем получена необоснованная налоговая выгода в связи с дроблением единого бизнеса на ряд взаимозависимых юридических лиц с целью искусственного сохранения возможности применения специальных налоговых режимов — упрощенной системы налогообложения и единого налога на вмененный доход. По мнению налогового органа, создание новых хозяйственных обществ,

применяющих специальные налоговые режимы, позволяло предпринимателю выводить часть выручки, поступающей от контрагентов, из-под обложения налогами по общей системе, в частности НДС и НДСФЛ.

Не согласившись с принятым решением налогового органа, предприниматель обратился в арбитражный суд с заявлением о признании его незаконным.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено частично. Суд признал незаконным решение налогового органа в части начисления недоимки по НДС, соответствующей суммы пени и общей суммы штрафа, превышающей 1 000 000 руб. В остальной части в удовлетворении требований отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции, рассмотревшего дело по правилам производства в суде первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований отказано в полном объеме.

Суды пришли к выводу, что вследствие искусственного дробления единого бизнеса предпринимателем получена необоснованная налоговая выгода, однако признали правильным избранный налоговым органом подход к определению недоимки по НДС с применением налоговой ставки 18 процентов, сославшись на то, что глава 21 НК РФ не содержит положений, позволяющих определять суммы НДС расчетным методом в случае обнаружения налоговыми органами фактов получения налогоплательщиками необоснованной налоговой выгоды при дроблении бизнеса.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ 28 октября 2019 г. отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, отметив следующее.

Как следует из разъяснений, данных в п. 3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 “Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды”, обязанность по уплате налогов не может считаться исполненной, если хозяйственные операции, совершаемые во исполнение сделок, учтены налогоплательщиком не в соответствии с их действительным экономическим смыслом и искажены, что повлияло на размер налога, подлежащего уплате. Полученная в таких случаях хозяйствующим субъектом экономия налоговых платежей признается его необоснованной налоговой выгодой.

При этом объем прав и обязанностей налогоплательщика определяется исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции, а признание налоговой выгоды необоснованной не должно затрагивать иные права налогоплательщика, предусмотренные законодательством о налогах и сборах (пп. 7 и 11 вышеназванного постановления Пленума).

Следовательно, выявление искажений сведений о фактах хозяйственной жизни предполагает

доначисление суммы налога, подлежащей уплате в бюджет, таким образом, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом, т.е. определение суммы налога, которая должна была быть изначально уплачена в бюджет.

Делая вывод об искусственном дроблении единого бизнеса и признавая предпринимателя тем лицом, в интересе которого взаимозависимые хозяйственные общества в действительности осуществляли облагаемые налогом операции, налоговый орган должен определить его права и обязанности как плательщика НДС способом, согласующимся с действительно сложившимися экономическими условиями деятельности налогоплательщика.

В отношении определения недоимки по НДС имеет значение, что в силу положений п. 2 ст. 153 и подп. 2 п. 1 ст. 162 НК РФ при совершении налогооблагаемых операций сумма НДС определяется исходя из всех поступлений налогоплательщику, связанных с расчетами по оплате реализованных товаров (работ, услуг). На основании п. 1 ст. 168 НК РФ сумма НДС, исчисленная по соответствующим операциям реализации товаров (работ, услуг), предъявляется продавцом к оплате покупателю.

Таким образом, по общему правилу НДС является частью цены договора, подлежащей уплате налогоплательщику покупателем. Уплачиваемое (подлежащее уплате) покупателями встречное предоставление за реализованные им товары (работы, услуги) является экономическим источником для взимания данного налога. Соответственно, при реализации товаров (работ, услуг) покупателям НДС не может исчисляться в сумме, которая не соответствовала бы реально сформированной цене и не могла быть полностью предъявлена к оплате покупателями в ее составе, что, по существу, означало бы взимание налога без переложения на потребителя, за счет иного экономического источника — собственного имущества хозяйствующего субъекта (продавца).

Данный вывод согласуется с п. 4 ст. 164 НК РФ, в силу которого сумма налога должна определяться с применением расчетной ставки в тех случаях, когда это является необходимым в соответствии с главой 21 НК РФ. В сложившейся ситуации применение расчетной ставки налога является необходимым, поскольку позволяет обеспечить соблюдение требований п. 1 ст. 154, п. 1 ст. 168 НК РФ, а именно установить стоимость реализуемых товаров, работ и услуг (без включения в нее суммы налога) и добавляемую к этой стоимости сумму налога, которые в совокупности будут соответствовать реально сформированной договорной цене. В то время как противоположный подход приводит к исчислению налога с дохода, который хозяйствующим субъектом не получен.

Сам по себе факт получения необоснованной налоговой выгоды не может служить основанием для изменения порядка определения недоимки и для взимания налога в относительно большем размере. Согласно пп. 1 и 2 ст. 122 НК РФ форма вины имеет значение при определении размера штрафа.

Принимая во внимание изложенное, вывод суда первой инстанции о незаконном начислении налогоплательщику недоимки по НДС с применением налоговой ставки 18 процентов в дополнение к выручке вместо выделения налога из выручки с использованием расчетной ставки 18/118 и о признании в связи с этим недействительным решения налогового органа в части начисления недоимки по НДС является обоснованным.

ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

1. Федеральные авиационные правила “Требования к членам экипажа воздушных судов, специалистам по техническому обслуживанию воздушных судов и сотрудникам по обеспечению полетов (полетным диспетчерам) гражданской авиации”, утвержденные приказом Минтранса России от 12 сентября 2008 г. № 147, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 сентября 2020 г. № АКПИ20-391,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 19 ноября 2020 г. № АПЛ20-368*

2. Подпункт “г” п. 3 Порядка и сроков внесения изменений в реестр лицензий субъекта Российской Федерации, утвержденного приказом Минстроя России от 25 декабря 2015 г. № 938/пр, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 сентября 2020 г. № АКПИ20-535,
вступившее в законную силу*

3. Оспариваемые частично пп. 1.2, 13.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 сентября 2020 г. № АКПИ20-555,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 3 декабря 2020 г. № АПЛ20-390*

4. Пункт 39 Положения об особенностях режима рабочего времени и времени отдыха членов экипажей воздушных судов гражданской авиации Российской Федерации, утвержденного приказом Минтранса России от 21 ноября 2005 г. № 139, приложение № 1 к данному Положению признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 8 сентября 2020 г. № АКПИ20-396,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 3 декабря 2020 г. № АПЛ20-394*

5. Пункты 5—7 Положения об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) выездного туризма, и (или) выездного туризма, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона “Об основах туристской деятельности в Российской Федерации”, утвержденного постановлением Правительства РФ от 20 июля 2020 г. № 1073, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 30 сентября 2020 г. № АКПИ20-521,
вступившее в законную силу*

6. Приказы Росстандарта от 15 декабря 2009 г. № 772-ст “Об утверждении национального стандарта” (ГОСТ Р 53522-2009), от 8 декабря 2011 г. № 739-ст “Об утверждении национального стандарта” (ГОСТ Р 54605-2011) и от 26 марта 2014 г. № 228-ст “Об утверждении межгосударственного стандарта” (ГОСТ 32611-2014) признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 29 сентября 2020 г. № АКПИ20-556,
вступившее в законную силу*

7. Оспариваемый частично п. 1 требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества, утвержденным постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 439, признан не противоречащим федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 23 сентября 2020 г. № АКПИ20-459,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 декабря 2020 г. № АПЛ20-411*

8. Оспариваемые частично абз. 2, 3 подп. “б” п. 1 постановления Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 428 “О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников” признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 16 сентября 2020 г. № АКПИ20-437,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 декабря 2020 г. № АПЛ20-402*

9. Пункт 5 Правил осуществления транзитных международных автомобильных перевозок и транзитных международных железнодорожных перевозок через территорию Российской Федерации в третьи страны отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению, и отдельных видов товаров, страной происхождения либо страной отправления которых является Украина или которые перемещаются через территорию Украины, а также наложения (снятия) и применения средств идентификации (пломб), функционирующих на основе технологии глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, при осуществлении указанных автомобильных перевозок и железнодорожных перевозок, п. 1 Правил выдачи учетных талонов водителям транспортных средств, осуществляющим транзитные международные автомобильные перевозки через территорию Российской Федерации в третьи страны отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению, и отдельных видов товаров, страной происхождения либо страной отправления которых является Украина или которые перемещаются через территорию Украины, а также сдачи учетных талонов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 1877, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 сентября 2020 г. № АКПИ20-426,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 8 декабря 2020 г. № АПЛ20-399*

10. Оспариваемые частично приложения к Положению о лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”), утвержденному постановлением Правительства РФ от 16 апреля 2012 г. № 291, признаны не противоречащими федеральному законодательству

*Решение Верховного Суда РФ
от 13 ноября 2020 г. № АКПИ20-490,
вступившее в законную силу*

- 11. Пункт 19 Порядка рассмотрения документов, представляемых для принятия решения о введении, изменении или прекращении регулирования деятельности субъектов естественных монополий, утвержденного приказом ФСТ России от 13 октября 2010 г. № 481-э, признан не противоречащим федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 17 ноября 2020 г. № АКПИ20-652,
вступившее в законную силу*

- 12. Оспариваемая частично глава II Правил оценки готовности к отопительному периоду, утвержденных приказом Минэнерго России от 12 марта 2013 г. № 103, признана не противоречащей федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 9 ноября 2020 г. № АКПИ20-583,
вступившее в законную силу*

- 13. Оспариваемые частично положения подп. “б” п. 3, п. 4, абз. 1 п. 6, абз. 1 п. 10 Положения об особенностях исполнения договора воздушной перевозки пассажира, в том числе о праве перевозчика в одностороннем порядке изменить условия такого договора или отказаться от его исполнения, а также о порядке и сроках возврата уплаченной за воздушную перевозку провозной платы при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части, утвержденного постановлением Правительства РФ от 6 июля 2020 г. № 991, признаны не противоречащими федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 7 октября 2020 г. № АКПИ20-489,
оставленное без изменения определением
Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ
от 14 января 2021 г. № АПЛ20-455*

- 14. Оспариваемый частично абз. 3 п. 48 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по регистрационному учету граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации, утвержденного приказом МВД России от 31 декабря 2017 г. № 984, и приложение № 5 к данному Административному регламенту признаны не противоречащими федеральному законодательству**

*Решение Верховного Суда РФ
от 3 ноября 2020 г. № АКПИ20-507,
вступившее в законную силу*

ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

- 1. Ходатайства подсудимых об отложении судебного разбирательства для подготовки к последнему слову, заявленные после прений сторон, председательствующий судья необоснованно расценил как их отказ от последнего слова**

*Определение Судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда РФ
от 18 декабря 2019 г. № 16-АПУ19-18СП*

(Извлечение)

По приговору Волгоградского областного суда от 31 июля 2019 г., постановленному с участием присяжных заседателей, Ч., К., Р., С. и П. осуждены по ч. 2 ст. 209, п. “а” ч. 4 ст. 162 и другим статьям Уголовного кодекса РФ.

В апелляционных жалобах осужденные Р., С. и К., в частности, указывали на нарушение судом уголовно-процессуальных норм, выразившееся в том, что им не было предоставлено последнее слово.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 18 декабря 2019 г. приговор отменила в связи с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона и передала уголовное дело на новое судебное разбирательство в ином составе суда со стадии обсуждения последствий вердикта коллегии присяжных заседателей по следующим основаниям.

В силу чч. 3 и 5 ст. 347 УПК РФ в случае вынесения присяжными заседателями обвинительного вердикта судом должно производиться исследование обстоятельств, связанных с квалификацией содеянного подсудимым, назначением ему наказания, разрешением гражданского иска и другими вопросами, которые разрешаются при вынесении обвинительного приговора. По окончании прений сторон подсудимому предоставляется последнее слово, после чего судья удаляется для вынесения решения по уголовному делу.

Заслушав прения сторон, председательствующий судья предложил подсудимым выступить с последним словом. Подсудимые П., К., Р. и Ч. заявили ходатайства об отложении судебного разбирательства для подготовки к последнему слову. Подсудимый С. заявил, что не может выступать с последним словом по состоянию здоровья.

Председательствующий расценил их ходатайства как отказ от выступлений с последним словом и удалился в совещательную комнату, по возвращении из которой в зал судебного заседания огласил приговор.

Между тем в силу п. 5 ч. 4 ст. 47 и ч. 1 ст. 119 УПК РФ подсудимый вправе заявлять ходатайства о принятии процессуальных решений для обеспечения своих прав и законных интересов. То обстоятельство, что ходатайство об отложении судебного разбирательства было заявлено подсудимыми после судебных прений, не является основанием для оставления его без рассмотрения, поскольку в соответствии с положениями ч. 1 ст. 120 УПК РФ ходатайство участником процес-

са может быть заявлено в любой момент производства по уголовному делу.

Председательствующий не выяснил у подсудимых П., К., Р. и Ч., сколько времени им должно потребоваться для подготовки к последнему слову, не обсудил заявленные ходатайства с участниками судебного разбирательства, пришел к немотивированному выводу о том, что подсудимые отказались от выступлений с последним словом.

С учетом значительного объема предъявленного обвинения и длительности рассмотрения судом настоящего уголовного дела ссылка председательствующего на то обстоятельство, что ранее всем подсудимым предоставлялось время для подготовки к судебным прениям и последнему слову, не может быть признана обоснованной.

Таким образом, подсудимые были незаконно лишены возможности реализовать свое право на последнее слово.

2. Тайное хищение чужого имущества путем снятия наличных денежных средств в устройствах банка (банкоматах и терминалах) с использованием похищенной банковской карты потерпевшего квалифицируется как кража, совершенная с банковского счета (п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ)

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 10-УДП20-1

(Извлечение)

По приговору Уржумского районного суда Кировской области от 20 декабря 2018 г. К. осужден по п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

К. признан виновным в краже, совершенной с банковского счета с причинением значительного ущерба потерпевшему.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах.

К., обнаружив в квартире банковскую карту своего отца и зная от последнего пин-код карты, тайно похитил денежные средства, имеющиеся на банковском счете потерпевшего, сняв с использованием данной банковской карты через банкомат денежные средства в размере 5500 руб. и причинив тем самым потерпевшему значительный материальный ущерб.

В апелляционном порядке приговор не обжаловался.

Кассационным постановлением от 25 сентября 2019 г. президиум Кировского областного суда изменил приговор и переквалифицировал действия осужденного с п. “г” ч. 3 ст. 158 на п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ, мотивировав свое решение тем, что исходя из буквального толкования положений п. 12 ст. 3, ч. 4 ст. 5 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ “О национальной платежной системе”, операция снятия наличных денежных средств, совершаемая по картам, эмитированным банком, в устройствах банка (банкоматах и терминалах), не может рассматриваться

как операция перевода денежных средств в рамках данного Закона. В этой связи квалифицирующий признак кражи, указанный в п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ, может иметь место только при хищении безналичных и электронных денежных средств путем их перевода в рамках применяемых форм безналичных расчетов.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ просил об отмене названного постановления и направлении дела на новое кассационное рассмотрение. Автор представления полагал, что для квалификации действий виновного по п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ юридически значимым является то обстоятельство, что предметом преступления выступают денежные средства, находящиеся на банковском счете, при этом каких-либо указаний на конкретный способ их изъятия диспозиция ст. 158 УК РФ не содержит.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 11 марта 2020 г. отменила постановление суда кассационной инстанции и передала уголовное дело на новое судебное разбирательство¹ в Шестой кассационный суд общей юрисдикции, указав следующее.

Диспозицией п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ предусмотрена ответственность за кражу, совершенную с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 159³ УК РФ).

Таким образом, по смыслу уголовного закона для квалификации действий виновного по п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ юридически значимым является то обстоятельство, что предметом преступления выступают денежные средства, находящиеся на банковском счете, а равно электронные денежные средства.

В соответствии с п. 1 ст. 845 и п. 1 ст. 846 ГК РФ по договору банковского счета банк обязуется принимать и зачислять поступающие на счет, открытый клиенту или указанному им лицу (владельцу счета) на условиях, согласованных сторонами, денежные средства, выполнять распоряжения клиента о перечислении и выдаче соответствующих сумм со счета и проведении других операций по счету.

Понятие электронных денежных средств раскрыто в п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ “О национальной платежной системе”, а именно это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее де-

¹Кассационным определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 апреля 2020 г. приговор оставлен без изменения в части квалификации действий К. по п. “г” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

нежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа.

Учитывая, что потерпевший, являясь держателем банковской карты, имел счет в банке, на котором хранились денежные средства, а банковская карта выступала лишь в качестве инструмента управления денежными средствами, находя-

щимися на банковском счете, при этом при снятии наличных денежных средств через банкомат денежные средства списывались непосредственно с банковского счета потерпевшего, вывод суда кассационной инстанции об отсутствии в действиях осужденного квалифицирующего признака совершения кражи — с банковского счета является необоснованным.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ № 4 (2020)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. В соответствии с пп. “а”, “в” ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести, а также судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

По приговору Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания от 30 декабря 2013 г. Г., судимый 12 апреля 2010 г. по ч. 1 ст. 228 УК РФ к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком один год, осужден по ч. 3 ст. 162 УК РФ (по эпизоду от 29 марта 2011 г.) с применением ч. 1 ст. 64 УК РФ к семи годам шести месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на восемь месяцев, по ч. 3 ст. 162 УК РФ (по эпизоду от 7 октября 2011 г.) с применением ч. 1 ст. 64 УК РФ к семи годам шести месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на восемь месяцев, по ч. 3 ст. 30, п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ к трем годам шести месяцам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений — к восьми годам шести месяцам лишения свободы с ограничением свободы сроком на один год, с отбыванием лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 июня 2014 г. приговор в отношении Г. оставлен без изменения.

Осужденный Г. в надзорной жалобе просил о пересмотре судебных решений в части назначенного наказания.

Президиум Верховного Суда РФ 7 октября 2020 г. изменил судебные решения по следующим основаниям.

Как усматривается из приговора, при назначении Г. наказания отягчающим обстоятельством признан рецидив преступлений.

Между тем по приговору от 12 апреля 2010 г. в отношении Г., признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, было применено условное осуждение к одному году лишения свободы с испытательным сроком один год. При этом условное осуждение не отменялось, и он не направлялся в места лишения свободы для отбывания наказания.

В соответствии с ч. 2 ст. 15 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ,

за совершение которого максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, отнесено к категории преступлений небольшой тяжести.

Согласно пп. “а”, “в” ч. 4 ст. 18 УК РФ при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за умышленные преступления небольшой тяжести; судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным либо по которым предоставлялась отсрочка исполнения приговора, если условное осуждение или отсрочка исполнения приговора не отменялись и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы.

Таким образом, при постановлении приговора от 30 декабря 2013 г. у суда не было оснований для признания отягчающим наказание Г. обстоятельством рецидива преступлений.

С учетом изложенного Президиум Верховного Суда РФ изменил приговор, апелляционное определение и исключил указание о признании отягчающим наказание обстоятельством рецидива преступлений, а также указание при назначении наказания на положения ч. 3 ст. 68 УК РФ, смягчил наказание за каждое преступление и назначил более мягкое окончательное наказание по совокупности преступлений.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 59-П20*

2. Действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, как основание для признания их в соответствии с п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельством, смягчающим наказание, должны быть соразмерны характеру общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения преступления.

Положения п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ о признании смягчающим обстоятельством добровольного возмещения имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, применяются лишь в случае их возмещения в полном объеме. Суд вправе признать в качестве смягчающего наказание обстоятельства частичное возмещение причиненного преступлением вреда на основании ч. 2 ст. 61 УК РФ.

По приговору Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 17 апреля 2019 г. Р. осужден по ч. 6 ст. 264 УК РФ к восьми годам шести месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок три года.

Судом постановлено удовлетворить иски частично и взыскать с осужденного в пользу К., И. и Г. по 2 000 000 руб. каждому, в пользу Н. — 6 500 000 руб., в пользу Ф. — 3 500 000 руб. (без учета возмещенной Р. суммы в размере 500 000 руб.).

Р. признан виновным в том, что, управляя технически исправным автомобилем, находясь в состоянии опьянения, в нарушение требований пп. 1.2, 1.3, абз. 1 п. 2.7, пп. 6.2, 6.13, абз. 1 п. 10.1, п. 10.2 Правил дорожного движения РФ не остановился на красный сигнал светофора и допустил столкновение с автомобилем под управлением Ф., в результате чего причинены смертельные повреждения троим пассажирам (Т., М. и Ю.), а также телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни, водителю Ф. и пассажиру Е.

Апелляционным постановлением Алтайского краевого суда от 7 июня 2019 г. приговор изменен: из описательно-мотивировочной части приговора исключено указание на учет при назначении наказания Р. отягчающих обстоятельств и мнения потерпевших, а из числа смягчающих обстоятельств — совершение преступления впервые; отбывание наказания Р. в виде лишения свободы назначено в исправительной колонии общего режима; увеличен размер компенсации морального вреда, взысканного с осужденного в пользу К., И. и Г., до 3 000 000 руб. каждому, а в пользу Н. — до 7 500 000 руб. В части взыскания с осужденного в пользу Ф. суммы в размере 3 500 000 руб. (без учета возмещенной суммы в размере 500 000 руб.) приговор отменен, постановлено взыскать с осужденного в пользу Ф. в возмещение морального вреда 5 000 000 руб.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. приговор и апелляционное постановление в отношении Р. изменены: на основании п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ признаны смягчающим наказание обстоятельством иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшим. Назначенное по ч. 6 ст. 264 УК РФ наказание смягчено до восьми лет четырех месяцев лишения свободы. Уменьшен размер компенсации морального вреда, взысканного с осужденного в пользу К., И. и Г., до 2 000 000 руб. каждому, а в пользу Н. — до 6 500 000 руб.

Кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 июня 2020 г. судебные решения изменены, наказание осужденному по ч. 6 ст. 264 УК РФ смягчено до пяти лет десяти месяцев лишения свободы.

Заместитель Генерального прокурора РФ в надзорном представлении просил отменить кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции и кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, указывая на незаконность судебных решений в части признания наличия обстоятельства, смягчающего наказание, предусмотренного п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ. По мнению автора представления, осужденный не возместил вред, а перечисление после вынесения приговора его бывшей супругой 5 000 000 руб. на счет управления Судебного департамента края “для компенсации морального вреда потерпевшим” нельзя признать ни добровольным, ни соразмерным содеянному возмещением вреда.

Президиум Верховного Суда РФ 28 октября 2020 г. отменил кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции и кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, а уголовное дело передал на новое кассационное рассмотрение в

Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, указав следующее.

По смыслу п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 62 УК РФ применение льготных правил назначения наказания может иметь место в случае, если имущественный ущерб и моральный вред возмещены потерпевшему в полном объеме. Частичное возмещение имущественного ущерба и морального вреда может быть признано судом обстоятельством, смягчающим наказание, в соответствии с положениями ч. 2 ст. 61 УК РФ.

При этом действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (оплата лечения, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение извинений и другие), как основание для признания их обстоятельством, смягчающим наказание в соответствии с п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ, в любом случае должны быть соразмерны характеру общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения преступления.

В данном случае имело место внесение 5 000 000 руб. в счет возмещения ущерба потерпевшим во исполнение приговора в части гражданских исков о компенсации морального вреда после вынесения приговора до вступления его в законную силу. При этом не указано, в отношении каких именно потерпевших и в каком размере возмещен ущерб.

Судами кассационных инстанций не установлено, что осужденный совершал какие-либо иные (кроме частичного возмещения ущерба) действия, связанные с заглаживанием вреда, причиненного потерпевшим.

Признавая внесение супругой осужденного 5 000 000 руб. на депозит управления Судебного департамента действиями, направленными на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему, применительно к положениям п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции не привела никаких мотивов в обоснование такого решения, не высказала никаких суждений ни относительно того, почему эти действия расценены как заглаживание вреда, а не как частичное возмещение морального вреда, ни относительно их соразмерности характеру общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения преступления.

Судом первой инстанции признано в числе прочих смягчающих обстоятельств частичное возмещение ущерба, при этом указано, что выплату одному из пяти потерпевших незначительной суммы (500 000 руб.) нельзя считать добровольным возмещением ущерба в том смысле, какой придается ему п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ.

С этим выводом суда согласились как суд апелляционной инстанции, так и судебная коллегия по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции.

При таких обстоятельствах признание факта внесения 5 000 000 руб. на депозит управления Судебного департамента (в качестве компенсации морального вреда) заглаживанием вреда, причиненного потерпевшему, применительно к п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ вызывает сомнение.

Судебной коллегией по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции допущены противоречивые суждения в кассационном определении относительно назначенного осужденному наказания.

Так, в кассационном определении указано, что “наказание осужденному по приговору суда, с учетом внесенных изменений, судом апелляционной инстанции назначено с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, данных о личности, смягчающих наказание обстоятельств, при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств, а также влияния назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи”. Вместе с тем судебная коллегия пришла к выводу о необходимости смягчения наказания в связи с наличием обстоятельства, смягчающего наказание, предусмотренного п. “к” ч. 1 ст. 61 УК РФ.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 131-П20*

3. При постановлении приговора суд должен разрешить вопрос о том, как поступить с имуществом, на которое наложен арест для обеспечения гражданского иска, и в описательно-мотивировочной части приговора привести обоснование принятого решения (п. 11 ч. 1 ст. 299, п. 5 ст. 307 УПК РФ).

По приговору Новосибирского областного суда от 15 декабря 2016 г. (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) М., Е., А. и Л. осуждены по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

По этому же приговору оправданы: М. и Е. по ч. 3 ст. 210 УК РФ, А. по ч. 2 ст. 210 УК РФ и Л. по чч. 1 и 2 ст. 210 УК РФ — на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления.

Постановлено снять арест, наложенный на основании постановления суда от 18 декабря 2009 г. на квартиру (зарегистрирована на А.), обратиться на нее взыскание во исполнение приговора в счет возмещения причиненного потерпевшим ущерба.

В надзорной жалобе А. просила отменить приговор в части обращения взыскания на квартиру, зарегистрированную на ее имя, в счет возмещения причиненного потерпевшим ущерба. В жалобе обращено внимание на то, что на момент приобретения квартиры А. не было известно о том, что указанная квартира находится под арестом.

Президиум Верховного Суда РФ 30 сентября 2020 г. отменил приговор и апелляционное определение в части снятия ареста и обращения взыскания в счет возмещения причиненного потерпевшим ущерба на квартиру, право собственности на которую зарегистрировано на имя А., а разрешение указанного вопроса передал на новое судебное рассмотрение в порядке, предусмотренном ст.ст. 397 и 399 УПК РФ, в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

Судом первой инстанции постановлено обратиться взыскание во исполнение приговора в счет возмещения причиненного потерпевшим ущерба на квартиру, зарегистрированную на имя А., как имущество, полученное в результате совершения осужденными преступления, со ссылкой на п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. Однако надлежащего обоснования принятого решения в этой части судом в приговоре не приведено.

Из материалов уголовного дела следует, что при расследовании дела в отношении Е., М., А. и Л. постановлением суда от 18 декабря 2009 г. был наложен арест на квартиру, находившуюся в собственности С.

Эта квартира была приобретена А. на основании договора купли-продажи от 21 февраля 2014 г., стоимость ее определена сторонами в размере 2 500 000 руб.

27 февраля 2014 г. Управлением Росреестра по Новосибирской области на основании догово-

ра купли-продажи было зарегистрировано право собственности А. с ограничением (обременением) права в виде ипотеки.

При выдаче ипотечного кредита на приобретение квартиры каких-либо обременений установлено не было.

Согласно данным Управления Росреестра по Новосибирской области запись об аресте указанной квартиры внесена только 5 апреля 2018 г. на основании постановления судебного пристава от 30 марта 2018 г. о запрете на регистрационные действия, 6 сентября 2018 г. внесена запись об аресте квартиры на основании определения судьи от 31 августа 2018 г.

Суд первой инстанции, принимая решение об обращении взыскания в счет возмещения причиненного потерпевшим ущерба на квартиру, зарегистрированную на имя А., не принял во внимание вышеизложенные обстоятельства, не проверил и не обсудил вопрос о том, знала ли А., могла ли знать о том, что собственник (С.), по доверенности которого действовала осужденная Е. при заключении договора купли-продажи, не вправе был отчуждать эту квартиру.

А. была допрошена в качестве свидетеля по уголовному делу, однако она гражданским ответчиком не признавалась, не имела процессуальных прав, которые позволили бы ей представить доказательства, подтверждающие законность приобретения квартиры, свидетельствующие о том, что она является добросовестным приобретателем.

*Постановление Президиума
Верховного Суда РФ № 31-П20*

**СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ
ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ**

**Разрешение споров, связанных с защитой права
собственности и других вещных прав**

4. При переводе на истца прав и обязанностей покупателя при продаже доли с нарушением его преимущественного права покупки в случае удовлетворения таких требований истец обязан возместить покупателю уплаченную им стоимость приобретенной доли.

Т. обратился в суд с иском к Б., С., органу кадастрового учета, в котором с учетом уточнений исковых требований просил прекратить право собственности ответчика С. на комнату № 1 в коммунальной квартире, перевести на Т. права и обязанности покупателя С. по договору купли-продажи на указанное жилое помещение, признать за Т. право собственности на спорное жилое помещение и считать заключенным между Т. и Б. договор купли-продажи данного жилого помещения с дополнительными условиями, взыскать с Б. в пользу истца судебные расходы, произвести зачет обязательства Т. по выплате 750 000 руб. на приобретение спорного объекта недвижимости на сумму 12 735 руб. и признать прекращенным обязательство в этой части, возложить на С. обязанность передать истцу ключи от спорного жилого помещения.

В обоснование исковых требований истец указал, что является собственником комнаты № 2 в коммунальной квартире. Собственником комнаты № 1 в этой же коммунальной квартире являлся Б., который продал эту комнату С., а предложение о преимущественном праве покупки истцу направил уже после подписания договора купли-продажи. В ответ на предложение истец направил Б. уведомление о желании воспользоваться своим преимущественным правом покупки и проект договора

купли-продажи спорной комнаты с дополнительными условиями покупки жилого помещения, а также направил заявление в орган кадастрового учета о том, что он не отказывается от покупки этой комнаты. Вместе с тем переход права собственности от Б. к С. был зарегистрирован. Т. полагал, что Б. фактически уклонился от заключения с ним договора купли-продажи, отчуждение спорной комнаты произведено с нарушением преимущественного права покупки истца.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции исходил из того, что факт направления Т. ответа о желании воспользоваться своим правом преимущественной покупки без подписания договора купли-продажи не свидетельствует о реализации такого права, поскольку по смыслу положений ст. 250 ГК РФ установленный указанной нормой права месячный срок дается участнику долевой собственности на приобретение продаваемой доли, а не на выражение согласия на ее приобретение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая новое решение о частичном удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции исходил из того, что выводы суда первой инстанции не соответствуют фактическим обстоятельствам дела и требованиям закона. Установив, что в уведомлении, направленном в адрес Б. в месячный срок, Т. выразил готовность заключить договор купли-продажи спорного жилого помещения на существенных условиях договора, заключенного с С., суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что Т. в предоставленный законом месячный срок предпринял действия, направленные на реализацию своего права преимущественной покупки недвижимого имущества, однако Б. уклонился от заключения с ним договора купли-продажи.

При этом, удовлетворив иск о переводе прав и обязанностей по договору купли-продажи жилого помещения на Т., суд апелляционной инстанции взыскал с Т. денежные средства в сумме 750 000 руб., внесенные им на депозит управления Судебного департамента, в пользу Б. в качестве оплаты цены договора.

Кассационный суд общей юрисдикции согласился с выводами суда апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе С., отменила судебные постановления судов апелляционной и кассационной инстанций в части взыскания с Т. в пользу Б. денежных средств в размере 750 000 руб., находящихся на депозите управления Судебного департамента, и направила дело в указанной части на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Статья 250 ГК РФ по своему содержанию направлена на защиту и обеспечение баланса интересов всех участников общей долевой собственности.

При этом положения пп. 2 и 3 указанной статьи не лишают покупателя доли в праве общей долевой собственности возможности возратить денежные средства, уплаченные ранее по договору купли-продажи, в случае перевода судом его прав и обязанностей на участника общей долевой собственности, обладающего преимущественным правом покупки.

Из разъяснений, содержащихся в п. 1.2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 1980 г. № 4 “О некоторых вопросах практики рассмотрения судами споров, возникающих между участниками общей собственности на жилой дом” (в ред. постановления Плену-

ма Верховного Суда РФ от 6 февраля 2007 г. № 6), следует, что при предъявлении иска о переводе прав и обязанностей покупателя в связи с нарушением преимущественного права покупки истец обязан внести по аналогии с ч. 1 ст. 96 ГПК РФ на банковский счет управления (отдела) Судебного департамента в соответствующем субъекте Российской Федерации уплаченную покупателем за квартиру сумму, сборы и пошлины, а также другие суммы, подлежащие выплате покупателю в возмещение понесенных им при покупке квартиры необходимых расходов. При удовлетворении указанного иска договор не может быть признан недействительным. В решении суда в этом случае должно быть указано о замене покупателя истцом в договоре купли-продажи и в записи о праве в Едином государственном реестре прав, а также о взыскании с истца в пользу ответчика уплаченных им сумм.

Таким образом, при переводе на истца прав и обязанностей покупателя при продаже доли с нарушением его преимущественного права покупки в случае удовлетворения таких требований истец обязан возместить покупателю оплаченную им стоимость приобретенной доли.

По данному делу юридически значимым обстоятельством являлось выяснение вопроса о том, было ли исполнено С. обязательство по оплате приобретаемого жилого помещения.

Однако указанное обстоятельство, имеющее существенное значение для правильного разрешения спора, суд апелляционной инстанции оставил без исследования и правовой оценки.

Определение № 41-КГ20-7-К4

Разрешение споров, возникающих из наследственных отношений

5. Наследником по закону может быть признано нетрудоспособное лицо, находившееся на иждивении наследодателя на момент его смерти, вне зависимости от родственных отношений.

Я. обратилась в суд с заявлением об установлении факта нахождения на иждивении Г., умершего в 2017 году, а также с иском к департаменту городского имущества о признании в порядке наследования права собственности на принадлежащую Г. квартиру, мотивировав свои требования тем, что более 35 лет состояла в фактических брачных отношениях с Г., с которым до дня его смерти совместно проживала в частном доме, вела с ним общее хозяйство. С момента достижения пенсионного возраста (с 2013 года) и до смерти Г. в 2017 году заявитель, ввиду небольших собственных доходов и наличия тяжелого заболевания с последующим установлением II группы инвалидности, находилась на его полном материальном обеспечении. Принадлежащую Г. квартиру он в течение 10 лет сдавал внаем. При этом арендную плату за сдаваемую квартиру по решению Г. перечисляли на счет Я. в банке. После смерти Г. заявитель полностью оплачивает жилищно-коммунальные услуги за спорную квартиру.

Департамент городского имущества обратился в суд со встречным иском к Я. о признании права собственности города на квартиру и выселении, указав, что наследники Г. на спорное имущество как по закону, так и по завещанию отсутствуют. Спорная квартира является выморочным имуществом, переходящим в порядке наследования по закону в собственность города.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением, в удовлетворении заявления и иска Я. отказано.

Кассационный суд общей юрисдикции оснований для отмены судебных постановлений не усмотрел.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления как вынесенные с существенным нарушением норм материального и процессуального права и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в связи со следующим.

Суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций (ч. 1 ст. 264 ГПК РФ).

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 264 ГПК РФ суд рассматривает дела об установлении факта нахождения на иждивении.

Согласно пп. 2 и 3 ст. 1148 ГК РФ к наследникам по закону относятся граждане, которые не входят в круг наследников, указанных в ст.ст. 1142—1145 данного Кодекса, но ко дню открытия наследства являлись нетрудоспособными и не менее года до смерти наследодателя находились на его иждивении и проживали совместно с ним. При наличии других наследников по закону они наследуют вместе и наравне с наследниками той очереди, которая призывается к наследованию. При отсутствии других наследников по закону указанные в п. 2 этой статьи нетрудоспособные иждивенцы наследодателя наследуют самостоятельно в качестве наследников восьмой очереди.

Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в подп. “в” п. 31 постановления от 29 мая 2012 г. № 9 “О судебной практике по делам о наследовании”, находившимся на иждивении наследодателя может быть признано лицо, получавшее от умершего в период не менее года до его смерти — вне зависимости от родственных отношений — полное содержание или такую систематическую помощь, которая была для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат. При оценке доказательств, представленных в подтверждение нахождения на иждивении, следует оценивать соотношение оказываемой наследодателем помощи и других доходов нетрудоспособного.

Факт совместного проживания Г. с Я. в частном доме подтвержден соответствующими свидетельствами о регистрации по месту пребывания, актом комиссии управления социальной защиты населения, а также показаниями свидетелей.

Я. в обоснование заявления об установлении факта нахождения на иждивении Г. ссылалась на то обстоятельство, что он, оказывая услуги по гражданско-правовым договорам и получая деньги за принадлежащую ему квартиру, сданную в аренду (наем), фактически содержал ее, в том числе оплачивая после выявления у Я. в 2014 году тяжелого заболевания всю необходимую медицинскую помощь и дорогостоящие лекарства, предоставляя ей средства в виде денежного содержания, которое являлось для Я. постоянным и основным источником средств к существованию.

По данному делу исходя из целей подачи заявления и с учетом подлежащих применению норм материального права следовало установить такое юридически значимое и подлежащее доказыванию обстоятельство (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ), как была ли материальная помощь, получаемая Я. от Г. в период их совместного проживания (в том числе с момента выявления у Я. тяжелого заболевания в

2014 году и до смерти Г.), постоянным и основным источником средств к существованию Я.

Однако указанное обстоятельство, касающееся источников средств к существованию заявителя и их характера (постоянный, основной, дополнительный), суд не проверил, не определил в качестве имеющего значение для дела, оно не вошло в предмет доказывания.

В нарушение требования ч. 4 ст. 198 ГПК РФ суд, указав на недоказанность факта предоставления Г. в течение последнего года своей жизни материальной помощи Я., для которой эта помощь была постоянным и основным источником средств к существованию, в то же время немотивированно отверг представленные Я. доказательства, в том числе показания свидетелей, а также не дал оценки тому факту, что денежные средства от сдачи в аренду принадлежащей Г. квартиры за год до смерти Г. переводились на ее счет в банке, что подтверждается соответствующей выпиской по вкладу, и что эти денежные средства являлись для нее основным источником средств к существованию. Тем самым суд допустил существенное нарушение норм процессуального права, устанавливающих правила доказывания в гражданском процессе, а также правила исследования и оценки доказательств.

Кроме того, понятие “иждивение” предполагает как полное содержание лица умершим, так и получение от него содержания, являвшегося для этого лица основным, но не единственным источником средств к существованию, т.е. не исключает наличие у лица какого-либо собственного дохода (пенсии). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от умершего может быть установлен в том числе в судебном порядке путем определения соотношения между объемом помощи, оказываемой умершим, и его собственными доходами, и такая помощь также может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию.

Определение № 5-КГ20-66-К2

Разрешение споров в области социальных отношений

6. При разрешении спора о наличии у родителей погибшего военнослужащего права на меры социальной поддержки в связи с его гибелью в виде единовременного пособия и страховой суммы подлежат учету их действия по воспитанию, развитию, материальному содержанию такого лица и имеющиеся между ними фактические семейные связи. В случае уклонения от выполнения обязанностей родителя такой родитель может быть лишен права на получение мер социальной поддержки, основанных на факте родства с погибшим военнослужащим.

И. обратилась в суд с иском к Т. о лишении его права на выплату единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью их сына А. при исполнении обязанностей военной службы.

В обоснование заявленных требований И. указала, что в соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ “Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации” (далее — Федеральный закон № 52-ФЗ) и ч. 8 ст. 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ “О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат” (далее — Феде-

ральный закон № 306-ФЗ) лицами, имеющими право на получение страховой суммы и единовременной выплаты в связи с гибелью военнослужащего, являются в том числе его родители.

И. полагала, что Т. должен быть лишен права на получение предусмотренных названными нормативными правовыми актами страховой суммы и единовременного пособия, поскольку не поддерживал никаких родственных связей с сыном, при жизни сына и до его совершеннолетия не занимался его воспитанием, не интересовался его судьбой, своих обязанностей родителя не осуществлял, материально не содержал, алименты не выплачивал. По приговорам мирового судьи от 26 ноября 2008 г. и от 6 августа 2013 г. Т. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей). Все расходы на похороны сына И. несла самостоятельно.

Ответчик в суде иск не признал.

Разрешая спор и отказывая И. в удовлетворении исковых требований о лишении Т. права на получение единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью при прохождении военной службы сына А., суд первой инстанции, сославшись на положения ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, ст.ст. 1, 2, 4, 5 Федерального закона № 52-ФЗ, пришел к выводу о том, что действующим законодательством не предусмотрена возможность лишения одного из родителей права на получение единовременной выплаты и страховых сумм в связи со смертью военнослужащего, отметив, что доводы истца о злостном уклонении Т. от выполнения обязанностей родителя по отношению к сыну А. не нашли своего подтверждения в судебном заседании, поскольку Т. не был лишен родительских прав в отношении сына А.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального права в связи со следующим.

Согласно нормативным положениям ст.ст. 1, 18 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”, ст.ст. 1, 2, 4, 5 Федерального закона № 52-ФЗ, ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ и правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлениях от 17 июля 2014 г. № 22-П, от 19 июля 2016 г. № 16-П, законодатель, гарантируя военнослужащим, выполняющим конституционно значимые функции, связанные с обеспечением обороны страны и безопасности государства, общественного порядка, законности, прав и свобод граждан, материальное обеспечение и компенсации в случае причинения вреда их жизни или здоровью, установил и систему мер социальной поддержки членов семьи военнослужащих, погибших при исполнении обязанностей военной службы. К числу таких мер относятся страховое обеспечение по государственному страхованию жизни и здоровья военнослужащих, единовременное денежное пособие, ежемесячная денежная компенсация, которые подлежат выплате в том числе родителям военнослужащего в случае его гибели (смерти) при исполнении обязанностей военной службы. Цель названных выплат — компенсировать лицам, в данном случае родителям, которые длительное время надлежащим образом воспитывали будущего военнослужащего, содер-

жали его до совершеннолетия и вырастили защитника Отечества, нравственные и материальные потери, связанные с его гибелью при выполнении обязанностей военной службы, осуществляемой в публичных интересах.

Исходя из целей названных выплат, а также принципов равенства, справедливости и соразмерности, недопустимости злоупотребления правом как общеправового принципа, выступающих в том числе критериями прав, приобретаемых на основании закона, указанный в нормативных правовых актах, в данном случае в ст. 5 Федерального закона № 52-ФЗ и в ст. 3 Федерального закона № 306-ФЗ, круг лиц, имеющих право на получение мер социальной поддержки в случае гибели военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, среди которых родители такого военнослужащего, не исключает различий в их фактическом положении и возможности учета при определении наличия у родителей погибшего военнослужащего права на меры социальной поддержки в связи с его гибелью их действий по воспитанию, физическому, умственному, духовному, нравственному, социальному развитию и материальному содержанию такого лица и имеющихся между ними фактических семейных связей.

Семейная жизнь в понимании ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прецедентной практики Европейского Суда по правам человека охватывает существование семейных связей как между супругами, так и между родителями и детьми, в том числе совершеннолетними, между другими родственниками.

Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) возлагает на родителя (родителей) или других лиц, воспитывающих ребенка, основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для его развития (п. 1 ст. 18, п. 2 ст. 27).

Согласно ч. 2 ст. 38 Конституции Российской Федерации забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей.

В соответствии с п. 1 ст. 61 СК РФ родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей (родительские права).

В силу п. 1 ст. 63 СК РФ родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей. Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей.

Согласно абз. 2 ст. 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены родительских прав, если они уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов.

В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 “О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав” разъяснено, что уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении. Разрешая вопрос о том, имеет ли место злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, необходимо, в частности, учитывать продолжительность и причины неуплаты родителем средств на содержание ребенка.

В п. 1 ст. 71 СК РФ предусмотрено, что родители, лишенные родительских прав, теряют все права, основанные на факте родства с ребенком, в отношении которого они были лишены родительских прав, в том числе право на получение от него содержания (ст. 87 данного Кодекса), а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей.

Из приведенных положений семейного законодательства в их взаимосвязи с нормативными предписаниями Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции о правах ребенка, а также разъяснений Пленума Верховного Суда РФ следует, что семейная жизнь предполагает наличие тесной эмоциональной связи между ее членами, в том числе между родителями и детьми, взаимную поддержку и помощь членов семьи, ответственность перед семьей всех ее членов. При этом основными обязанностями родителей в семье являются воспитание, содержание, защита прав и интересов детей. Поскольку родители несут одинаковую ответственность за воспитание и развитие ребенка, данные обязанности должны выполняться независимо от наличия или отсутствия брака родителей, а также их совместного проживания. Невыполнение по вине родителей родительских обязанностей, в том числе по содержанию детей, их материальному обеспечению, может повлечь для родителей установленные законом меры ответственности, среди которых — лишение родительских прав. В числе правовых последствий лишения родительских прав — утрата родителем (родителями) права на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей.

Ввиду изложенного лишение права на получение мер социальной поддержки в виде единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью военнослужащего возможно при наличии обстоятельств, которые могли бы служить основаниями к лишению родителей родительских прав, в том числе в случае злостного уклонения родителя от выполнения своих обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка.

Соответственно, имеющими значение для правильного разрешения спора по иску И. о лишении Т. права на получение единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью при исполнении обязанностей военной службы сына А. являлись следующие обстоятельства: принимал ли Т. какое-либо участие в воспитании сына А., оказывал ли ему моральную, физическую, духовную поддержку, содержал ли несовершеннолетнего сына материально, включая уплату алиментов на его содержание, предпринимал ли Т. какие-либо меры для создания сыну А. условий жизни, необходимых для его развития, имелись ли между Т. и сыном А. фактические семейные связи.

Однако положения приведенных норм материального права в их системной взаимосвязи с учетом правовой позиции Конституционного Суда РФ о целях правового регулирования мер социальной поддержки, предоставляемых родителям военнослужащего в случае его гибели (смерти) при исполнении обязанностей военной службы, судебными инстанциями к спорным отношениям применены не были, юридически значимые обстоятельства не установлены, в связи с чем Судебная коллегия признала неправомочным вывод судебных инстанций о том, что действующим законодательством не предусмотрена возможность лишения одного из родителей права на получение единовременной выплаты и страховой суммы в связи с гибелью (смертью)

военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы.

Отменяя состоявшиеся по делу судебные постановления как вынесенные с нарушением норм материального права и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также сослалась на допущенное судами нарушение норм процессуального права, указав, что дела о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, а в данном случае — о праве на получение единовременного пособия и страховой суммы в связи с гибелью военнослужащего при исполнении обязанностей военной службы, относятся к категориям дел, названным в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, при рассмотрении которых участие прокурора является обязательным.

Определение № 25-КГ19-9

7. Вопросы о причинах пропуска правопреемником умершего застрахованного лица срока обращения за выплатой средств пенсионных накоплений и об уважительности этих причин подлежат разрешению судом с учетом всех юридически значимых обстоятельств конкретного дела.

Ш. 9 января 2019 г. обратилась в суд с иском к территориальному пенсионному органу о восстановлении пропущенного по уважительной причине срока обращения за выплатой средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица.

В обоснование заявленных требований Ш. указала, что 15 ноября 2016 г. умерла ее дочь Д., которая при жизни была зарегистрирована в системе государственного пенсионного страхования, за нее работодателем осуществлялась уплата страховых взносов на финансирование накопительной части страховой пенсии, были сформированы пенсионные накопления.

Ш. ссылаясь на то, что о возможности обращения в шестимесячный срок со дня смерти ее дочери Д. в пенсионный орган за получением средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица ей известно не было, уведомлений от пенсионного органа о наличии такого права она не получала. О наличии пенсионных накоплений на лицевом счете дочери Ш. узнала лишь в декабре 2018 г., после чего сразу обратилась за выплатой этих средств в пенсионный орган, сотрудник которого подтвердил, что на пенсионном счете Д. имеются средства пенсионных накоплений, и посоветовал обратиться в суд с заявлением о восстановлении срока на их получение.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований Ш. о восстановлении пропущенного срока обращения за выплатой средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица, суд первой инстанции исходил из того, что у пенсионного органа отсутствовали сведения о Ш. как правопреемнике по закону умершего застрахованного лица Д., в связи с чем у данного органа не имелось возможности принять меры по извещению Ш. о наличии у умершей Д. средств пенсионных накоплений.

Суд первой инстанции также счел, что наличие у Ш. заболеваний, ее болезненное состояние, юридическая неграмотность не являются уважительными причинами пропуска срока и не свидетельствуют о наличии исключительных обстоятельств, непосредственно связанных с личностью Ш., повлекших пропуск ею срока обращения в пенсионный орган за выплатой средств пенсионных накоплений умершей дочери Д.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала выводы судебных инстанций основанными на неправильном толковании и применении норм материального и процессуального права в связи со следующим.

Из взаимосвязанных нормативных положений Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ “О накопительной пенсии”, Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ “Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации”, Федерального закона от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ “Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования”, а также Правил выплаты Пенсионным фондом Российской Федерации правопреемникам умерших застрахованных лиц средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуальных лицевых счетов, утвержденных постановлением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 711, и разъяснений Верховного Суда РФ, содержащихся в разделе “Вопросы по делам, возникающим из пенсионных правоотношений” (вопрос 3) Обзора законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2008 года, утвержденного постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 5 декабря 2008 г., следует, что, если смерть застрахованного в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации лица наступила до назначения ему накопительной пенсии или до корректировки размера этой пенсии с учетом дополнительных пенсионных накоплений, средства пенсионных накоплений, учтенные в специальной части индивидуального лицевого счета или на пенсионном счете накопительной пенсии умершего застрахованного лица, выплачиваются территориальным пенсионным органом по месту жительства умершего застрахованного лица его правопреемникам, круг которых может быть определен самим застрахованным лицом путем составления заявления о порядке распределения средств, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица или на пенсионном счете накопительной пенсии.

При отсутствии такого заявления выплата средств, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица или на пенсионном счете накопительной пенсии, производится его правопреемникам по закону (в первую очередь — детям, в том числе усыновленным, супругу и родителям (усыновителям), во вторую очередь — братьям, сестрам, дедушкам, бабушкам и внукам).

Территориальный пенсионный орган, получив документ о смерти застрахованного лица, в том числе от органов записи актов гражданского состояния, при наличии информации о правопреемниках умершего застрахованного лица (правопреемниках по заявлению, а при их отсутствии — о правопреемниках по закону) обязан принять меры к уведомлению правопреемников умершего застрахованного лица (правопреемников по заявлению, а при их отсутствии — правопреемников по закону) о возможности обратиться в территориальный пенсионный орган с заявлением о выплате средств, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета или на пенсионном счете накопительной пенсии умершего застрахованного лица.

Выплата правопреемникам умершего застрахованного лица средств, учтенных в специальной части индивидуального счета или на пенсионном счете накопительной пенсии умершего застрахованного лица, осуществляется при условии их обращения за указанной выплатой средств пенсионных накоплений в соответствующий территориальный пенсионный орган в течение 6 месяцев со дня смерти застрахованного лица.

В случае пропуска правопреемником умершего застрахованного лица шестимесячного срока обращения за указанной выплатой такой срок может быть ему восстановлен в судебном порядке при наличии уважительных причин. Поскольку какого-либо перечня уважительных причин законом не установлено, вопросы о причинах пропуска срока обращения за выплатой правопреемником умершего застрахованного лица и об уважительности этих причин подлежат разрешению судом по каждому делу с учетом его конкретных обстоятельств.

Нормативные положения, регулирующие спорные отношения, и разъяснения Верховного Суда РФ по вопросу пропуска срока обращения в пенсионный орган за выплатой средств, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета умерших застрахованных лиц, при разрешении данного спора судами первой и апелляционной инстанций применены неправильно, вследствие чего обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора, судами не установлены.

Между тем по данному спору с учетом характера спорных правоотношений, заявленных Ш. исковых требований, их обоснования, возражений на исковые требования пенсионного органа, юридически значимыми являлись следующие обстоятельства: располагал ли пенсионный орган информацией о смерти застрахованного лица Д.; поступали ли в пенсионный орган сведения о смерти застрахованного лица Д.; предпринимал ли пенсионный орган в случае наличия такой информации меры к выяснению вопроса о наличии у застрахованного лица Д. правопреемников по закону; направлялось ли по месту жительства умершего застрахованного лица Д. или ее правопреемников по закону уведомление о наличии у застрахованного лица Д. средств пенсионных накоплений (накопительной пенсии); где и с кем была зарегистрирована по месту жительства Д. на момент смерти; располагали ли правопреемники умершего застрахованного лица Д. информацией о наличии у нее пенсионных накоплений; каковы причины (уважительные или неуважительные) или совокупность причин, по которым правопреемник по закону Ш. не обратилась в установленный законом шестимесячный срок в пенсионный орган за получением средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица Д.

Судебными инстанциями названные обстоятельства не были определены в качестве юридически значимых, они не вошли в предмет доказывания и, соответственно, не устанавливались и правовой оценки не получили, в связи с чем вывод судебных инстанций о том, что пенсионный орган не имел возможности принять меры по извещению правопреемника по закону о возможности получения средств пенсионных накоплений ее дочери Д., нельзя признать правомерным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ также обратила внимание на то, что, делая вывод о неуважительности причин пропуска Ш. срока на обращение в пенсионный орган за выплатой средств пенсионных накоплений, су-

дебные инстанции в нарушение требований ч. 4 ст. 67 ГПК РФ не учли всю совокупность обстоятельств, на которые указывала истец, препятствовавших ей своевременно обратиться в пенсионный орган с заявлением о выплате средств пенсионных накоплений умершего застрахованного лица.

Так, судебные инстанции оставили без внимания и правовой оценки приводимые Ш. в процессе судебного разбирательства доводы о ее возрасте (68 лет), наличии у нее хронических заболеваний, перенесенных ею тяжелых нравственных страданиях в связи со смертью дочери и о необходимости в связи с этим адаптации к новым жизненным условиям, отсутствии информации о наличии у Д. средств пенсионных накоплений и возможности обращения в пенсионный орган за их получением. Кроме того, судебные инстанции также не учли незначительный период пропуска Ш. срока обращения за выплатой средств пенсионных накоплений.

Довод судебных инстанций о том, что наличие у Ш. заболеваний, болезненное состояние, а также юридическая неграмотность не являются уважительными причинами пропуска шестимесячного срока обращения в пенсионный орган за выплатой средств пенсионных накоплений, несостоятелен, поскольку в нарушение требований п. 2 ч. 4 ст. 198, п. 5 ч. 2 ст. 329 ГПК РФ какие-либо мотивы, по которым судебные инстанции признали данные обстоятельства неуважительными причинами пропуска Ш. указанного срока, судами первой и апелляционной инстанций в обжалуемых судебных постановлениях не приведены.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила состоявшиеся по делу судебные постановления и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 93-КГ20-1

Процессуальные вопросы

8. Судебное извещение, адресованное гражданину, не может считаться доставленным, если по обстоятельствам, не зависящим от адресата, оно не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним.

Банк обратился в суд с иском к Г. о взыскании задолженности по кредитному договору.

Дело рассмотрено судом первой инстанции в отсутствие ответчика.

Решением суда от 28 мая 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением, иск удовлетворен. Определением кассационного суда общей юрисдикции состоявшееся по делу судебные постановления оставлены без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов апелляционной и кассационной инстанций с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав в том числе следующее.

Из материалов дела следует, что 17 апреля 2019 г. банк направил в суд исковое заявление о взыскании с Г. задолженности по кредитному договору.

26 апреля 2019 г. судом первой инстанции вынесено определение о назначении подготовки дела к судебному разбирательству до 17 мая 2019 г., ответчику предложено в указанный срок представить суду письменные возражения по делу и доказательства, опровергающие исковые требования.

Между тем указанное определение направлено в адрес ответчика лишь 16 мая 2019 г., что исключало возможность представления возражений на исковые требования банка в срок до 17 мая 2019 г.

Из отчета об отслеживании отправления следует, что 17 мая 2019 г. имела место неудачная попытка вручения судебной корреспонденции Г. и 25 мая 2019 г. указанное отправление возвращено отправителю.

В соответствии с п. 1 ст. 165¹ ГК РФ заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с которыми закон или сделка связывают гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему или его представителю. Сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено (адресату), но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним.

Согласно разъяснениям, содержащимся в абз. 2, 3 п. 63 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, с учетом положения п. 2 ст. 165¹ ГК РФ юридически значимое сообщение, адресованное гражданину, осуществляющему предпринимательскую деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, или юридическому лицу, направляется по адресу, указанному соответственно в едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей или в едином государственном реестре юридических лиц либо по адресу, указанному самим индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом.

Гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо несут риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по адресам, перечисленным в абз. 2 данного пункта, а также риск отсутствия по указанным адресам своего представителя.

Юридически значимое сообщение считается доставленным и в тех случаях, если оно поступило лицу, которому оно направлено, но по обстоятельствам, зависящим от него, не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним (п. 1 ст. 165¹ ГК РФ). Например, сообщение считается доставленным, если адресат уклонился от получения корреспонденции в отделении связи, в связи с чем она была возвращена по истечении срока хранения (абз. 2 п. 67 вышеназванного постановления Пленума).

Вместе с тем по смыслу положений ст. 165¹ ГК РФ во взаимосвязи с разъяснениями Пленума юридически значимое сообщение не может считаться доставленным, если по обстоятельствам, не зависящим от адресата, оно не было ему вручено или адресат не ознакомился с ним.

В силу п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, является безусловным основанием для отмены решения суда в апелляционном порядке.

Исходя из разъяснения, содержащегося в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 “О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции”, суду апелляционной инстанции при рассмотрении апелляционной жалобы Г. следовало поставить на обсуждение вопрос о причинах неполучения ею судебной корреспонденции, однако этого сделано не было.

Определение № 49-КГ20-9-К6

9. Нормы процессуального права не запрещают представлять письменные доказательства в копиях, а также проводить судебную почерковедческую экспертизу по копии документа. Вопросы о достаточности и пригодности материалов, предоставленных для исследования, а также о методике проведения экспертизы, относятся к компетенции лица, проводящего экспертизу.

Банк в лице конкурсного управляющего обратился в суд с иском к Д. и обществу о взыскании задолженности по кредитному договору.

Судом установлено, что между банком и Д. заключен договор потребительского кредита от 30 декабря 2016 г. на сумму, которую последний получил по расходно-кассовому ордеру.

В обеспечение исполнения обязательств по указанному договору банком в тот же день заключен договор поручительства с обществом, подписанный от имени общества Д. как генеральным директором.

Решением арбитражного суда банк (истец) признан банкротом и в отношении него открыто конкурсное производство. Функции конкурсного управляющего возложены на государственную корпорацию «Агентство по страхованию вкладов».

Согласно выписке из лицевого счета заемщик имеет задолженность по погашению кредита в указанном истцом размере, никаких платежей с февраля 2017 г. не производилось.

В связи с утверждением Д. о том, что договор кредита с расходно-кассовым ордером он не подписывал и денежных средств не получал, по ходатайствам обеих сторон определением суда была назначена судебная почерковедческая экспертиза, проведение которой поручено экспертам федерального бюджетного учреждения Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Расходы по проведению экспертизы возложены на ответчика Д., оспаривающего факт подписания договора и расходно-кассового ордера.

Определение о назначении экспертизы и о возложении расходов по ее проведению на Д. вынесено в судебном заседании, в котором участвовал его представитель.

В материалах дела имеется адресованное Д. уведомление суда первой инстанции о необходимости произвести оплату экспертизы на счет Судебного департамента или экспертного учреждения с указанием суммы, подлежащей оплате, а также почтовый конверт о возврате этого заказного письма в суд.

Материалы гражданского дела возвращены экспертным учреждением в суд без производства экспертизы с уведомлением о том, что экспертиза Д. не оплачена.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции указал, что в связи с уклонением Д. от оплаты расходов на проведение экспертизы факт подписания им договора потребительского кредита и расходно-кассового ордера на получение денежной суммы следует считать установленным.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что в материалах дела отсутствуют данные о том, что Д. был уведомлен о необходимости оплаты экспертизы, а также данные о его отказе от проведения назначенной судом почерковедческой экспертизы. При этом суд апелляционной инстанции, сославшись на положения ст. 85 ГПК РФ, отметил, что эксперт обязан был провести порученную судом экспертизу и дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним во-

просам. Отсутствие оплаты не является основанием для отказа в проведении экспертизы.

В обоснование отказа в иске суд апелляционной инстанции указал, что истец представил в суд только копию расходно-кассового ордера, однако подлинник этого ордера, подтверждающий получение заемщиком денежных средств, не приложил. Выписки по счетам, по мнению суда апелляционной инстанции, сами по себе не доказывают получение заемщиком кредита.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась, отменила апелляционное определение и направила дело на новое апелляционное рассмотрение по следующим основаниям.

По смыслу ч. 2 ст. 56, чч. 1—4 ст. 67, ч. 4 ст. 198 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, однако такая оценка не может быть произведена произвольно и с нарушением закона. Каждое доказательство суд должен оценить не только в отдельности, но также в совокупности и во взаимной связи с другими доказательствами.

В обоснование иска конкурсный управляющий банка ссылался не только на копию расходно-кассового ордера и на выписки по счету ответчика по отдельности, но и на совокупность доказательств, включая составленные в один и тот же день подлинник кредитного договора и договор поручительства, заключенный банком с обществом, возглавляемым ответчиком. Истец также указывал, что до февраля 2017 г. осуществлялись платежи в счет погашения кредита.

Однако судом апелляционной инстанции в нарушение ст. 67 ГПК РФ подлежащая оценка представленным истцом доказательствам не дана.

В силу ч. 1 ст. 327 ГПК РФ, предписывающей, что апелляционное рассмотрение производится по правилам суда первой инстанции с учетом особенностей, предусмотренных главой 39 этого Кодекса, положения ч. 1 ст. 79, чч. 1 и 2 ст. 85 ГПК РФ распространяются на производство в суде апелляционной инстанции.

Посчитав порядок назначения и проведения экспертизы судом первой инстанции нарушенным, суд апелляционной инстанции выявленные им нарушения не устранил, вопрос о проведении экспертизы, о чем просили обе стороны в судах обеих инстанций, не разрешил.

Согласно материалам дела истцом был представлен подлинник расходно-кассового ордера, копия этого ордера удостоверена судьей суда первой инстанции, рассматривавшим дело. Подлинник названного ордера вместе с материалами дела направлялся судом первой инстанции в экспертное учреждение. В материалах дела находится также заявление конкурсного управляющего банка, поданное после возвращения материалов дела из экспертного учреждения, о возврате подлинников документов, в том числе названного ордера, для представления их в материалы уголовного дела. На данном заявлении имеется подпись представителя истца о получении без указания перечня полученных документов.

В суде апелляционной инстанции представитель ответчика просил о проведении почерковедческой экспертизы. Представитель истца ссылался на то, что подлинник ордера в действительности истцом получен не был, просил провести экспертизу по копии этого документа, находящейся в материалах дела. В назначении данной экспертизы суд

апелляционной инстанции отказал, сославшись на нецелесообразность ее проведения по копиям.

При этом нормы процессуального права (чч. 1, 2 ст. 71 ГПК РФ) не запрещают представлять письменные доказательства в копиях, а также проводить почерковедческую экспертизу по копии документа. Вопросы о достаточности и пригодности предоставленных материалов для исследования, а также о методике проведения экспертизы относятся к компетенции лица, проводящего экспертизу.

Ответчик оспаривал принадлежность ему подписи не только в копии расходно-кассового ордера, но и в кредитном договоре, подлинник которого истцом суду представлен. Это судом апелляционной инстанции учтено не было.

Определение № 5-КГ20-58

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

10. Введение конкурсного производства в отношении акционерного общества не препятствует акционеру оспаривать сделку этого общества по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом “Об акционерных обществах”.

В рамках дела о банкротстве акционерного общества его акционер обратился с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи имущества общества, заключенного до признания общества банкротом.

Определением суда заявление возвращено акционеру со ссылкой на то, что у него отсутствует право оспаривать сделки в деле о банкротстве (исходя из положений п. 4 ст. 60, п. 1 ст. 61¹ и п. 1 ст. 61⁹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” (далее — Закон о банкротстве)).

Акционер обратился в арбитражный суд с иском вне рамок дела о банкротстве о признании недействительным договора купли-продажи и о применении последствий его недействительности со ссылкой на нормы Гражданского кодекса РФ и нормы Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ “Об акционерных обществах” о необходимости одобрения крупных сделок.

Решением суда первой инстанции искивые требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что после открытия конкурсного производства в отношении общества акционер вправе защищать свои интересы только способами, предусмотренными Законом о банкротстве: участвовать в собраниях кредиторов, инициировать вопрос об оспаривании сделок конкурсным управляющим, требовать с последнего возмещения убытков.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Введение конкурсного производства в отношении акционерного общества — банкрота не препятствует акционеру оспаривать сделку этого общества по общим основаниям.

Во-первых, таких ограничений не установлено ни в Законе о банкротстве, ни в иных законах и прямо из них не следует.

Во-вторых, даже при банкротстве акционерного общества не исключается возможность оспаривания его сделок в общем порядке, т.е. вне рамок дела о банкротстве. Так, в п. 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 “О некоторых вопросах, связанных с применением главы III¹ Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” разъяснено, что в исковом порядке с соблюдением общих правил о подведомственности и подсудности подлежат рассмотрению заявления о признании сделок должника недействительными по общим основаниям, предусмотренным гражданским законодательством, предъявляемые другими помимо арбитражного управляющего лицами.

В-третьих, Судебная коллегия не усматривает каких-либо правовых мотивов для истолкования закона таким образом, чтобы в условиях конкурсного производства акционер лишился бы права на оспаривание сделок своего общества. Интересы акционера по восстановлению имущественной массы акционерного общества не противоречат ни интересам конкурсных кредиторов по наполнению конкурсной массы должника, ни целям конкурсного производства. Напротив, за счет возвращенного по оспоренной сделке имущества акционер может рассчитывать на удовлетворение требований кредиторов и только впоследствии — на возврат своего общества к платежеспособному состоянию или на ликвидационную квоту должника (ст. 148 Закона о банкротстве).

С введением в отношении общества конкурсного производства конкурсный управляющий действительно является лицом, представляющим это общество. В то же время, вопреки выводам суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, данный статус не делает его единственным лицом, уполномоченным на оспаривание сделок должника. При оспаривании акционером сделки по общим основаниям наряду с этим акционером конкурсный управляющий также является представителем акционерного общества — банкрота. Процессуальная позиция этих лиц согласовывается по правилам, изложенным в п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”.

Определение № 303-ЭС20-5380

11. В силу п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве суммы налога на добавленную стоимость, начисленного при сдаче в аренду заложенного имущества в ходе конкурсного производства, погашаются за счет арендной платы до ее распределения по правилам пп. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве.

Общество передало имущество в залог кредитору.

Впоследствии решением арбитражного суда общество признано несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство. Определением того же суда требования кредитора признаны обеспеченными залогом имущества общества.

Конкурсный управляющий общества заключил с банком договор о ведении специального банковского счета, предусмотренного п. 3 ст. 138 Закона о банкротстве.

В процедуре конкурсного производства общество (арендодатель), являющееся плательщиком НДС, передало предмет залога в аренду.

На специальный счет поступила арендная плата, включающая в себя сумму НДС.

Конкурсный управляющий направил в банк платежные поручения о списании со специального счета и перечислении в бюджет сумм НДС. В графе расчетных документов “назначение платежа” управляющий указал: “Налог на добавленную стоимость в порядке п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве”, а также конкретные периоды, за который уплачивается налог.

Банк отказал в проведении расчетных операций, сославшись на несоответствие платежных документов особому режиму счета.

Конкурсный управляющий обратился в суд с иском к банку об обязанности исполнить платежные поручения о перечислении в бюджет сумм НДС.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что расходы, связанные с уплатой НДС, не отвечают признакам затрат, упомянутых в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве. Уплата обязательных платежей из средств, размещенных на залоговом счете, противоречит установленной законодательством о банкротстве очередности удовлетворения требований кредиторов, нарушает права залогового кредитора.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ не согласилась с выводами судов по следующим основаниям.

На основании абз. 4 п. 2 ст. 334 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ) залогодержатель преимущественно перед другими кредиторами залогодателя вправе получить удовлетворение обеспеченного залогом требования за счет причитающихся залогодателю доходов от использования заложенного имущества третьими лицами.

Согласно приведенной норме залогодержатель по общему правилу имеет приоритет в удовлетворении своих требований за счет экономического приращения, полученного от использования предмета залога собственником, в том числе при передаче им имущества в аренду.

Однако это не означает, что вся сумма арендной платы, перечисленной должнику, в отношении которого открыто конкурсное производство, направляется на удовлетворение обеспеченного залогового требования.

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2014 г. № 482-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях” ст. 138 Закона о банкротстве дополнена п. 6, в котором закреплено правило о приоритетном погашении издержек: расходы на обеспечение сохранности предмета залога и реализацию его на торгах покрываются за счет выручки от реализации предмета залога до распределения конкурсным управляющим этой выручки в порядке, предусмотренном пп. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, т.е. до начала расчетов с залоговым кредитором.

Данное правило носит общий характер. Оно подлежит применению и тогда, когда в силу п. 2 ст. 334 ГК РФ залогодержатель обращает свои требования не к самой заложенной вещи, а к доходам от ее аренды.

При ином толковании положений п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве текущие расходы, возникающие в связи с передачей в аренду заложенного имущества, будут относиться на все гражданско-пра-

вовое сообщество кредиторов (удовлетворяться за счет продажи незаложенного имущества, уменьшая тем самым общую конкурсную массу), а выручка от той же аренды направляться только одному члену названного сообщества — залоговому кредитору, создавая явный дисбаланс в объеме прав залогодержателя и остальных кредиторов.

Как следует из п. 1 ст. 168 НК РФ, сумма налога является частью цены аренды. Поэтому суммы НДС, выделяемые из арендных платежей и подлежащие уплате в бюджет в рамках текущих обязательств должника, следует считать расходами на реализацию предмета залога, указанным в п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве, а значит, затраты на уплату НДС, начисленного при сдаче в аренду заложенного имущества в ходе конкурсного производства, погашаются за счет арендной платы до ее распределения по правилам, установленным пп. 1 и 2 ст. 138 Закона о банкротстве, и не могут быть переложены на иных кредиторов должника.

По смыслу разъяснений, содержащихся в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № 36 “О некоторых вопросах, связанных с ведением кредитными организациями банковских счетов лиц, находящихся в процедуре банкротства”, не являющаяся залогодержателем кредитная организация, обслуживающая специальный счет, осуществляя в процедуре банкротства контроль за тем, относится ли платеж к числу разрешенных, проводит проверку по формальным признакам. Она не вправе заявлять конкурсному управляющему возражения против списания, основанные на доводах о неверном указании им суммы задолженности или момента ее возникновения.

В рассматриваемом случае в платежных поручениях содержались указания на перечисление сумм НДС, ссылки на конкретные налоговые периоды, слова “в порядке п. 6 ст. 138 Закона о банкротстве”, т.е. информация, формально свидетельствующая об отнесении оплачиваемых сумм к текущим платежам, по которым допускается списание со специального счета. Данной информации банку было достаточно для принятия распоряжений клиента (общества) к исполнению и перечисления денежных средств в бюджет.

Определение № 305-ЭС20-10152

12. Лицо несет субсидиарную ответственность по долгам должника-банкрота в случае, когда банкротство вызвано действиями этого лица, заключающимися в организации деятельности корпоративной группы таким образом, что на должника возлагаются исключительно убытки, а другие участники группы получают прибыль. Лица, причинившие вред совместно с контролирующим должника лицом, несут субсидиарную ответственность солидарно с ним.

В рамках дела о банкротстве общества уполномоченный орган обратился в суд с заявлением о привлечении М., Г. и компании к субсидиарной ответственности по обязательствам общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Обращаясь с исковыми требованиями, уполномоченный орган ссылаясь на совершение от-

ветчиками с 2011 по 2014 год действий, повлекших банкротство должника.

Поскольку субсидиарная ответственность по своей правовой природе является разновидностью ответственности за причинение вреда, материально-правовые нормы о порядке привлечения к данной ответственности применяются на момент совершения вменяемых ответчикам действий (возникновения обстоятельств, являющихся основанием для их привлечения к ответственности).

Следовательно, в данном случае подлежали применению положения Закона о банкротстве в редакции Федеральных законов от 28 апреля 2009 г. № 73-ФЗ, от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ. В связи с этим суды верно указали, что предусмотренная подп. 3 п. 4 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве презумпция контроля над должником у лица, которое извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в п. 1 ст. 53¹ ГК РФ, в рассматриваемом случае не применима, подобная презумпция в предыдущих редакциях данного Закона отсутствовала.

Однако это не означает, что при доказывании в общем порядке (ст. 65 АПК РФ) наличия контроля у лица, не имеющего формально-юридических полномочий давать должнику обязательные для исполнения указания, истец лишен возможности ссылаться на приведенные в упомянутой презумпции обстоятельства. Несмотря на то, что подобные факты применительно к рассматриваемому периоду не образуют презумпцию контроля, суд должен дать им правовую оценку в контексте всей совокупности обстоятельств, установленных по обособленному спору, тем более что на данные обстоятельства ссылался участник судебного спора.

Предусмотренное ст. 10 Закона о банкротстве (в ред. Федерального закона от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ) такое основание для привлечения к субсидиарной ответственности, как “признание должника несостоятельным вследствие поведения контролирующих лиц”, по существу мало чем отличается от предусмотренного действующей в настоящее время ст. 61¹¹ Закона о банкротстве основания ответственности в виде “невозможности полного погашения требований кредитора вследствие действий контролирующих лиц”, а потому значительный объем правовых подходов к толкованию положений как прежнего, так и ныне действующего законодательства является общим, в том числе это относится к разъяснениям норм материального права, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 “О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве”.

По смыслу пп. 4, 16 указанного постановления Пленума осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности. Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, то такое лицо подлежит признанию контролирующим должника. При этом суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего ли-

ца на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между названными действиями (бездействием) и фактически наступившим объективным банкротством.

Судебное разбирательство о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности по основанию невозможности погашения требований кредиторов должно в любом случае сопровождаться изучением причин несостоятельности должника. Удовлетворение подобного рода исков свидетельствует о том, что суд в качестве причины банкротства признал недобросовестные действия ответчиков. И напротив, отказ в иске указывает на то, что в основе несостоятельности лежат иные обстоятельства, связанные с объективными рыночными факторами, либо что принятая предприятием стратегия ведения бизнеса хотя и не являлась недобросовестной, но ввиду сопутствующего ведению предпринимательской деятельности риска не принесла желаемых результатов.

В данном случае судам надлежало по существу исследовать приведенные уполномоченным органом доводы, поскольку они указывали на искусственный характер возникновения у должника имущества кризиса.

Если доводы уполномоченного органа соответствуют действительности, то это может означать следующее.

Фактически в корпоративной группе была реализована бизнес-модель, предполагающая получение должником выручки от осуществляемой им деятельности значительно ниже того, на что он вправе был бы рассчитывать в рамках рыночных отношений. Несмотря на то, что получение дохода ниже объективного потенциала прибыли от производственной деятельности само по себе не является незаконным и находится в сфере ведения органов управления корпорации (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 декабря 2012 г. № 8989/12), с точки зрения законодательства о банкротстве такая деятельность приобретает недобросовестный характер в момент, когда она начинает приносить вред кредиторам, т.е. когда поступления в имущество должника становятся ниже его кредиторской нагрузки.

Неоднократное (системное) воспроизведение одних и тех же результатов хозяйственной деятельности у последовательно сменяющих друг друга производственных единиц с конкретным функционалом внутри корпоративной группы в виде накопления значительной долговой нагрузки перед независимыми кредиторами (в данном случае — перед уполномоченным органом по обязательным платежам) с периодическим направлением этой единицы в процедуру банкротства для списания долгов и созданием новой, не обремененной долгами, указывает на цикличность бизнес-процессов внутри группы с заведомым разделением предпринимательской деятельности на убыточные и прибыльные центры.

По крайней мере, ответчики не ссылались на то, что имеется иное рациональное объяснение совокупности действий, систематически приводящих к одним и тем же последствиям. Таковую деятельность нельзя признать добросовестной, поскольку она причиняет вред независимым кредиторам и создает для корпоративной группы необоснованные преимущества, которые ни один участник соответствующего рынка, находящийся в схожих условиях, не имел бы. В данном случае преимущества выразились в отсутствии необходимости уплачивать обязательные платежи.

Если приведенные выше доводы уполномоченного органа соответствовали действительности, необходимо признать, что описанная бизнес-модель выходит за пределы предпринимательского риска и подтверждает подобное злоупотребление корпоративной формой.

Суды доводы уполномоченного органа не рассмотрели, ограничившись констатацией того, что компания не является контролирующим должником лицом.

Однако данный вопрос не имел принципиального значения для принятия решения по существу спора.

Уполномоченный орган указывал, что Г. являлась основным акционером (участником) как должника, так и компании (по 80% соответственно).

Даже если исходить из того, что недобросовестно получающее от деятельности должника выгоду лицо не контролирует должника, то наиболее вероятной причиной подобного поведения является возможность Г. как лица, контролировавшего обе стороны, определять действия каждой из них, неравномерно перераспределяя активы внутри группы. Тем самым компания в отсутствие статуса контролирующего лица может быть признана действующей совместно с Г. (ст. 1080 ГК РФ), поскольку фактически выступала в качестве соисполнителя (п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53), что приводит к одним и тем же материально-правовым последствиям для ответчика в случае удовлетворения иска.

Определение № 310-ЭС20-6760

13. Требование о привлечении к субсидиарной ответственности в материально-правовом смысле принадлежит независимым от должника кредиторам и не может служить средством разрешения корпоративного конфликта.

В рамках дела о банкротстве общества кредитор А. и компания обратились в суд с заявлениями о привлечении бывшего руководителя должника Н. и его участника С. к субсидиарной ответственности.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявления удовлетворены, ответчики привлечены солидарно к субсидиарной ответственности.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

При рассмотрении спора ответчики ссылались на то, что в обществе имеет место корпоративный конфликт между группой ответчиков и группой истцов. При этом более 90% требований кредиторов, включенных в реестр, принадлежит сторонам данного конфликта. По мнению ответчиков, предъявление иска о привлечении их к субсидиарной ответственности является средством давления в рамках спора между участниками общества.

Ответчики приводили в обоснование своих доводов значительное количество обстоятельств, свидетельствующих об аффилированности истцов и другого участника общества. Совокупность приведенных доводов и отсутствие иных рациональных объяснений позволяли прийти к выводу о том, что наиболее вероятный вариант развития событий заключается в наличии между названными лицами, как минимум, фактической аффилированности, что обуславливает существование у них общих экономических интересов и занятие единой, согласованной и скоординированной процессуальной стратегии в рамках данного дела о банкротстве.

Если доводы об имеющемся в обществе корпоративном конфликте соответствуют действительности, то судам необходимо было исходить из следующего.

Иск о привлечении к субсидиарной ответственности является групповым косвенным иском, так как предполагает предъявление полномочным лицом в интересах группы лиц, объединяющей правовое сообщество кредиторов должника, требования к контролирующим лицам, направленное на компенсацию последствий их негативных действий по доведению должника до банкротства.

Институт субсидиарной ответственности является правовым механизмом защиты нарушенных прав конкурсных кредиторов, возмещения причиненного им вреда.

При разрешении требования о привлечении к субсидиарной ответственности интересы кредиторов противопоставляются интересам лиц, управлявших должником, контролировавшим его финансово-хозяйственную деятельность.

Таким образом, требование о привлечении к субсидиарной ответственности в материально-правовом смысле принадлежит независимым от должника кредиторам, является исключительно их средством защиты. Именно поэтому в том числе абз. 3 п. 11 ст. 61¹¹ Закона о банкротстве в настоящее время устанавливает правило, согласно которому в размер субсидиарной ответственности не включаются требования, принадлежащие ответчику либо заинтересованным по отношению к нему лицам.

Однако, по утверждению ответчиков, в рассматриваемом случае истцы и их аффилированные лица сами являлись причастными к управлению должником, т.е. они не имеют статуса независимых кредиторов, что лишает их возможности заявлять требование о привлечении к субсидиарной ответственности.

Предъявление подобного иска по существу может быть расценено как попытка истцов компенсировать последствия своих неудачных действий по вхождению в капитал должника и инвестированию в его бизнес. В то же время механизм привлечения к субсидиарной ответственности не может быть использован для разрешения корпоративных споров.

Если истцы полагали, что ответчики как их партнеры по бизнесу действовали неразумно или недобросовестно по отношению к обществу, то они не были лишены возможности прибегнуть к средствам защиты, предусмотренным корпоративным, а не банкротным законодательством, в частности, предъявление требований о возмещении убытков, исключении из общества, оспаривание сделок по корпоративным основаниям и проч.

Определение № 310-ЭС20-7837

14. Кредитор по требованию о выплате действительной стоимости доли вправе участвовать в деле о банкротстве должника применительно к статусу лица, указанного в абз. 4 п. 1 ст. 35 и п. 3 ст. 126 Закона о банкротстве.

В рамках дела о банкротстве должника (общества) фирма обратилась с заявлением о включении в реестр ее требований.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Компания обратилась в Верховный Суд РФ с кассационной жалобой, в которой просила судебные акты отменить.

Определением Верховного Суда РФ кассационная жалоба вместе с делом переданы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ.

В судебном заседании фирмой заявлено ходатайство о прекращении производства по кассационной жалобе ввиду того, что компания не является участником дела о банкротстве, а имеет лишь требование о выплате действительной стоимости доли в связи с выходом из общества.

Рассмотрев названное ходатайство, Судебная коллегия пришла к следующим выводам.

По общему правилу собственники капитала должника (участники, учредители и акционеры) принимают участие в деле о банкротстве через своего представителя на основании абз. 4 п. 1 ст. 35 Закона о банкротстве.

Целью ограничения непосредственного участия участников должника в деле о его несостоятельности и возможности осуществления ими каких-либо действий лишь через представителя является предотвращение несогласованного участия большого количества лиц, обладающих относительно небольшими долями (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 февраля 2014 г. № 8457/13).

Открытие конкурсного производства наделяет представителей учредителей (участников) должника правами лиц, участвующих в деле (п. 3 ст. 126 Закона о банкротстве), что позволяет им осуществлять предусмотренные законом процессуальные возможности. Предполагается, что, выбирая представителя, участники реализуют общий интерес, заключающийся в первую очередь в сохранении конкурсной массы, недопущении в реестр мнимых требований с тем, чтобы впоследствии иметь возможность получить ликвидационную квоту в случае достаточности имущества (п. 8 ст. 63 ГК РФ, ст. 148 Закона о банкротстве).

Вместе с тем участвующие в судебном заседании лица подтвердили, что в обществе имеется корпоративный конфликт: компания как вышедший из общества мажоритарный участник, имеющий право на получение действительной стоимости доли, является стороной этого конфликта.

Наличие корпоративного конфликта существенно затрудняет выбор представителя для участия в процедурах банкротства должника по той причине, что интересы его сторон являются разнонаправленными. Компания отмечала, что настоящее дело о банкротстве инициировано исключительно в целях того, чтобы не выплачивать действительную стоимость доли, на это направлено и включение фиктивных, по мнению компании, требований в реестр.

Судебная коллегия полагает, что при наличии правового интереса, связанного с требованием о выплате действительной стоимости доли, соответствующее лицо вправе участвовать в деле применительно к статусу лица, указанного в абз. 4 п. 1 ст. 35 и п. 3 ст. 126 Закона о банкротстве.

Таким образом, компания имела право на обжалование судебных актов, в связи с чем ходатайство фирмы о прекращении производства по кассационной жалобе не подлежало удовлетворению.

Определение № 305-ЭС20-4610(2)

Недействительность сделок

15. Обжалование действий нотариуса по удостоверению сделки не является необходимым для признания этой сделки недействительной на основании п. 1 ст. 177 ГК РФ.

Н. обратилась в арбитражный суд с иском к Е. о признании недействительным договора купли-продажи доли в уставном капитале общества и о применении последствий его недействительности. Н. ссылалась на положения п. 1 ст. 177 ГК РФ. По утверждению Н., ее психическое состояние препятствовало всестороннему и целостному пониманию содержания и юридических последствий сделки, что подтверждается заключением амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в рамках уголовного дела в отношении Е.

Решением суда первой инстанции иски были удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в иске отказано. Суды исходили из того, что договор купли-продажи удостоверен нотариально, действия нотариуса по удостоверению спорной сделки не признаны незаконными; при совершении нотариального действия личность Н. была установлена, осуществлена проверка ее дееспособности; факт удостоверения договора нотариусом свидетельствует о том, что гражданин, совершивший сделку, был способен понимать характер своих действий и руководить ими.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 177 ГК РФ сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иски этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения.

Предусмотренное в указанной норме основание недействительности сделки связано с пороком воли, вследствие чего сделка, совершенная гражданином, находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, не может рассматриваться в качестве сделки, совершенной по его воле.

При этом не имеет правового значения дееспособность лица, поскольку тот факт, что лицо обладает полной дееспособностью, не исключает наличия порока его воли при совершении сделки.

Таким образом, юридически значимым обстоятельством является установление психического состояния лица в момент заключения сделки.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 64 АПК РФ доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном данным Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

В качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, консультации специалистов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы.

Частями 4, 5 ст. 71 АПК РФ определено, что каждое доказательство подлежит оценке арбит-

ражным судом наряду с другими доказательствами. Никакие доказательства не имеют для арбитражного суда заранее установленной силы.

Суд оценивает доказательства исходя из требований чч. 1, 2 ст. 71 АПК РФ, при этом по результатам оценки доказательств суду необходимо привести мотивы, по которым он принимает или отвергает имеющиеся в деле доказательства (ч. 7 ст. 71, п. 2 ч. 4 ст. 170 АПК РФ).

Вместе с тем в нарушение положений главы 7 АПК РФ суд апелляционной инстанции не проверил и не дал надлежащей оценки доводам Н. о том, что в момент совершения оспариваемой сделки она не была способна понимать значение своих действий, не имела намерения на отчуждение доли в уставном капитале общества.

В обоснование своих требований Н. ссылалась на заключение амбулаторной психолого-психиатрической экспертизы, проведенной в рамках производства по уголовному делу. Также истец указала, что в суде общей юрисдикции по аналогичным основаниям (наличие порока воли) оспаривались сделки по отчуждению недвижимого имущества (заключенные за две недели до подписания оспариваемого в настоящем деле договора) и признавалось право собственности истца на спорное имущество. Вступившим в законную силу решением суда общей юрисдикции заявленные требования удовлетворены в полном объеме. Суд на основании совокупности собранных по делу доказательств пришел к выводу о том, что Н. в момент заключения сделок не могла осознавать характер своих действий и руководить ими, в связи с чем у нее отсутствовала воля на отчуждение принадлежащих ей объектов недвижимости.

Арбитражный суд округа при рассмотрении дела не устранил допущенные нарушения.

Ни суд апелляционной инстанции, ни арбитражный суд округа не указали, по каким основаниям было отдано предпочтение перед другими доказательствами пояснениям нотариуса о том, что при удостоверении оспариваемой сделки не возникло сомнений в отношении психического состояния Н.

Определение № 305-ЭС20-5407

Практика применения земельного законодательства, лесного законодательства и законодательства об охране окружающей среды

16. Ничтожным является соглашение о передаче арендатором прав и обязанностей по договору аренды лесного участка при отсутствии согласия арендодателя, если договор аренды был заключен до вступления в силу положений законодательства, допускающих такую передачу.

Уполномоченный орган (далее — комитет) в 2009 году предоставил обществу в аренду сроком на 49 лет лесной участок для строительства, реконструкции и эксплуатации автомобильной дороги. Участок относился к категории земель лесного фонда, имел вид разрешенного использования “строительство, реконструкция, эксплуатация линий электропередачи, линий связи, дорог, трубопроводов и других линейных объектов”.

Общество на основании подписанного с кооперативом соглашения в 2016 году передало последнему права и обязанности арендатора лесного участка.

Кооператив уведомил комитет о состоявшейся уступке.

Комитет обратился в арбитражный суд с иском к кооперативу об обязанности ответчика передать ист-

цу лесной участок, предоставленный в аренду, в состоянии, пригодном для ведения лесного хозяйства. Комитет ссылался на то, что соглашение о передаче прав и обязанностей по договору аренды лесного участка является ничтожным, поскольку заключено без согласия арендодателя; у кооператива отсутствуют правовые основания для пользования спорным лесным участком; поскольку общество (первоначальный арендатор) ликвидировано, ответчик обязан возвратить истцу указанный лесной участок в состоянии, пригодном для ведения лесного хозяйства.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды сочли, что к правоотношениям сторон, касающимся уступки прав и обязанностей арендатора по спорному договору аренды, подлежат применению положения ст. 22 ЗК РФ, согласно которым при аренде земельного участка, находящегося в публичной собственности, на срок более 5 лет арендатор вправе передавать свои права и обязанности третьим лицам без согласия арендодателя при условии его уведомления.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

В силу п. 1 ст. 173¹ ГК РФ сделка, совершенная без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, необходимость получения которого предусмотрена законом, является оспоримой, если из закона не следует, что она ничтожна или не влечет правовых последствий для лица, уполномоченного давать согласие, при отсутствии такого согласия. Она может быть признана недействительной по иску такого лица или иных лиц, указанных в законе. Законом или в предусмотренных им случаях соглашением с лицом, согласие которого необходимо на совершение сделки, могут быть установлены иные последствия отсутствия необходимого согласия на совершение сделки, чем ее недействительность.

Пунктом 1 ст. 422 ГК РФ предусмотрено, что договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 71 ЛК РФ в редакции, действовавшей в 2009 году, к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом РФ, если иное не установлено Лесным кодексом РФ.

В период заключения спорного договора аренды действовало принятое в соответствии с ч. 5 ст. 74 ЛК РФ постановление Правительства РФ от 28 мая 2007 г. № 324 “О договоре аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности”, которым утверждена форма примерного договора аренды лесного участка, подлежащая приме-

нию для всех видов использования лесов. Подпунктом “г” п. 10 раздела III этой формы было предусмотрено, что арендатор имеет право сдавать лесной участок в субаренду, передавать свои права и обязанности по договору другим лицам, отдавать право аренды в залог, вносить право аренды в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив только с согласия арендодателя.

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 206-ФЗ “О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования лесных отношений” внесены изменения в том числе в ст. 71 ЛК РФ. Частью 4 данной статьи предусмотрено, что к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом РФ и Земельным кодексом РФ, если иное не установлено Лесным кодексом РФ. Данный Закон вступил в действие с 1 октября 2015 г.

Федеральным законом от 29 июня 2015 г. № 206-ФЗ не предусмотрено, что его положения распространяются на правоотношения, возникшие до введения его в действие.

Таким образом, является ошибочным вывод судов о том, что к спорным правоотношениям, возникшим по договору аренды лесного участка, заключенному до вступления в силу указанного Закона, подлежат применению положения земельного законодательства (п. 9 ст. 22 ЗК РФ), позволяющие арендатору передавать свои права и обязанности по договору аренды лесного участка, заключенному на срок более чем пять лет, третьему лицу без согласия собственника этого участка при условии его уведомления.

В силу п. 2 ст. 615 ГК РФ арендатор вправе с согласия арендодателя сдавать арендованное имущество в субаренду (поднаем) и передавать свои права и обязанности по договору аренды другому лицу (перенаем), предоставлять арендованное имущество в безвозмездное пользование, а также отдавать арендные права в залог и вносить их в качестве вклада в уставный капитал хозяйственных товариществ и обществ или паевого взноса в производственный кооператив, если иное не установлено данным Кодексом, другим законом или иными правовыми актами.

Лесным кодексом РФ не были предусмотрены иные, чем в п. 2 ст. 615 ГК РФ, условия передачи арендатором лесного участка своих прав и обязанностей по договору аренды.

В разделе III спорного договора, которым определены права и обязанности сторон, также не предусмотрено право арендатора уступать свои права и обязанности без согласия арендодателя.

Следовательно, для заключения соглашения о передаче прав по договору аренды лесного участка требовалось согласие арендодателя.

Как указано в п. 2 ст. 391 ГК РФ, перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным.

В соответствии с разъяснениями, приведенными в п. 73 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, в силу прямого указания закона к ничтожным сделкам, в частности, относится соглашение о переводе должником своего долга на

другое лицо при отсутствии согласия кредитора (п. 2 ст. 391 ГК РФ).

При таких обстоятельствах соглашение о передаче прав по договору аренды лесного участка, заключенное между обществом и кооперативом без согласия комитета, в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ является недействительной (ничтожной) сделкой.

Определение № 305-ЭС20-6940

17. Отказ уполномоченного органа в выдаче охранного обязательства по обеспечению сохранности и использованию особо охраняемой природной территории регионального значения является незаконным в случае предоставления земельного участка для хозяйственной деятельности до вступления в силу закона, которым введены ограничения, если данная деятельность не нарушает установленного режима охраны и использования территории.

Общество обратилось с заявлением к уполномоченному органу (далее — департамент) об оформлении охранного обязательства по обеспечению сохранности и использованию особо охраняемой природной территории регионального значения в г. Москве на земельный участок, предназначенный для эксплуатации стационарной автозаправочной станции.

Департамент отказал обществу в выдаче охранного обязательства ввиду несоответствия деятельности общества на земельном участке режиму охраны и использования особо охраняемой природной территории.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа департамента незаконным и об обязанности департамента устранить допущенное нарушение.

Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Установив, что природный заказник относится к особо охраняемым природным территориям регионального значения и обществом осуществляется деятельность, не соответствующая режиму охраны и использования данной территории, что в силу п. 2.10.1.4 Административного регламента предоставления государственной услуги “Выдача заявлениям охранных обязательств (дополнительного соглашения к охранным обязательствам) по обеспечению сохранности и использованию особо охраняемой природной территории регионального значения в городе Москве”, утвержденного постановлением Правительства Москвы от 4 июля 2017 г. № 432-ПП, является основанием для отказа в выдаче охранного обязательства, суды отказали в удовлетворении заявления общества.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно ст. 42 ЗК РФ собственники земельных участков и лица, не являющиеся собственниками земельных участков, обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением способами, которые не должны наносить вред окружающей среде, в том числе земле как природному объекту.

В силу п. 2 ст. 27 Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ “Об особо охраняемых природных территориях” собственники, владельцы и пользователи земельных участков, на которых находятся памятники природы, прини-

мают на себя обязательства по обеспечению режима особой охраны памятников природы.

Пунктом 3 ст. 26 этого Закона предусмотрено, что органы государственной власти Российской Федерации и органы государственной власти субъектов Российской Федерации утверждают границы и определяют режим особой охраны территорий памятников природы, находящихся в их ведении. Передача памятников природы федерального и регионального значения и их территорий под охрану лиц, в чье ведение они переданы, оформление охранных обязательств, паспорта и других документов осуществляются соответственно федеральным органом исполнительной власти в области охраны окружающей среды и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, федеральное законодательство допускает возможность передачи под охрану с оформлением охранных обязательств памятников природы федерального и регионального значения правообладателям земельных участков, на которых данные памятники находятся.

Отношения в области организации, охраны и использования особо охраняемых природных территорий в городе Москве регулируются Законом города Москвы от 26 сентября 2001 г. № 48 “Об особо охраняемых природных территориях в городе Москве”, ст. 15 которого допускает ограниченную хозяйственную деятельность на особо охраняемой природной территории лицами, которым земельный участок для этих целей предоставлен до вступления в силу указанного Закона, если данная деятельность не нарушает установленного режима охраны и использования. После принятия решения об образовании особо охраняемой природной территории в соответствии с этим Законом хозяйственная и иная деятельность в границах территории приостанавливается до подписания охранных обязательств, в которых предусматривается обеспечение сохранности предоставленных на занимаемых землепользователями участках природных сообществ и объектов с соблюдением установленных режимов охраны и использования.

При рассмотрении спора общество указывало, что земельный участок был предоставлен предыдущему правообладателю с целевым назначением — для строительства и последующей эксплуатации автозаправочной станции еще до вступления в силу названного Закона города Москвы и формирования границ особо охраняемой природной территории природного заказника.

Однако в нарушение положений ст.ст. 65, 71 АПК РФ судами данному доводу заявителя оценка не дана; обстоятельства, связанные с предоставлением земельного участка и установлением вида разрешенного использования в соответствии с требованиями закона, которые имеют существенное значение для разрешения спора, не исследовались; факт ведения на указанном земельном участке обществом деятельности, противоречащей видам разрешенного использования, не устанавливался.

Определение № 305-ЭС20-10119

Споры, возникающие из обязательственных отношений

18. Гарант не вправе отказать бенефициару в удовлетворении его требования об уплате денежной суммы по банковской гарантии, если приложенные к этому требованию документы по внешним признакам соответствуют условиям такой гарантии.

Между администрацией и обществом заключен муниципальный контракт на строительство плавательного бассейна. В качестве надлежащего обеспечения исполнения обязательств по муниципальному контракту подрядчик представил банковскую гарантию.

Вследствие нарушения обществом графика работ администрацией принято решение об одностороннем отказе от исполнения контракта. Со ссылкой на неисполнение обществом обязательств по контракту администрацией в адрес банка направлено требование об уплате денежной суммы по банковской гарантии, в выплате которой банком отказано.

Администрация обратилась в арбитражный суд с заявлением о взыскании задолженности по банковской гарантии и неустойки.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из того, что администрацией не приложены документы, подтверждающие расчет суммы, подлежащей выплате. Кроме того, в судебных актах судов первой и апелляционной инстанций указано, что, как следует из п. 1.1 банковской гарантии, она обеспечивает определенный закрытый перечень обязательств принципала, а именно: по возврату авансового платежа, уплате неустоек (пеней/штрафов), предусмотренных контрактом, возмещению убытков в случаях и на условиях, предусмотренных контрактом. Также к требованию истцом был приложен документ, поименованный как расчет суммы, включаемой в требование о платеже по банковской гарантии. Указанный расчет не содержит ссылки на обстоятельства, нарушенные принципалом, обеспечиваемые выданной банком банковской гарантией, и не содержит арифметических вычислений, из которых складывается сумма банковской гарантии.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Как следует из пп. 1, 3 ст. 368 ГК РФ, по независимой гарантии гарант принимает на себя по просьбе другого лица (принципала) обязательство уплатить указанному им третьему лицу (бенефициару) определенную денежную сумму в соответствии с условиями данного гарантом обязательства независимо от действительности обеспечения такой гарантией обязательства. Требование об определенной денежной сумме считается соблюденным, если условия независимой гарантии позволяют установить подлежащую выплате денежную сумму на момент исполнения обязательства гарантом. Независимые гарантии могут выдаваться банками или иными кредитными организациями (банковские гарантии), а также другими коммерческими организациями.

В силу ч. 1 ст. 45 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” (в редакции, действовавшей в период выдачи банковской гарантии) заказчики в качестве обеспечения заявок и исполнения контрактов принимают банковские гарантии, выданные банками, включенными в предусмотренный ст. 74¹ НК РФ перечень банков, отвечающих установленным требованиям для принятия банковских гарантий в целях налогообложения.

В пп. 9 и 11 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 5 июня 2019 г.), разъяснено, что гарант не вправе отказать бенефициару в удовлетворении его требования, если приложенные к этому требованию документы по внешним признакам соответствуют условиям независимой гарантии; обязательство гаранта перед бенефициаром не зависит от того основного обязательства, в обеспечение исполнения которого выдана гарантия, даже если в самой гарантии содержится ссылка на это обязательство.

В п. 1.1 банковской гарантии указано, что гарант обязуется осуществить платеж в пользу бенефициара в случае невыполнения (ненадлежащего выполнения) принципалом своих обязательств по контракту по требованию бенефициара. При этом гарантия обеспечивает исполнение принципалом его обязательств перед бенефициаром по контракту, в том числе обязательств по возврату авансового платежа, уплате неустоек (пеней, штрафов), предусмотренных контрактом, возмещению убытков (при их наличии). Соответственно, вывод судов о том, что банковская гарантия обеспечивает исключительно закрытый перечень обязательств принципала, не соответствует буквальному содержанию текста банковской гарантии (ст. 431 ГК РФ). Положений о том, что обязательства гаранта по банковской гарантии прекращаются в случае принятия заказчиком решения об одностороннем отказе от исполнения контракта, Федеральный закон “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” и иные нормативные правовые акты не содержат. Подобное толкование противоречит смыслу банковской гарантии как обеспечения исполнения контрактов.

По указанным причинам расчет суммы, подлежащей уплате по банковской гарантии, является приложением к требованию истца и соответствует разъяснениям вышеназванного Обзора.

Определение № 305-ЭС20-8165

19. Участник долевого строительства вправе взыскать с застройщика возмещение убытков ввиду неисполнения обязательства, рассчитанных абстрактным методом на основании п. 2 ст. 393¹ ГК РФ, наряду с законной неустойкой, установленной ч. 2 ст. 9 Федерального закона “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”.

Участником долевого строительства и застройщиком заключен договор участия в долевом строительстве, по которому участник уплатил застройщику денежную сумму.

Ввиду просрочки исполнения застройщиком своих обязательств участник отказался от договора. Застройщик вернул участнику выплаченную ранее сумму.

Полагая, что цена квартиры с момента заключения договора до момента его расторжения увеличилась, правопреемник участника обратился в арбитражный суд с иском к застройщику о взыскании убытков в виде разницы между ценой квартиры на момент расторжения договора и уплаченной по договору суммой.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении иска отказано. Суды исходили из того, что предъявленные истцом к возмещению суммы убытков покрываются причитающимися

участникам долевого строительства процентами в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства по возврату денежных средств, уплаченных участником долевого строительства, установленных ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон об участии в долевом строительстве).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 10 Закона об участии в долевом строительстве в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору сторона, не исполнившая своих обязательств или ненадлежаще исполнившая свои обязательства, обязана уплатить другой стороне предусмотренные названным Законом и указанным договором неустойки (штрафы, пени) и возместить в полном объеме причиненные убытки сверх неустойки.

Согласно ч. 2 ст. 9 этого Закона застройщик в случае расторжения договора по основаниям, предусмотренным ч. 1 данной статьи, в течение двадцати рабочих дней со дня расторжения договора или в случае расторжения договора по основаниям, предусмотренным ч. 1¹ данной статьи, в течение десяти рабочих дней со дня расторжения договора обязан возратить участнику долевого строительства денежные средства, уплаченные им в счет цены договора, а также уплатить проценты на эту сумму за пользование указанными денежными средствами в размере одной трехсотой ставки рефинансирования Банка России, действующей на день исполнения обязательства по возврату денежных средств, уплаченных участником долевого строительства. Указанные проценты начисляются со дня внесения участником долевого строительства денежных средств в счет цены договора до дня их возврата застройщиком участнику долевого строительства. Если участником долевого строительства является гражданин, указанные проценты уплачиваются застройщиком в двойном размере. Если в течение соответствующего установленного срока участник долевого строительства не обратился к застройщику за получением денежных средств, уплаченных участником долевого строительства в счет цены договора, и процентов на эту сумму за пользование указанными денежными средствами, застройщик не позднее дня, следующего за рабочим днем после истечения указанного срока, обязан зачислить денежные средства и проценты за пользование денежными средствами в депозит нотариуса по месту нахождения застройщика, о чем сообщает-ся участнику долевого строительства.

Сходный механизм возврата денежных средств и уплаты процентов применим к различным типам договоров, что подтверждается разъяснениями, содержащимися в п. 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 6 июня 2014 г. № 35 “О последствиях расторжения договора”, и специально для возврата предоплаты по договору купли-продажи — п. 4 ст. 487 ГК РФ.

Согласно п. 5 названного постановления Пленума вне зависимости от основания для расторжения договора сторона, обязанная вернуть

имущество, возмещает другой стороне все выгоды, которые были извлечены первой стороной в связи с использованием, потреблением или переработкой данного имущества, за вычетом понесенных ею необходимых расходов на его содержание. Если возвращаются денежные средства, подлежат уплате проценты на основании ст. 395 ГК РФ с даты получения возвращаемой суммы другой стороной (ответчиком).

Таким образом, проценты, начисляемые в соответствии с ч. 2 ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве, являются минимальным презюмируемым размером платы за пользование деньгами застройщиком без осуществления им встречного предоставления. Однако такая плата за пользование денежными средствами не покрывает убытков кредитора, связанных с неисполнением основного обязательства, ради возникновения которого заключался расторгнутый договор, например о передаче в собственность нежилых помещений. Поэтому названные проценты являются зачетными лишь в отношении убытков, вызванных непосредственной просрочкой исполнения, но не покрывают какую-либо часть убытков, вызванных полным неисполнением обязательства.

В связи с изложенным Судебная коллегия полагает, что в случаях, когда кредитор расторгает договор и требует на основании п. 2 ст. 393¹ ГК РФ возмещения абстрактных убытков, вызванных удорожанием на рынке аналогичных подлежащих передаче объектов, такие убытки подлежат взысканию в полном размере помимо начисленных процентов.

Такой подход соответствует принципу полного возмещения убытков, закрепленному в ст. 15 и в пп. 1, 2 ст. 393 ГК РФ.

Если взыскание законной неустойки, установленной ч. 2 ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве, призвано компенсировать убытки кредитора, связанные с отсутствием в определенный период времени у него денежных средств без встречного предоставления, взыскание убытков, рассчитанных по абстрактному методу, компенсирует будущие потери кредитора на приобретение исполнения, которое не осуществил должник.

Таким образом, неустойка, взыскиваемая на основании ч. 2 ст. 9 Закона об участии в долевом строительстве, и убытки, рассчитанные на основании абстрактного метода согласно п. 2 ст. 393¹ ГК РФ, призваны компенсировать разные потери кредитора, не пересекаются между собой и в силу принципа полного возмещения убытков (восстановительного характера гражданско-правовой ответственности) должны взыскиваться независимо друг от друга.

Определение № 305-ЭС20-4649

20. Если публично-правовое образование в правовых актах, принимаемых во исполнение законов, установивших льготы, предусматривает последующую компенсацию не полученной от потребителей платы, неисполнение этой обязанности влечет необходимость возмещения публично-правовым образованием убытков лицу, реализовавшему товары (выполнившему работы, оказавшего услуги) по льготным ценам или без получения платы от потребителя.

Общество оказывало услуги по вывозу твердых бытовых отходов (далее — ТБО) от индивидуальных жилых домов в районе муниципального образования.

Постановлением администрации муниципального образования (далее — постановление) установлен тариф на услуги по вывозу ТБО от индивидуальных жилых домов, оказываемые

двумя муниципальными предприятиями, в размере 100 руб. на одного человека в месяц. При этом рекомендовано организациям частной формы собственности, оказывающим те же услуги, применять названный тариф.

В качестве компенсации неполученных доходов администрация муниципального образования своим постановлением утвердила порядок предоставления субсидии из бюджета муниципального образования на возмещение затрат в связи с оказанием услуг по вывозу твердых бытовых отходов и крупногабаритного мусора от индивидуальных жилых домов (далее — Порядок). Приложением к нему является порядок расчета размера субсидии.

Решениями законодательного органа муниципального образования о бюджете на 2016 и 2017 годы предусматривалось субсидирование указанного вида деятельности.

Согласно Порядку основанием предоставления субсидий является соглашение на предоставление субсидий с администрациями соответствующих районов муниципального образования. Соглашение заключается после представления в администрацию района перечисленных в Порядке документов, либо дается мотивированный отказ.

Администрацией района согласованы с обществом графики вывоза ТБО, в которых указаны адреса контейнерных площадок, периодичность, кратность вывоза в день и часы вывоза ТБО.

Ссылаясь на то, что услуги по вывозу ТБО от индивидуальных жилых домов оказаны в 2016 и 2017 годах, полный пакет документов в соответствии с Порядком предоставлен, однако соглашение администрации района не заключено и сумма субсидии из бюджета не выплачена, общество обратилось в арбитражный суд с иском к муниципальному образованию о взыскании убытков.

Решением суда первой инстанции искивые требования удовлетворены частично.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Поскольку законодательство не относило в спорный период услуги по сбору и транспортированию ТБО к регулируемым видам деятельности, муниципальное образование приняло на себя обязанность компенсировать организациям частной формы собственности затраты, связанные с оказанием услуг по вывозу ТБО и крупногабаритного мусора от индивидуальных жилых домов, не компенсируемых населением, путем предоставления субсидии из бюджета, расчет которой осуществляется в соответствии с приложением, утвержденным Порядком.

Таким образом, установив цену за услуги, оказываемые муниципальными предприятиями за обращение с отходами, и распространив ее на другие организации, предусмотрев нормативным актом порядок компенсации негативных последствий ограничения цены для населения, муниципальное образование определило для субъектов, оказывающих услуги по сбору и транспортировке отходов, правила осуществления этой деятельности.

Пунктом 1 ст. 78 БК РФ предусмотрено, что в целях возмещения затрат или недополученных до-

ходов в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям, а также физическим лицам — производителям товаров, работ, услуг, на безвозмездной и безвозвратной основе предоставляются субсидии, в том числе из местного бюджета — в случаях и порядке, предусмотренных решением представительного органа муниципального образования о местном бюджете и принимаемыми в соответствии с ним муниципальными правовыми актами местной администрации или актами уполномоченных ею органов местного самоуправления (подп. 3 п. 2 ст. 78 БК РФ).

Уклоняясь от подписания соглашений о предоставлении субсидий, администрация района нарушила положения нормативного акта (Порядка) и создала ситуацию, при которой финансовый орган муниципального образования имел формальные основания не выплачивать субсидии.

В п. 16 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 июня 2006 г. № 23 “О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации” разъяснено, что в тех случаях, когда публично-правовое образование в правовых актах, принимаемых во исполнение законов, установивших льготы, предусматривает последующую компенсацию не полученной от потребителей платы, неисполнение этой обязанности по компенсации влечет возникновение убытков у лица, реализовавшего товары (выполнившего работы, оказавшего услуги) по льготным ценам или без получения платы от потребителя. Такие споры являются спорами о возмещении убытков, обусловленных избранным способом реализации льгот, предусматривающим последующую компенсацию организациям неполученной платы.

Применение гражданско-правовой ответственности в форме возмещения убытков, в том числе к публично-правовым образованиям, требует в силу ст.ст. 15, 16 и 1069 ГК РФ совокупности следующих условий: противоправности действий (бездействия) причинителя убытков, причинной связи между противоправными действиями (бездействием) и убытками, и подтверждения размера понесенных убытков.

Отказом от компенсации затрат лиц, фактически оказавших услуги в соответствии с установленными правилами, по основанию отсутствия в бюджете денежных средств на эти цели муниципальное образование нарушает принятые на себя обязательства, не следует принципу доверия к действиям публично-правового образования как участника бюджетных отношений и как лица, ответственного за осуществление мероприятий по охране окружающей среды и санитарно-эпидемиологическому благополучию населения.

Суд апелляционной инстанции, считая обоснованным отказ в компенсации затрат истцом, сослался на Порядок, который предусматривает их непредоставление при отсутствии средств в бюджете на эти цели. Такой вывод суда апелляционной инстанции противоречит ст. 35 Конституции Российской Федерации, правовой позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 16 июля 2018 г. № 32-П, сложившейся судебной практике рассмотрения дел о взыскании субсидий для компенсации неполученных доходов при отсутствии в соответствующем бюджете денежных средств на эти цели. Так, согласно разъяснениям, содержащимся в п. 16 вышеуказанного постановления Пленума, публично-правовое образование

может предотвратить возникновение у указанных организаций соответствующих убытков путем отмены или приостановления действия норм о тех или иных льготах, финансирование которых им не предполагается. Не предусматривая механизма (порядка) возмещения организациям недополученных доходов от предоставления населению услуг по сбору и транспортировке отходов в ситуации, когда в соответствующем бюджете недостаточно средств, муниципальное образование фактически допускает возможность несения истцами этих расходов полностью или частично за свой счет, что вступает в противоречие с конституционными гарантиями свободы экономической деятельности, права частной собственности.

В постановлениях суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа содержится вывод о том, что сбор и вывоз отходов не является регулируемой деятельностью; тариф, установленный для муниципальных предприятий, является рекомендуемым и не обязывает коммерческие организации производить с гражданами расчеты исходя из тарифа в размере 100 руб. По мнению судов, истцы, не установив экономически обоснованную цену в отношениях с собственниками частных домов, самостоятельно несут риск предпринимательской деятельности. Этот вывод судов основан на ошибочном толковании норм о свободе договора.

С 1 января 2016 г. собственник жилого дома или части жилого дома согласно ч. 5 ст. 30 ЖК РФ обязан обеспечивать обращение с твердыми коммунальными отходами путем заключения договора с региональным оператором по обращению с твердыми коммунальными отходами. Под обращением с твердыми коммунальными отходами для целей указанного Кодекса и иных актов жилищного законодательства понимаются транспортирование, обезвреживание, захоронение твердых коммунальных отходов.

Единый тариф на услуги регионального оператора, являющийся регулируемым в соответствии с Федеральным законом от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ “Об отходах производства и потребления”, утвержден для муниципального образования решением региональной службы по тарифам с 2019 года. До этого муниципальное образование устанавливало тарифы на услуги по вывозу ТБО от жилых домов на основании решения законодательного органа муниципального образования. Установление различных тарифов для одной группы населения — собственников жилых домов — в зависимости от того, кем оказываются такие услуги (муниципальными предприятиями или организациями частной формы собственности), при отсутствии предусмотренных законодательством оснований и критериев таких различий противоречит ст. 19 Конституции Российской Федерации, публичным целям и задачам органов местного самоуправления, выражающимся в обеспечении равного доступа к этим услугам.

Напротив, исполняя указания муниципального образования в части единообразного применения тарифа по вывозу ТБО для населения, истцы не нарушили положений действующего законодательства и нормативных правовых актов муниципального образования.

Таким образом, основания, предусмотренные гражданским законодательством для возмещения убытков, в данном случае имелись и установлены судом первой инстанции.

Определение № 301-ЭС19-24650

Практика применения законодательства о защите конкуренции

21. Участие лица в рассмотрении дела о нарушении антимонопольного законодательства само по себе не является основанием для возмещения ему убытков в виде расходов на оплату услуг представителя.

По результатам внеплановой проверки, проведенной с целью выявления возможных нарушений антимонопольного законодательства при проведении аукционов на приобретение оборудования, в отношении учреждения и общества возбуждены дела о нарушении антимонопольного законодательства по признакам нарушения антимонопольных требований и запретов, установленных п. 3 ч. 4 ст. 11 и п. 1 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее — Закон № 135-ФЗ).

Комиссия антимонопольного органа признала учреждение и общество нарушившими п. 1 ч. 1 ст. 17 Закона № 135-ФЗ и вынесла соответствующее решение.

Арбитражные суды субъекта Российской Федерации решение комиссии антимонопольного органа признали незаконным.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о возмещении убытков за счет казны Российской Федерации, указывая в обоснование данного требования, что оно (общество) было вынуждено неоднократно направлять своего представителя для участия в заседании комиссии антимонопольного органа; таким образом, заявленная к взысканию сумма убытков представляет собой командировочные расходы представителя общества.

Решением суда первой инстанции заявленное требование удовлетворено.

Постановлением арбитражного апелляционного суда решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении требований отказано. Суд учел, что в рамках рассмотренного дела незаконным признано решение комиссии антимонопольного органа, а не действия по возбуждению и рассмотрению дела по признакам нарушения антимонопольного законодательства. В связи с этим совокупность условий, предусмотренных ст.ст. 15, 1069 ГК РФ и необходимых для возмещения вреда за счет государственной казны, отсутствует.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции, указав следующее.

На основании ст.ст. 16 и 1069 ГК РФ вред (убытки), причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Как неоднократно отмечалось в решениях Конституционного Суда РФ (Постановления от 15 июля 2020 г. № 36-П, от 3 июля 2019 г. № 26-П, Определение от 17 января 2012 г. № 149-О-О и другие), применение данных норм предполагает наличие как общих условий деликтной (т.е. вне-

договорной) ответственности (наличие вреда, противоправность действий его причинителя, наличие причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя), так и специальных условий такой ответственности, связанных с особенностями причинителя вреда и характера его действий.

В силу взаимосвязанных положений ст.ст. 22, 39, 44 Закона № 135-ФЗ предоставленный антимонопольным органам объем полномочий предполагает наличие у них соответствующей обязанности по проверке поступивших материалов (обращений, заявлений) на наличие признаков нарушения антимонопольного законодательства. При этом на стадии возбуждения дела не устанавливается наличие или отсутствие факта нарушения антимонопольного законодательства, а проверяется достаточность имеющихся признаков для возникновения подозрений в совершении нарушения.

Следовательно, тот факт, что законные действия по проведению антимонопольным органом проверки и рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства имели для соответствующего субъекта неблагоприятные имущественные последствия, не свидетельствует о противоправности поведения антимонопольного органа и не является достаточным основанием для возмещения им вреда.

В данном случае дело о нарушении антимонопольного законодательства возбуждено антимонопольным органом на законном основании, предусмотренном п. 1 ч. 2 ст. 38 Закона № 135-ФЗ, — в связи с поступлением из Управления Федеральной службы безопасности по субъекту Российской Федерации сведений о признаках нарушения антимонопольного законодательства. На наличие обстоятельств, исключающих возможность возбуждения дела о нарушении антимонопольного законодательства в соответствии с ч. 9 ст. 44 Закона № 135-ФЗ, общество не ссылалось, такие обстоятельства судами не установлены.

С учетом изложенного оснований для возмещения расходов на участие представителя общества в рассмотрении дела антимонопольным органом за счет казны Российской Федерации не имеется.

Определение № 308-ЭС19-28062

Практика применения законодательства о налогах и сборах

22. Применение п. 2 ст. 269 НК РФ как нормы, направленной на противодействие злоупотреблению правом, предполагает необходимость достоверного (содержательного) установления фактов хозяйственной деятельности, которые образуют основания для отнесения задолженности налогоплательщика по долговым обязательствам к контролируемой задолженности перед соответствующим иностранным лицом.

Между обществом и налогоплательщиком заключен ряд договоров займа. Начисленные по данным договорам проценты были учтены обществом в полном объеме в составе внереализованных расходов при исчислении налога на прибыль организаций.

В ходе налоговой проверки установлено, что налогоплательщик и общество являются взаимозависимыми лицами, поскольку их учредителем является организация, единственным участником которой, в свою очередь, является иностранное юридическое лицо.

Учитывая изложенное, налоговый орган пришел к выводу о наличии оснований для применения п. 2 ст. 269 НК РФ, в связи с чем исключил

начисленные по спорным займам проценты из состава расходов налогоплательщика, учитываемых для целей налогообложения, что повлекло начисление недоимки, пени и штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного требования отказано.

Суды согласились с позицией налогового органа и сочли, что в рассматриваемой ситуации в результате включения процентов по займам в расходы по налогу на прибыль организаций имела место недопустимая минимизация налогообложения.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, отметив следующее.

Согласно п. 2 ст. 269 НК РФ при наличии у налогоплательщика — российской организации непогашенной задолженности по долговому обязательству перед иностранной организацией, прямо или косвенно владеющей более чем 20% уставного (складочного) капитала (фонда) этой российской организации, либо по долговому обязательству перед российской организацией, признаваемой в соответствии с законодательством Российской Федерации аффилированным лицом указанной иностранной организации, а также по долговому обязательству, в отношении которого такое аффилированное лицо и (или) непосредственно эта иностранная организация выступают поручителем, гарантом или иным образом обязуются обеспечить исполнение долгового обязательства российской организации, такая задолженность в целях обложения налогом на прибыль организаций признается контролируемой задолженностью перед иностранной организацией.

По такой задолженности налогоплательщик обязан на последнее число каждого отчетного (налогового) периода исчислять предельную величину признаваемых расходом процентов по контролируемой задолженности путем деления суммы процентов, начисленных налогоплательщиком в каждом отчетном (налоговом) периоде по контролируемой задолженности, на коэффициент капитализации, рассчитываемый на последнюю отчетную дату соответствующего отчетного (налогового) периода.

В силу абз. 1 п. 3 ст. 269 НК РФ в состав расходов при исчислении налога на прибыль российской организации включаются проценты по контролируемой задолженности, рассчитанные в соответствии с п. 2 ст. 269 НК РФ, но не более фактически начисленных процентов.

Приведенные положения ст. 269 НК РФ по своей природе являющиеся специальными нормами, направленными на противодействие злоупотреблениям в налоговых правоотношениях, т.е. они определяют порядок обложения налогом на прибыль организаций в случаях, содержащих признаки возможного злоупотребления своим положением со стороны налогоплательщика.

Воля законодателя в данном случае состоит не в ограничении возможности вычета процентов при исчислении налога на прибыль организаций в связи с самим фактом выбора налогоплательщиком определенного способа привлечения финансирования (использование заемных средств), а в исключении возможности вывода прибыли из-под налогообложения в иностранные юрис-

дикции в результате манипулирования способами привлечения капитала, а именно — в ситуациях, когда источником происхождения финансирования выступает иностранная организация, доминирующая в различных формах в деятельности российской организации — заемщика, и капитализация российской организации — заемщика признается недостаточной для привлечения долгового финансирования, т.е. получение денежных средств в долг в отсутствие особых отношений между названными лицами оказалось бы невозможным. Ограничение вычета процентов в упомянутом случае, по существу, вводится для приведения облагаемой в Российской Федерации прибыли к уровню, который имел бы место в отсутствие злоупотребления правом.

Таким образом, установление в ходе налоговой проверки того факта, что заем предоставлен российской организации иностранной организацией, удовлетворяющей указанным в п. 2 ст. 269 НК РФ условиям (иными лицами, на решения которых о предоставлении займов налогоплательщику иностранная организация могла оказывать влияние, в частности, в силу аффилированности), а также факта недостаточности капитализации российской организации — заемщика на дату окончания соответствующего отчетного (налогового) периода освобождает налоговый орган от необходимости доказывания иных обстоятельств, касающихся наличия злоупотребления правом, и по общему правилу признается достаточным для ограничения вычета процентов при исчислении налога на прибыль.

В то же время природа п. 2 ст. 269 НК РФ как нормы, направленной на противодействие злоупотреблению правом, предполагает необходимость достоверного (содержательного) установления фактов хозяйственной деятельности, которые образуют основания для отнесения задолженности налогоплательщика по долговым обязательствам к контролируемой задолженности перед соответствующим иностранным лицом. Иной подход к толкованию и применению указанной нормы не отвечал бы таким основным началам законодательства о налогах и сборах, как равенство и экономическая обоснованность налогообложения (пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ), поскольку может приводить к невозможности учета экономически оправданных расходов (процентов по долговым обязательствам) российскими организациями в связи с самим фактом наличия иностранного элемента в корпоративной структуре налогоплательщика, а не наличием вышеуказанных рисков злоупотребления правом и наступления потерь бюджета.

Общество, признавая формальное соответствие “правилам недостаточной капитализации” спорных договоров займа, одновременно настаивало на отсутствии возможности возникновения злоупотребления правом в данной конкретной ситуации, указывая, что с точки зрения действительного содержания сложившихся отношений в рассматриваемом случае имеет место лишь возникновение долговых обязательств между двумя российскими организациями.

Налогоплательщик отмечал, что иностранная организация не осуществляла прямые инвестиции в деятельность российских организаций (общества и налогоплательщика), не предоставляла им займы, не являлась получателем займов (процентов), а финансирование предоставлено налогоплательщику из свободных средств общества, использование которых позволило сократить расходы на привлечение кредитных средств для

налогоплательщика. Полученные по договорам займа денежные средства были использованы им для целей осуществления капитальных вложений, а именно — для строительства и приобретения объектов основных средств (торговых помещений, распределительных центров, объектов транспортной инфраструктуры), без которых невозможно осуществление основного вида деятельности налогоплательщика.

В свою очередь, налоговым органом приводились доводы о недостаточности капитализации заемщика, о длительном неосуществлении возврата займов и выплаты процентов в связи с продлением сроков действия договоров, что могло иметь значение для определения подлинного экономического содержания операций по предоставлению финансирования налогоплательщику и требовало оценки разумности поведения налогоплательщика при продлении сроков возврата займов.

Налогоплательщик приводил доводы о том, что общество задекларировало доходы в виде процентов, начисленных к получению по спорным договорам займа в качестве внереализационных доходов, облагаемых налогом на прибыль, и исполнило обязанность по уплате налога в бюджет в полном объеме. При этом обстоятельства, которые позволяли бы утверждать, что предоставление процентных займов в рассматриваемой ситуации обусловлено не целями делового характера, а намерением перераспределить налоговую нагрузку между обществом и налогоплательщиком (например, в случае, если деятельность займодавателя является убыточной и фактически налог на прибыль данным лицом в бюджет не уплачивается или уплачивается в несопоставимо меньшем размере в сравнении с размером налоговой обязанности общества), судами не установлены.

При этом судами установлено, что в 2014—2016 годы учредитель обладал долей 95,65% в уставном капитале налогоплательщика, что имело значение для определения оснований применения налоговой ставки 0%, предусмотренной подп. 1 п. 3 ст. 284 НК РФ (в ред. Федерального закона от 27 декабря 2009 г. № 368-ФЗ), в случае выплаты дивидендов учредителю вместо выплаты процентов обществу. Соответственно, это может учитываться при оценке обоснованности налоговой выгоды, полученной налогоплательщиком в результате отказа от выбора корпоративной формы получения финансирования.

Вышеуказанные обстоятельства и доводы налогоплательщика и налогового органа судами по существу не проверены, результаты их оценки в состоявшихся по делу судебных актах не приведены, что привело к отмене указанных судебных актов и направлению дела на новое рассмотрение.

Определение № 309-ЭС20-7376

23. При оценке допустимости возмещения налогоплательщику убытков в виде расходов, понесенных при обжаловании решения налоговой инспекции в вышестоящий налоговый орган, имеет значение, имело ли место со стороны налоговой инспекции невыполнение публичных обязанностей при проведении мероприятий налогового контроля и при вынесении обжалованного решения.

По результатам налоговой проверки налоговым органом принято решение о привлечении общества к ответственности за совершение налогового правонарушения, обществу предложено уплатить налог на имущество организаций, налог на прибыль и НДС, а также штрафные санкции и пени.

В целях подготовки апелляционной жалобы на решение налогового органа общество заключило договор с организацией на оказание юридических услуг по указанному вопросу, которые были полностью оплачены.

По результатам рассмотрения вышестоящим налоговым органом апелляционной жалобы решение налогового органа отменено в части, суммы доначислений значительно снижены.

Полагая понесенные расходы на оплату услуг организации своими убытками, общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об их возмещении.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Суды исходили из положений ст.ст. 15, 16, 1069 ГК РФ и пришли к выводу об отсутствии совокупности условий, необходимых и достаточных для возмещения убытков.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, учитывая следующее.

В силу ст.ст. 16 и 1069 ГК РФ вред (убытки), причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

Согласно п. 1 ст. 35 НК РФ налоговые и таможенные органы несут ответственность за убытки, причиненные налогоплательщикам, плательщикам сборов, плательщикам страховых взносов и налоговым агентам вследствие своих неправомерных действий (решений) или бездействия, а равно неправомерных действий (решений) или бездействия должностных лиц и других работников указанных органов при исполнении ими служебных обязанностей.

Применение данных норм предполагает наличие как общих условий деликтной (т.е. внедоговорной) ответственности (наличие вреда, противоправность действий его причинителя, существование причинной связи между вредом и противоправными действиями, вины причинителя), так и специальных условий такой ответственности, связанных с особенностями причинителя вреда и характера его действий.

Таким образом, расходы, понесенные налогоплательщиком в связи со сбором доказательств для опровержения утверждений о совершении им налогового правонарушения, а также издержки на оплату юридической или иной экспертной помощи в целях формирования правовой позиции являются обычными расходами, которые несет налогоплательщик как субъект экономической деятельности. Данная деятельность должна осуществляться в границах установленного правового регулирования, а это предполагает необходимость оценки ее субъектами соответствия требованиям закона как принимаемых ими решений, так и требований, предъявляемых иными участниками гражданского оборота и государственными органами.

Тот факт, что законное проведение мероприятий налогового контроля и выражение при этом

оценки законности действий налогоплательщика имело для налогоплательщика неблагоприятные имущественные последствия, о противоправности поведения налогового органа не свидетельствует и достаточных оснований для возмещения вреда не образует. Иное означало бы, что по правилам возмещения вреда возмещаются расходы за сам факт участия налогоплательщика в предписанных Налоговым кодексом РФ административных процедурах.

Следовательно, отмена решения налогового органа вышестоящим налоговым органом сама по себе не означает, что имеются все перечисленные выше условия деликтной ответственности. При разграничении оценки полноты и правильности исполнения налоговой обязанности налогоплательщиком, правомерно данной налоговым органом в пределах его полномочий, и неправомерного причинения вреда вследствие издания налоговым органом правового акта по результатам налоговой проверки значение имеет не правильность (ошибочность) начисления недоимки как таковая, а иные обстоятельства (имело ли место со стороны налогового органа невыполнение публичных обязанностей, приведшее к тому, что налогоплательщик в рамках реализации права на обжалование решения налогового органа был вынужден нести дополнительные (чрезмерные) расходы, направленные, по сути, на исправление нарушений и ставших причиной неправомерного доначисления соответствующих сумм налоговых платежей).

При этом на основании п. 2 ст. 15 ГК РФ и с учетом разъяснений, данных в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 “О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации”, размер подлежащего выплате возмещения может быть уменьшен судом, если налоговым органом будет доказано или из обстоятельств дела следует с очевидностью, что величина заявленных расходов превышает разумный уровень затрат, которые было необходимо понести налогоплательщику для обеспечения своей защиты.

Суды не дали оценки законности действий налогового органа и поведению налогоплательщика на стадии принятия решения и не установили, являлось доначисление налогов результатом выражения оценки законности действий налогоплательщика, данной налоговым органом в пределах имевшихся у него полномочий, либо игнорирования налоговым органом положений Налогового кодекса РФ и (или) возражений налогоплательщика, представленных на акт налоговой проверки, доказательств налогоплательщика, других подобных грубых нарушений, с безусловностью повлиявших на результаты налоговой проверки.

Определение № 306-ЭС19-27836

24. Право на обращение налогоплательщика в суд с исковым заявлением о возврате из бюджета излишне взысканных налогов, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов не обусловлено необходимостью соблюдения досудебного порядка урегулирования вопроса об их возврате.

Суд апелляционной инстанции не вправе отменять законное и обоснованное решение суда и оставлять исковое заявление без рассмотрения исключительно в целях соблюдения досудебного порядка урегулирования спора.

Суд кассационной инстанции, рассматривая кассационную жалобу, не вправе ухудшать положение заявителя по сравнению с обжалуемым судебным актом.

Индивидуальный предприниматель (далее — предприниматель) обратился в арбитражный суд с заявлением к налоговому органу о взыскании излишне уплаченных страховых взносов, а также судебных расходов.

Решением арбитражного суда первой инстанции заявленные требования удовлетворены. Суд исходил из того, что предприниматель, применявшая упрощенную систему налогообложения с объектом налогообложения “доходы, уменьшенные на величину расходов”, правомерно при исчислении и уплате страховых взносов учла понесенные расходы.

Постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, исковое заявление предпринимателя оставлено без рассмотрения.

Руководствуясь ст.ст. 21, 32, 79 НК РФ, учитывая разъяснения, изложенные в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 18 “О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства”, п. 33 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 57 “О некоторых вопросах, возникающих при применении арбитражными судами части первой Налогового кодекса Российской Федерации”, суд пришел к выводу, что с учетом правового регулирования возврата излишне взысканного налога, действующего с 1 января 2018 г., обращение налогоплательщика в суд с иском о возврате или зачете излишне взысканных сумм налогов, пеней, штрафа возможно только в случае отказа налогового органа в удовлетворении упомянутого заявления либо неполучения налогоплательщиком ответа в установленный законом срок. Поскольку до обращения в суд с исковым заявлением предприниматель не направляла в налоговый орган заявление о возврате излишне взысканных страховых взносов и не получила отказ в их возврате, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о несоблюдении предпринимателем досудебного порядка урегулирования спора, в связи с чем отменил решение суда первой инстанции и на основании ст. 148 АПК РФ оставил исковое заявление предпринимателя без рассмотрения.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции в части оставления искового заявления предпринимателя без рассмотрения отменено, в удовлетворении требований в указанной части предпринимателю отказано, в остальной части постановление суда апелляционной инстанции оставлено без изменения. При этом суд сослался на отсутствие у предпринимателя нарушенного права, подлежащего судебной защите, так как право на предъявление требований о возврате излишне взысканных налогов в порядке искового производства может возникнуть у налогоплательщика не ранее исчерпания им всех возможностей возвратить указанные суммы в административном порядке, установленном в ст. 79 НК РФ.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции, обратив внимание на следующее.

Статья 79 НК РФ регламентирует административный порядок возврата из бюджета сумм излишне взысканных налогов, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов, а не порядок обращения в суд.

Согласно п. 3 ст. 79 НК РФ в ее новой редакции заявление о возврате суммы излишне взы-

сканного налога может быть подано налогоплательщиком в налоговый орган в течение трех лет со дня, когда налогоплательщику стало известно о факте излишнего взыскания с него налога.

В то же время исключение из п. 3 ст. 79 НК РФ указания на возможность непосредственного обращения налогоплательщика в суд с иском заявлением о возврате из бюджета сумм излишне взысканных налогов, сборов, страховых взносов, пеней и штрафов само по себе не исключает права налогоплательщика на обращение в суд с имущественным требованием о возврате из бюджета излишне взысканных сумм.

При этом в новой редакции статьи отсутствует указание о возможности обращения налогоплательщика в суд с иском заявлением о возврате излишне взысканных сумм только при условии соблюдения досудебного порядка урегулирования вопроса об их возврате. Не установлен такой порядок и иным федеральным законом.

В связи с изложенным подача заявления о возврате излишне взысканных платежей в налоговый орган до обращения в суд является правом налогоплательщика, но не его обязанностью.

Кроме того, суды не учли, что спор в суде первой инстанции был разрешен в пользу налогоплательщика правильно, а позиция налогового органа при рассмотрении дела не позволяла рассчитывать на то, что обращение налогоплательщика в налоговый орган после принятия постановления апелляционной инстанции с заявлением о возврате излишне взысканных сумм будет удовлетворено. Это породило бы новый виток судебных разбирательств и нарушения принципов правовой определенности и рассмотрения дела в разумный срок.

Согласно практике Европейского Суда по правам человека требование правовой определенности предполагает, что судебные решения по общему правилу должны оставаться окончательными. Правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, т.е. принципа недопустимости повторного рассмотрения уже разрешенного дела (постановление от 28 октября 1999 г. по делу “Брумареску против Румынии”). Отступление от принципа правовой определенности может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера. Оно возможно для исправления существенного (фундаментального) нарушения, свидетелем которого о ненадлежащем отправлении правосудия. Прекращение судами производства по делу в связи с неподведомственностью недопустимо в тех случаях, когда суды, формально соблюдая процессуальное законодательство, могут создать своим актом такие правовые последствия для участников процесса, которые будут иметь для них значительный негативный эффект, приведут к возникновению объективных сложностей в реализации права на справедливое судебное разбирательство, сделают его чрезмерно длительным или невозможным. При этом формальное обеспечение требований подведомственности не может быть единственной целью отмены судебных актов в ущерб материальным интересам сторон по существу спора (постановления от 18 ноября 2004 г. по делу “Праведная против Российской Федерации”, от 23 июля 2009 г. по делу “Сутяжник против Российской Федерации”).

И хотя эти правовые позиции относятся к вопросу о надлежащей компетенции судов, они в полной мере применимы и к вопросу о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора. С учетом конкретных обстоятельств дела суд апелляционной инстанции не должен был отме-

нять решение суда первой инстанции и оставлять исковое заявление предпринимателя без рассмотрения исключительно в целях соблюдения правила о соблюдении досудебного порядка урегулирования спора, а не для устранения существенной судебной ошибки.

Следовательно, оставление заявления без рассмотрения по причине несоблюдения досудебного порядка урегулирования спора не способствует установлению правовой определенности в спорных правоотношениях в разумные сроки, а значит, не обеспечивает право на суд, что свидетельствует о нарушении п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также ст. 46 Конституции Российской Федерации.

Кроме того, рассматривая кассационную жалобу на постановление суда апелляционной инстанции и принимая по результатам ее рассмотрения постановление об отказе в удовлетворении заявленных требований при отсутствии соответствующей кассационной жалобы налогового органа, суд кассационной инстанции ухудшил положение предпринимателя по сравнению с постановлением суда апелляционной инстанции, оставившим заявление предпринимателя без рассмотрения. Тем самым суд кассационной инстанции принял на себя функцию представления интересов налогового органа как стороны по делу, что не вправе был делать.

Определение № 301-ЭС20-5798

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

25. Срок давности привлечения к административной ответственности за нарушение требования, предусмотренного п. 7 ч. 1 ст. 28 Федерального закона “О защите конкуренции”, выразившееся в непредставлении ходатайства в антимонопольный орган о получении согласия на совершение сделки, исчисляется с момента осуществления такой сделки.

Общество приобрело у организации товарные знаки, права по администрированию доменного имени job.ru, а также исключительные права на базу данных работодателей и базу данных соискателей. При этом общество сочло, что балансовая стоимость приобретаемых нематериальных активов составляла менее 20% от балансовой стоимости всех нематериальных активов и основных производственных средств организации, и, соответственно, установленный п. 7 ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ “О защите конкуренции” (далее — Закон № 135-ФЗ) порог не был превышен, вследствие чего сделки совершены и исполнены без получения предварительного согласия антимонопольного органа.

Антимонопольный орган, получив информацию о данных сделках и об их исполнении, пришел к выводу, что общество обязано было получить предварительное согласие, вследствие чего в отношении общества вынесено постановление о привлечении к административной ответственности по ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ.

Не согласившись с указанным постановлением антимонопольного органа, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Суды исходили из данных бухгалтерского учета участников сделок и пришли к выводу, что по-

рог, установленный в п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона № 135-ФЗ, не был превышен. Кроме того, по мнению судов, антимонопольным органом пропущен срок давности привлечения к административной ответственности, составляющий в силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ один год со дня совершения административного правонарушения. Суды сочли, что моментом совершения административного правонарушения следует считать дату заключения договоров между обществом и организацией.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила принятые судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, указав следующее.

Согласно ч. 3 ст. 19.8 КоАП РФ непредставление в федеральный антимонопольный орган, его территориальный орган ходатайств, предусмотренных антимонопольным законодательством Российской Федерации, представление ходатайств, содержащих заведомо недостоверные сведения, а равно нарушение установленных антимонопольным законодательством Российской Федерации порядка и сроков подачи ходатайств влечет привлечение к административной ответственности в виде административного штрафа.

Пунктом 7 ч. 1 ст. 28 Закона № 135-ФЗ установлено, что в случае, если суммарная стоимость активов по последним балансам лица, приобретающего акции (доли), права и (или) имущество, и его группы лиц, лица, являющегося объектом экономической концентрации, и его группы лиц превышает семь миллиардов рублей или если их суммарная выручка от реализации товаров за последний календарный год превышает десять миллиардов рублей и при этом суммарная стоимость активов по последнему балансу лица, являющегося объектом экономической концентрации, и его группы лиц превышает четыреста миллионов рублей, с предварительного согласия антимонопольного органа осуществляются следующие сделки с акциями (долями), правами и (или) имуществом: получение в собственность, пользование или во владение хозяйствующим субъектом (группой лиц) находящихся на территории Российской Федерации основных производственных средств (за исключением земельных участков и не имеющих промышленного назначения зданий, строений, сооружений, помещений и частей помещений, объектов незавершенного строительства) и (или) нематериальных активов другого хозяйствующего субъекта (за исключением финансовой организации), если балансовая стоимость имущества, составляющего предмет сделки или взаимосвязанных сделок, превышает 20% балансовой стоимости основных производственных средств и нематериальных активов хозяйствующего субъекта, осуществляющего отчуждение или передачу имущества.

Приведенное положение Закона № 135-ФЗ предусматривает обязанность получения предварительного согласия антимонопольного органа при осуществлении определенных сделок. С учетом данной терминологии, отличной от применяемой в главе 9 ГК РФ, на момент подписания обществом актов приема-передачи общество осуществляло сделки и при условии их соответствия вышеуказанным критериям обязано было получить предварительное согласие антимонопольного органа. С учетом изложенного исчислять срок давности необходимо с момента осуществления сделки.

Кроме того, для целей п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона № 135-ФЗ оценка стоимости активов по бухгалтерским балансам предполагает учет положений ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 6 декабря 2011 г.

№ 402-ФЗ “О бухгалтерском учете”, в силу которых бухгалтерская (финансовая) отчетность должна давать достоверное представление о финансовом положении экономического субъекта на отчетную дату, финансовом результате его деятельности и движении денежных средств за отчетный период. Соответственно, показатели бухгалтерского учета (отчетности), предусмотренные в п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона № 135-ФЗ, должны быть достоверными и, в частности, давать объективное (достоверное) представление о финансовом положении экономических субъектов.

Как следует из п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 октября 2006 г. № 53 “Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды”, исходя из презумпции добросовестности налогоплательщика предполагается, что сведения, содержащиеся в бухгалтерской отчетности контролируемого субъекта достоверны, но антимонопольным органом может быть доказано, что данные сведения неполны, недостоверны и (или) противоречивы.

Антимонопольным органом в апелляционной жалобе приводились доводы относительно того, что перечень и балансовая стоимость активов, которые были приобретены обществом, определены антимонопольным органом верно, вследствие чего установленный п. 7 ч. 1 ст. 28 Закона № 135-ФЗ порог был превышен. Однако в постановлении апелляционного суда данные доводы фактически не получили оценки, суд ограничился выводом о пропуске срока давности. Арбитражный суд округа указанные нарушения не устранил, что противоречит требованиям ст. 286 АПК РФ.

Определение № 305-ЭС20-4034

26. Если условия договора участия в долевом строительстве ограничивают права участников долевого строительства, гарантированные им Законом РФ “О защите прав потребителей”, то такие условия образуют состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ.

Общество в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ “Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации” (далее — Закон № 214-ФЗ) заключило с физическими лицами договоры участия в долевом строительстве дома.

Установив, что в указанные договоры обществом были включены условия, ущемляющие права потребителя, предусмотренные законодательством о защите прав потребителей, административный орган вынес два постановления о привлечении общества к административной ответственности по ч. 2 ст. 14.8 КоАП РФ с назначением наказания в виде предупреждения по каждому постановлению. Также обществу выданы два представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения.

По мнению административного органа, в указанные договоры участия в долевом строительстве дома обществом были включены следующие условия, ущемляющие права потребителя:

— гарантийный срок для объекта, за исключением технологического и инженерного оборудования, входящего в состав объекта, составляет 5 (пять) лет и начинается исчисляться со дня сдачи многоквартирного дома в эксплуатацию (п. 6.2);

— в случае, если объект построен с недостатками, которые делают его непригодным для пре-

дусмотренного договором использования, то участник вправе потребовать от застройщика безвозмездного устранения недостатков в разумный срок (п. 6.3).

Не согласившись с указанными постановлениями и представлениями административного органа, общество оспорило их в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования общества удовлетворены.

По мнению судов, законодателем отдан приоритет специальным нормам, регулирующим отношения в области долевого строительства, и нормы Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 “О защите прав потребителей” (далее — Закон № 2300-1) применяются только в том случае, если в какой-либо части правоотношения сторон по договору участия в долевом строительстве не урегулированы Законом № 214-ФЗ.

В соответствии с ч. 5 ст. 7 Закона № 214-ФЗ гарантийный срок для объекта долевого строительства, за исключением технологического и инженерного оборудования, входящего в состав такого объекта долевого строительства, устанавливается договором и не может составлять менее чем пять лет. Указанный гарантийный срок исчисляется со дня передачи объекта долевого строительства, за исключением технологического и инженерного оборудования, входящего в состав такого объекта долевого строительства, участнику долевого строительства, если иное не предусмотрено договором.

Согласно ч. 2 ст. 7 Закона № 214-ФЗ в случае если объект долевого строительства построен (создан) застройщиком с отступлениями от условий договора и (или) указанных в ч. 1 ст. 7 этого Закона обязательных требований, которые привели к ухудшению качества такого объекта, или с иными недостатками, делающими его непригодным для предусмотренного договором использования, участник долевого строительства, если иное не установлено договором, по своему выбору вправе потребовать от застройщика: безвозмездного устранения недостатков в разумный срок; соразмерного уменьшения цены договора; возмещения своих расходов на устранение недостатков.

На основании изложенного суды пришли к выводу, что положения чч. 2 и 5 ст. 7 Закона № 214-ФЗ носят диспозитивный характер и предполагают в том числе указание иных условий, определяющих действия сторон в случае строительства застройщиком объекта с отступлением от условий договора, а также позволяют сторонам в договоре предусмотреть иной порядок исчисления гарантийного срока, что не нарушает права потребителя.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и отказала обществу в удовлетворении его требований в связи со следующим.

Условие п. 6.2 договора фактически уменьшает гарантийный срок, в течение которого потребитель имеет право предъявлять застройщику требования в связи с ненадлежащим качеством объекта долевого строительства, а именно — на период со дня ввода объекта долевого строительства в эксплуатацию до дня передачи объекта долевого строительства участнику долевого строительства, а условие п. 6.3 договора предусматривает единственный способ восстановления нарушенных прав потребителя — участника долевого строительства в случае, если объект долевого строительства построен с отступлением от условий заключенного

договора, которое привело к ухудшению качества такого объекта.

Таким образом, указанные условия договоров ограничивают права потребителя, гарантированные ему Законом № 2300-1, и, соответственно, ущемляют права потребителя — участника долевого строительства.

Диспозитивный характер положений чч. 2 и 5 ст. 7 Закона № 214-ФЗ, на который сослались суды, допускающий указание в договоре участия в долевом строительстве иных условий, определяющих действия сторон в упомянутых случаях, ограничен Законом № 2300-1, гарантирующим потребителям определенный объем их прав. Право на установление иных условий договора не может рассматриваться как основание к ограничению предусмотренных законом прав потребителя. Диспозитивность специальных норм, регулирующих отношения в области долевого строительства, направлена, прежде всего, на защиту более слабой стороны отношений в строительстве, в частности физического лица — участника долевого строительства, и может применяться в этих целях, устанавливая для указанных лиц больший объем прав, чем предусмотрено законодательством о защите прав потребителей, улучшая тем самым положение потребителя, а не ухудшая его.

Определение № 307-ЭС19-24320

27. Срок давности привлечения к административной ответственности по ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ исчисляется с момента дополнительного расходования денежных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Между учреждением и обществом был заключен государственный контракт на выполнение работ по текущему ремонту здания для нужд заказчика, условия которого о стоимости выполняемых работ стороны контракта изменили, подписав дополнительное соглашение к контракту.

Антимонопольный орган пришел к выводу, что действия общества по заключению дополнительного соглашения к контракту привели к дополнительному расходованию средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, и привлек общество к административной ответственности, предусмотренной ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ.

Не согласившись с указанным постановлением антимонопольного органа, общество оспорило его в арбитражном суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Суды согласились с выводом антимонопольного органа о том, что изменение условий контракта в нарушение требований подп. “б” п. 1 ч. 1 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд” привело к дополнительному расходованию денежных средств бюджета Российской Федерации, и определили наличие в действиях общества состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ.

Вместе с тем суды признали незаконным и отменили оспариваемое постановление антимонопольного органа с учетом того, что годичный срок давности привлечения к административной ответственности за совершение вмененного правонарушения в силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ истек на момент вынесения антимонопольным органом указанного

постановления. При этом суды исходили из того, что срок давности привлечения к административной ответственности подлежит исчислению с даты заключения дополнительного соглашения к контракту — момента изменения условий контракта.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

Частью 5 ст. 7.32 КоАП РФ (в действующей в спорный период редакции) установлена административная ответственность за изменение условий контракта, в том числе за увеличение цен товаров, работ, услуг, если возможность изменения условий контракта не предусмотрена законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок и такое изменение привело к дополнительному расходованию средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации или уменьшению количества поставляемых товаров, объема выполняемых работ, оказываемых услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

В силу ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении за нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (в том числе в части административных правонарушений, предусмотренных ст. 7.32 КоАП РФ) не может быть вынесено по истечении одного года со дня совершения административного правонарушения.

Исчисляя срок давности привлечения общества к административной ответственности с даты заключения дополнительного соглашения к контракту — момента изменения условий контракта, суды не учли, что исходя из диспозиции ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ на дату подписания дополнительного соглашения к контракту отсутствовал такой квалифицирующий признак объективной стороны противоправного деяния, как дополнительное расходование денежных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Следовательно, на дату подписания дополнительного соглашения к контракту отсутствовал состав административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ.

Таким образом, пока не произошло дополнительное расходования денежных средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации само по себе изменение условий контракта не образует объективную сторону правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 7.32 КоАП РФ.

Срок давности привлечения общества к административной ответственности за вмененное правонарушение подлежал исчислению с момента оплаты обществу работ по дополнительному соглашению к контракту и не истек на дату вынесения антимонопольным органом оспариваемого постановления.

Определение № 306-ЭС19-26558

Процессуальные вопросы

28. При рассмотрении спора с участием иностранного лица подлежит установлению юридический статус этого лица, определяемый по праву страны места его учреждения.

Между российским обществом (далее — заказчик) и немецким архитектурным бюро (далее — исполнитель) в лице владельца архитектурного

бюро был заключен договор, согласно которому исполнитель принял на себя обязательства по разработке дизайн-проекта интерьера гостиничного комплекса с торгово-офисными помещениями.

Договор содержал оговорку, в соответствии с которой в случае, если стороны не достигнут согласия, споры в установленном порядке передаются на рассмотрение в арбитражный суд.

В связи с невыполнением работ в установленный договором срок, заказчик обратился в арбитражный суд с иском о взыскании неосновательного обогащения в виде неотработанного аванса и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, производство по делу прекращено.

Суды, руководствуясь ст.ст. 150, 151 АПК РФ, указали, что архитектурное бюро ликвидировано в соответствии с законодательством Германии. Данный вывод был сделан на основании выписки из Центрального торгового реестра (из которой следует, что в Центральном торговом реестре данных на имя владельца архитектурного бюро нет), письма Архитектурной палаты Нижней Саксонии (в соответствии с которым владелец архитектурного бюро исключен из членов Архитектурной палаты Нижней Саксонии) и справки налогового консультанта (где указано, что владелец архитектурного бюро закрыл свой офис, в качестве архитектора больше не работает и согласно его заявлению в дальнейшем заниматься данной деятельностью не будет).

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила дело для рассмотрения по существу в суд первой инстанции в связи со следующим.

В соответствии с ч. 3 ст. 254 АПК РФ иностранные лица, участвующие в деле, должны представить в арбитражный суд доказательства, подтверждающие их юридический статус и право на осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 “О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом” (далее — постановление Пленума № 23), под юридическим статусом иностранного лица, участвующего в деле, следует понимать объем правоспособности и дееспособности иностранного лица, который определяется по его личному закону.

Юридический статус физического лица, занимающегося предпринимательской деятельностью без образования юридического лица в качестве индивидуального предпринимателя, определяется по праву страны, где такое физическое лицо зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя; если это правило не может быть применено ввиду отсутствия обязательной регистрации, то применяется право страны основного места осуществления предпринимательской деятельности (ст. 1201 ГК РФ).

Юридический статус иностранного юридического лица подтверждается, как правило, выпиской из официального торгового реестра страны происхождения. Юридический статус иностранных лиц может подтверждаться иными эквивалентными доказательствами юридического статуса, признаваемыми в качестве таковых законодательством страны учреждения, регистрации,

основного места осуществления предпринимательской деятельности, гражданства или места жительства иностранного лица.

Общество неоднократно заявляло, что архитектурное бюро не обладает статусом юридического лица по законодательству ФРГ, является частной практикой, а владелец архитектурного бюро — представителем так называемых свободных профессий (*freiberufler*).

Определение лица свободной профессии содержится в § 18 Закона ФРГ о подоходном налоге от 16 октября 1934 г. (*Einkommensteuergesetz vom 16. Oktober 1934* г.; в редакции от 12 августа 2020 г.): “К деятельности лиц свободной профессии относятся осуществляемая самостоятельно научная, художественная, литературная, образовательная или воспитательная деятельность, свободная занятость врачей, стоматологов, ветеринаров, юристов, нотариусов, патентных поверенных, инженеров-геодезистов, инженеров, архитекторов, коммерческих химиков, бухгалтеров, налоговых консультантов, консультирующих экономистов в сфере народного хозяйства и предпринимательства, аудиторов, налоговых консультантов, натуропатов, стоматологов, физиотерапевтов, журналистов, фоторепортеров, устных переводчиков, письменных переводчиков, пилотов и других подобных профессий”.

Кроме того, законодательство Германии предусматривает, что все предприниматели с данными своих компаний в соответствии с § 1, 2, 8 Торгового кодекса Германии вносятся в Торговый реестр Германии.

Между тем представители свободных профессий (*freiberufler*) не вносятся в Торговый реестр согласно Торговому кодексу Германии.

Лица свободных профессий могут оформлять осуществление своей деятельности несколькими способами, выбор между которыми обычно зависит от желания такого лица. В зависимости от осуществленного выбора регулируется необходимость регистрации объединения лиц свободных профессий и его ответственность перед третьими лицами.

Указанные лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью посредством создания частной практики, подлежат регистрации в налоговом органе, следовательно, статус такого лица может быть подтвержден документами, полученным от налогового органа.

Таким образом, выписка из Центрального торгового реестра ФРГ не может являться надлежащим официальным документом, подтверждающим факт ликвидации частной практики лица свободной профессии.

Кроме того, в письме Архитектурной палаты Нижней Саксонии и справке налогового консультанта владелец архитектурного бюро фигурирует в качестве свободного архитектора, что лишь подтверждает довод заявителя о невозможности установления юридического статуса ответчика на основании выписки из Торгового реестра.

Таким образом, Судебная коллегия приходит к выводу, в соответствии с которым суды не дали оценку указанному выше доводу заявителя, ограничили констатацией факта ликвидации ответчика на основании представленной им выписки из Торгового реестра и, вопреки требованиям ч. 3 ст. 254 АПК РФ и разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума № 23, не приняли достаточных мер для надлежащего установления юридического статуса ответчика.

Также необходимо отметить, что Архитектурная палата Нижней Саксонии не является компетентным органом, обладающим полномочиями

по подтверждению юридического статуса. Следовательно, письмо, представленное ответчиком, не является надлежащим доказательством по делу.

Письмо налогового консультанта, представленное ответчиком, также не может считаться официальным документом, подтверждающим изменение юридического статуса, поскольку налоговый консультант оказывает услуги в частном порядке.

Общество неоднократно приводило довод, в соответствии с которым владелец архитектурного бюро должен отвечать по обязательствам даже после прекращения деятельности архитектурного бюро, что, в свою очередь, свидетельствует о возможности рассмотрения дела при надлежащем уведомлении владельца архитектурного бюро. Данный довод не нашел отражения в судебных актах.

Между тем факт прекращения деятельности лица сам по себе не является основанием для неисполнения или автоматического прекращения обязательств такого лица, возникших в период его деятельности. В целях обеспечения баланса интересов участников экономических отношений законодательство и Российской Федерации, и ФРГ связывает правовые последствия прекращения деятельности субъектов с необходимостью соблюдения специальных юридических процедур и определения в рамках таких процедур судьбы возникших обязательств (процедуры ликвидации, банкротства, ответственности по обязательствам физического лица всем имуществом такого лица и т.п.).

Кроме того, по мнению общества, у судов отсутствовали основания для прекращения производства по делу, так как владелец архитектурного бюро был надлежащим образом уведомлен о подаче иска в компетентный суд, в судебном разбирательстве участвовал его представитель.

Однако указанный выше довод общества также не получил надлежащей оценки.

Определение № 305-ЭС20-5788

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Вопросы квалификации

29. Совершение лицом мошенничества при получении выплат с использованием своего служебного положения, являющимся квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 159² УК РФ, с учетом конкретных обстоятельств дела, незначительного размера материального ущерба, который был полностью возмещен на стадии предварительного следствия, не исключает возможность применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Ф. обвинялась в том, что, являясь заместителем главы администрации сельского поселения, внесла в справки о своих доходах и доходах супруга недостоверные сведения, а затем предоставила их в общеобразовательную школу для получения права на бесплатное питание своей дочери в школьной столовой. На основании этих справок ее дочери как ребенку из малообеспеченной семьи была необоснованно предоставлена мера социальной поддержки в виде освобождения от оплаты питания. Своими действиями Ф. причинила республиканскому бюджету в лице Минобразования России материальный ущерб в размере 10 066 руб.

По постановлению суда первой инстанции (оставленному судом кассационной инстанции без изменения) уголовное дело в отношении Ф., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159² УК РФ, прекращено на

основании п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ и подп. 1 п. 6 постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 апреля 2015 г. № 6576-6 ГД “Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов”.

Заместитель Генерального прокурора РФ в кассационном представлении поставил вопрос об отмене судебных решений и прекращении уголовного дела на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в действиях Ф. состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159² УК РФ. В обоснование своей позиции автор представления указал, что анализ обстоятельств преступления, которое совершила Ф., небольшой размер материального ущерба, отсутствие в материалах дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред государственным либо муниципальным интересам, не позволяют сделать вывод о том, что ее действия обладают признаками общественной опасности, которая позволила бы признать их преступлением.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление районного суда и кассационное определение, уголовное дело прекратила на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления ввиду его малозначительности и признала за Ф. в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию, мотивировав свое решение следующим.

Согласно ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законодательством, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности, т.е. не причинившее существенного вреда и не создавшее угрозу причинения такого вреда личности, обществу или государству.

В соответствии с п. 33 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 “О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате” если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Приведенный в судебных решениях анализ обстоятельств совершенного Ф. деяния, небольшой размер материального ущерба, причиненного республиканскому бюджету, и отсутствие в материалах уголовного дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред государственным либо муниципальным интересам, свидетельствуют об отсутствии в ее действиях признака общественной опасности, который позволял бы признать их преступлением.

Совершение Ф. мошенничества с использованием своего служебного положения, что является квалифицирующим признаком, предусмотренным ч. 3 ст. 159² УК РФ, без учета конкретных обстоятельств дела не может быть признано обстоятельством, препятствующим применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Суд кассационной инстанции, отказывая в применении положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, не привел аргументированные доводы о наличии существенного вреда в результате совершенного Ф. деяния, а также общественной опасности в ее действиях, позволяющей расценивать их как пре-

ступное деяние, либо о существенных последствиях, наступивших в результате преступления.

Судом также не дана надлежащая оценка факту полного возмещения причиненного Ф. ущерба еще на стадии предварительного следствия, что в совокупности с указанными выше обстоятельствами не позволяет признать обоснованными выводы суда кассационной инстанции о невозможности применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Определение № 15-УДП20-7-К1

30. Выращивание значительного количества растений, содержащих наркотические средства, получение крупных денежных сумм для налаживания процесса культивирования указанных растений свидетельствуют о направленности у лица умысла на их незаконный сбыт.

Установлено, что В., действуя в составе организованной группы и в соответствии с распределенными ролями, получив от осужденного Р. денежные средства, подыскал помещение, приобрел и осуществил монтаж специализированного оборудования, предназначенного для культивирования растений, содержащих наркотические средства. Затем В. купил семена конопли, высадил в заранее подготовленные емкости и осуществлял контроль за ростом растений. Впоследствии путем высушивания и измельчения указанных растений им были получены наркотическое средство каннабис (марихуана) массой 4,2 г и 20,6 г, а также части наркотикосодержащего растения конопли (растение рода *Cannabis*) массой 14,3 г.

Указанное наркотическое средство и части растений, содержащих наркотические средства, соучастники незаконно хранили с целью дальнейшего незаконного сбыта, однако не довели свой преступный умысел до конца по независящим от них обстоятельствам, так как В. был задержан, наркотическое средство и части растений, содержащих наркотическое средство, были изъяты сотрудниками полиции.

Действия В. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 30, п. “а” ч. 4 ст. 228¹ УК РФ как покушение на незаконный сбыт организованной группой наркотических средств в значительном размере, а также частей растений, содержащих наркотические средства, в значительном размере.

Осужденный В. в кассационной жалобе просил изменить приговор и переквалифицировать его действия на ч. 1 ст. 228 и п. “а” ч. 2 ст. 231 УК РФ, поскольку у него не было умысла на сбыт наркотических средств. Кроме того, он оспаривал квалификацию его действий как совершенных организованной группой.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения по следующим основаниям.

Выращивание В. значительного количества растений конопли (80 штук) и получение от Р. крупных денежных средств для налаживания процесса культивирования растений, содержащих наркотические средства, свидетельствуют о направленности умысла осужденного на осуществление сбыта наркотических средств.

При таких обстоятельствах культивирование наркотикосодержащих растений является составной частью объективной стороны реализации умысла на сбыт наркотических средств, что правильно обусловило квалификацию содеянного В. как покушения на сбыт наркотического средства.

Судебная коллегия не согласилась и с доводами осужденного В. о том, что его действия необоснованно признаны совершенными в составе организованной группы.

Об устойчивости группы свидетельствуют длительный период совместной преступной деятельности, значительное число совершенных преступлений, распределение ролей между участниками группы, соблюдение мер конспирации, тщательное планирование совершаемых преступлений и стремление к расширению преступной деятельности, в частности посредством вовлечения в группу В., занимающегося культивированием наркотикосодержащих растений.

Согласившись на культивирование конопли, осужденный В. знал, что выращенные им растения будут перерабатываться в наркотическое средство и сбываться потребителям с помощью других лиц. То обстоятельство, что В. не знал всех участников группы и конкретные участки их деятельности, не дает оснований не считать его членом группы.

Определение № 78-УД20-10-А2

Назначение наказания

31. Суд кассационной инстанции исключил из приговора указание о признании отягчающим наказание обстоятельством совершения преступления в отношении малолетнего, поскольку осужденный не предвидел и не мог предвидеть, что в автомобиле, с которым он совершил столкновение, находятся дети.

По приговору суда первой инстанции (с учетом изменений, внесенных судом апелляционной инстанции) З. осужден по п. “а” ч. 4 ст. 264 УК РФ (в ред. Федерального закона от 23 апреля 2019 г. № 65-ФЗ) к трем годам шести месяцам лишения свободы с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, сроком на три года.

Суд кассационной инстанции оставил приговор и апелляционное постановление без изменения.

Адвокат в защиту интересов осужденного в кассационной жалобе просил изменить приговор и исключить указание о признании обстоятельством, отягчающим наказание, совершение преступления в отношении малолетнего.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила судебные решения по следующим основаниям.

Согласно положениям ст. 307 УПК РФ описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать указание на обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, мотивы решения всех вопросов, относящихся к назначению уголовного наказания. Однако данное требование закона судом выполнено не в полной мере.

В качестве обстоятельства, отягчающего наказание осужденного, суд в приговоре на основании п. “з” ч. 1 ст. 63 УК РФ признал совершение им преступления в отношении малолетнего, при этом указал, что, нарушая правила дорожного движения, осужденный должен был понимать возможность причинения вреда здоровью неопределенного круга лиц — участников дорожного движения, в том числе находящихся в малолетнем возрасте, и в конечном итоге вред здоровью малолетних пассажиров автомобиля, с которым столкнулся автомобиль под управлением осужденного, был причинен.

Однако эти выводы не основаны как на положениях закона, так и на установленных судом фактических обстоятельствах дела, поскольку данных о том, что осужденный при совершении по неосторожности преступления осознавал, что совершает деяние именно в отношении малолетних, находившихся в транспортном средстве, на которое совершил наезд автомобиль под управлением З., мате-

риалы дела не содержат. Один лишь факт причинения вреда здоровью малолетних в результате дорожно-транспортного происшествия вследствие нарушения виновным требований правил дорожного движения без учета конкретных обстоятельств происшедшего не является достаточным основанием для признания совершения преступления в отношении малолетнего обстоятельством, отягчающим наказание, в соответствии с положениями п. “з” ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Допущенное нарушение закона не было устранено судами апелляционной и кассационной инстанций.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, апелляционное постановление, кассационное определение и исключила из описательно-мотивировочной части приговора указание о признании отягчающим наказание З. обстоятельством совершения им преступления в отношении малолетнего.

С учетом изменения приговора в этой части Судебная коллегия при определении размера наказания, наряду с положениями ч. 5 ст. 62 УК РФ, с применением которых было назначено наказание при постановлении приговора, применила положения ч. 1 ст. 62 УК РФ и смягчила назначенное З. по п. “а” ч. 4 ст. 264 УК РФ наказание в виде лишения свободы до трех лет.

Определение № 59-УД20-7-К9

32. Суд кассационной инстанции не вправе ухудшить положение осужденного и на основании ст. 70 УК РФ присоединить к назначенному наказанию за вновь совершенное преступление неотбытую по предыдущему приговору часть наказания, превышающую срок, который ранее был присоединен по совокупности приговоров, если при этом не нарушаются положения ч. 4 ст. 70 УК РФ.

По приговору районного суда от 24 апреля 2017 г. (оставленному судом апелляционной инстанции 27 июня 2017 г. без изменения) П., ранее судимый по приговору от 17 сентября 2007 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228¹, ч. 1 ст. 228 УК РФ на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ к пяти годам шести месяцам лишения свободы, освобожденный 12 марта 2013 г. по отбытии наказания, по приговору от 15 апреля 2015 г. — по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б”, “в” ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 158 УК РФ на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ к трем годам шести месяцам лишения свободы, осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ к четырем годам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору от 15 апреля 2015 г. окончательно П. назначено лишение свободы на срок четыре года шесть месяцев.

Постановлением районного суда от 20 октября 2017 г. (оставленным апелляционным постановлением без изменения) приговоры в отношении П. приведены в соответствие с действующим законодательством, постановлено считать П. осужденным по приговору от 15 апреля 2015 г. по пп. “б”, “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к одному году одиннадцати месяцам лишения свободы, по ч. 1 ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к одиннадцати месяцам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. “а”, “б”, “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ) к одному году пяти месяцам лишения свободы, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ назначено три года пять месяцев лишения свободы; по приго-

вору от 24 апреля 2017 г. — по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ к четырем годам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ — к четырем годам пяти месяцев лишения свободы.

Постановлением президиума областного суда от 28 февраля 2019 г. приговор районного суда от 24 апреля 2017 г. и апелляционное определение от 27 июня 2017 г. изменены: из осуждения по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ исключен признак незаконного хранения наркотического средства без цели сбыта в крупном размере, постановлено считать П. осужденным по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ за покушение на незаконное приобретение наркотических средств без цели сбыта в крупном размере к наказанию в виде лишения свободы на срок три года десять месяцев. На основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров путем частичного присоединения неотбытого наказания по приговору от 15 апреля 2015 г. окончательно П. назначено наказание в виде лишения свободы на срок четыре года четыре месяца.

Осужденный в кассационной жалобе просил изменить постановление президиума от 28 февраля 2019 г. и снизить назначенное наказание на основании ст. 70 УК РФ до четырех лет трех месяцев лишения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила постановление президиума по следующим основаниям.

Как следует из материалов уголовного дела, П., ранее судимый по приговору от 15 апреля 2015 г. к трем годам шести месяцам лишения свободы, осужден по приговору от 24 апреля 2017 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ к четырем годам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров определено наказание в виде лишения свободы на срок четыре года шесть месяцев.

Постановлением районного суда от 20 октября 2017 г. приговоры в отношении П. приведены в соответствие с действующим законодательством, в частности постановлено считать П. осужденным по приговору от 15 апреля 2015 г. к лишению свободы на срок три года пять месяцев, по приговору от 24 апреля 2017 г. по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ — к четырем годам лишения свободы, на основании ст. 70 УК РФ назначено лишение свободы на срок четыре года пять месяцев, т.е. судом присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 15 апреля 2015 г. в виде пяти месяцев лишения свободы.

Постановлением президиума областного суда от 28 февраля 2019 г. приговор от 24 апреля 2017 г. и апелляционное определение от 27 июня 2017 г. в отношении П. изменены, по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 228 УК РФ назначено наказание в виде лишения свободы на срок три года десять месяцев, на основании ст. 70 УК РФ по совокупности приговоров окончательно назначено лишение свободы на срок четыре года четыре месяца, т.е. суд кассационной инстанции присоединил неотбытую часть наказания по приговору от 15 апреля 2015 г. в виде шести месяцев лишения свободы.

По смыслу закона суд кассационной инстанции при внесении изменений в приговор, окончательное наказание по которому назначено с применением ст. 70 УК РФ, снизив наказание за вновь совершенное преступление, должен присоединить к этому наказанию неотбытое наказание по предыдущему приговору сроком, не превышающим срок, который был присоединен нижестоящим судом, в том числе и в порядке исполнения приговора, если при этом не нарушаются положения ч. 4

ст. 70 УК РФ о том, что окончательное наказание по совокупности приговоров должно быть больше как наказания, назначенного за вновь совершенное преступление, так и неотбытой части наказания по предыдущему приговору суда.

Как видно из приведенных решений, президиум областного суда ухудшил положение осужденного, присоединив неотбытую часть наказания по приговору от 15 апреля 2015 г. в виде шести месяцев лишения свободы, по сравнению с постановлением суда от 20 октября 2017 г., согласно которому присоединена неотбытая часть наказания по приговору от 15 апреля 2015 г. в виде пяти месяцев лишения свободы.

С учетом изложенного окончательное наказание осужденному, назначенное по приговору от 24 апреля 2017 г. на основании ст. 70 УК РФ, в том числе с учетом положений ч. 4 ст. 70 УК РФ, не может превышать четырех лет трех месяцев лишения свободы.

На основании изложенного Судебная коллегия изменила постановление президиума областного суда от 28 февраля 2019 г. и смягчила наказание, назначенное по приговору от 24 апреля 2017 г. на основании ст. 70 УК РФ, до четырех лет трех месяцев лишения свободы.

Определение № 46-УД20-21

Процессуальные вопросы

33. Необеспечение судом кассационной инстанции участия осужденного в судебном заседании признано нарушением его права на защиту, влекущим отмену кассационного определения.

По приговору суда первой инстанции от 31 июля 2018 г. П. осужден по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 6 ноября 2018 г. приговор изменен в части назначенного осужденному наказания.

Постановлением президиума Краснодарского краевого суда от 18 сентября 2019 г. приговор и апелляционное определение изменены, из мотивировочной части приговора исключено указание на квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба потерпевшей», назначенное осужденному наказание смягчено.

В кассационной жалобе осужденный обращал внимание на то, что суд кассационной инстанции рассмотрел дело в его отсутствие, несмотря на заявленное им ходатайство об участии в судебном заседании.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума Краснодарского краевого суда и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 16 ч. 4 и ч. 5 ст. 47 УПК РФ осужденный вправе участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в суде кассационной инстанции. Участие в уголовном деле защитника обвиняемого не служит основанием для ограничения какого-либо права обвиняемого.

Из имеющейся в материалах уголовного дела расписки осужденного следует, что он изъявил желание участвовать в судебном заседании суда кассационной инстанции. При этом данная расписка была получена Краснодарским краевым судом 17 сентября 2019 г., т.е. накануне заседания суда кассационной инстанции.

Однако, несмотря на ходатайство осужденного об участии в судебном заседании, суд кассационной инстанции рассмотрел уголовное дело в отсутствие П., лишив его возможности довести свою позицию до сведения суда, чем нарушил право осужденного на защиту.

Определение № 18-УД20-23

34. Рассмотрение судом кассационной инстанции уголовного дела в отсутствие потерпевшего при наличии его ходатайства об участии в судебном заседании повлекло отмену постановления суда кассационной инстанции.

По приговору Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского края от 3 сентября 2018 г. Н. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ (13 преступлений) и по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (2 преступления).

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 14 ноября 2018 г. приговор оставлен без изменения.

Постановлением президиума Краснодарского краевого суда от 24 июля 2019 г. приговор и апелляционное определение изменены в части назначенного Н. наказания. В части гражданского иска потерпевшей Т. дело направлено в суд апелляционной инстанции на новое судебное рассмотрение.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 28 августа 2019 г. приговор от 3 сентября 2018 г. в части гражданского иска Т. отменен, принято новое решение, которым искиваемые требования Т. удовлетворены, в ее пользу с осужденного взыскана сумма в возмещение ущерба, причиненного преступлением.

В кассационной жалобе представитель потерпевших просил отменить постановление президиума Краснодарского краевого суда ввиду нарушения прав потерпевших, которые не были допущены к участию в рассмотрении дела судом кассационной инстанции.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила постановление президиума Краснодарского краевого суда от 24 июля 2019 г. и апелляционное определение от 28 августа 2019 г., а дело передала на новое кассационное рассмотрение по следующим основаниям.

В силу положений ч. 1 ст. 401² и ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ в судебном заседании при рассмотрении уголовного дела по кассационным жалобе, представлению могут принимать участие потерпевшие при условии заявления ими ходатайства об этом.

Как следует из материалов уголовного дела, 28 июня 2019 г. кассационная жалоба потерпевшей Т. была передана для рассмотрения в суд кассационной инстанции. В суд поступила также кассационная жалоба адвоката в интересах осужденного, которая подлежала рассмотрению в заседании суда кассационной инстанции.

Потерпевшие ходатайствовали об участии в судебном заседании 24 июля 2019 г., направив одновременно — 19 июля 2019 г. телеграммы, которые поступили в суд 22 июля 2019 г., т.е. до начала рассмотрения уголовного дела.

Вместе с тем согласно протоколу судебного заседания президиумом Краснодарского краевого суда ходатайства потерпевших об участии в рассмотрении дела не разрешались, уголовное дело было рассмотрено в отсутствие потерпевших.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия отменила постановление президиума Краснодарского краевого суда от 24 июля 2019 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 28 августа 2019 г. в отношении Н., уголов-

ное дело передала на новое кассационное рассмотрение в Четвертый кассационный суд общей юрисдикции.

Определение № 18-УД20-25

35. Невыполнение судом кассационной инстанции требований закона об обеспечении участия защитника в судебном заседании повлекло нарушение права осужденного на защиту.

По приговору Дмитриевского районного суда Курской области от 15 августа 2019 г. В. осужден по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Курского областного суда от 17 октября 2019 г. приговор изменен в части назначенного В. наказания.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. указанные выше судебные решения оставлены без изменения.

Адвокат в защиту интересов осужденного в кассационной жалобе просил в том числе отменить кассационное определение. В жалобе указано, что судом кассационной инстанции нарушено право осужденного на защиту, поскольку не было обеспечено участие его адвоката. Кроме того, ходатайство об участии защитника в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи необоснованно оставлено без удовлетворения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции и передала уголовное дело на новое кассационное рассмотрение, указав следующее.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, предусмотренном ст. 52 данного Кодекса.

В соответствии с положениями ст.ст. 16 и 47 УПК РФ обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое он может осуществлять лично либо с помощью защитника. Согласно ч. 2 ст. 50 УПК РФ по просьбе обвиняемого, который после вынесения обвинительного приговора именуется осужденным, участие защитника обеспечивается судом.

Из материалов уголовного дела следует, что в период выполнения требований ст. 401⁷ УПК РФ в суд первой инстанции от осужденного В. поступило заявление, в котором содержалась просьба о рассмотрении уголовного дела с участием адвоката, с которым заключено соглашение и который осуществлял его защиту в судах первой и апелляционной инстанций.

Судебная коллегия по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции ходатайство осужденного о рассмотрении уголовного дела с участием адвоката оставила без внимания.

Рассмотрение уголовного дела в кассационном порядке состоялось 12 марта 2020 г. с участием прокурора, но в отсутствие осужденного и его адвоката.

Уголовно-процессуальный закон обязывает суд кассационной инстанции обеспечить участие адвоката для защиты интересов осужденного при наличии его ходатайства об этом, однако заявление В. о рассмотрении уголовного дела с участием адвоката вопреки требованиям ч. 3 ст. 50 УПК РФ судом оставлено без внимания.

Следовательно, при рассмотрении кассационной инстанцией уголовного дела было нару-

шено право осужденного на защиту, т.е. допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, повлиявшее на исход дела.

Определение № 39-УД20-2-К1

36. Право на участие в судебном заседании суда кассационной инстанции посредством использования систем видеоконференц-связи предоставлено не только лицам, содержащимся под стражей, или осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, но и их защитникам.

По приговору суда первой инстанции от 12 ноября 2019 г., оставленному без изменения апелляционным постановлением от 16 декабря 2019 г., Е. и К. осуждены по ч. 1 ст. 172 УК РФ.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2020 г. приговор и апелляционное постановление изменены в части назначенного осужденным наказания.

Адвокаты М. и Н. в кассационных жалобах в интересах осужденных утверждали, что при рассмотрении дела в суде кассационной инстанции было допущено нарушение права осужденных Е. и К. на защиту, выразившееся в рассмотрении дела в отсутствие осужденных и с участием защитников, назначенных судом в порядке ст. 51 УПК РФ, при том, что осужденными были заключены соглашения на защиту с адвокатами М. и Н., ходатайства которых об участии в рассмотрении дела посредством видеоконференц-связи суд кассационной инстанции необоснованно отклонил.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила кассационное определение от 9 апреля 2020 г., указав следующее.

Как усматривается из материалов уголовного дела, судебные решения в отношении осужденных обжалованы их защитниками, с которыми были заключены соответствующие соглашения, — адвокатами М. и Н. в кассационном порядке, при этом адвокаты заявили ходатайства об участии в рассмотрении дела в суде кассационной инстанции. Осужденные также выразили желание воспользоваться услугами данных адвокатов при рассмотрении дела в Первом кассационном суде общей юрисдикции.

Постановлением судьи Первого кассационного суда общей юрисдикции уголовное дело было назначено к слушанию на 26 марта 2020 г. в том числе с участием защитников — адвокатов М. и Н.

В связи с неявкой 26 марта 2020 г. адвокатов М. и Н. в судебное заседание оно было отложено на 2 апреля 2020 г. и в целях обеспечения прав осужденных на защиту назначены защитники в порядке ст. 51 УПК РФ.

Первый кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении ходатайств адвокатов М. и Н. об их участии в рассмотрении дела посредством видеоконференц-связи в связи с тем, что в соответствии с ч. 2 ст. 401⁸ УПК РФ правом на участие в судебном заседании кассационной инстанции путем использования видеоконференц-связи обладают лица, содержащиеся под стражей, или осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы. Поскольку к данной категории лиц защитники не относятся, то оснований для обеспечения судом их участия в судебном заседании в режиме видеоконференц-связи не имеется.

В связи с объявлением в Российской Федерации нерабочих дней с 30 марта по 3 апреля 2020 г. слушание дела перенесено на 9 апреля 2020 г.

Между тем, отказывая в удовлетворении ходатайств адвокатов об их участии в рассмотрении

дела в кассационном порядке посредством видеоконференц-связи, суд кассационной инстанции оставил без внимания, что в соответствии с п. 3 постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 18 марта 2020 г. № 808 и п. 5 постановления Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 8 апреля 2020 г. № 821 в целях противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции рекомендовано всем судам при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи.

Дело было рассмотрено 9 апреля 2020 г. в отсутствие осужденных и с участием адвокатов, назначенных судом в порядке ст. 51 УПК РФ.

Замена участвующего по соглашению адвоката адвокатом по назначению предусмотрена в законе только как исключение из общего правила. Согласно ч. 3 ст. 50 УПК РФ в случае неявки приглашенного защитника в течение 5 суток со дня заявления ходатайства о приглашении защитника суд вправе предложить подозреваемому, обвиняемому пригласить другого защитника, а в случае его отказа принять меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

В связи с изложенным Судебная коллегия отменила определение судебной коллегии по уголовным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 апреля 2020 г. и дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Определение № 57-УД20-4

37. Если к моменту подачи сторонами замечаний на протокол судебного заседания полномочия председательствующего судьи прекращены, суд апелляционной инстанции не освобождается от обязанности проверить точность, полноту и правильность протокола судебного заседания с учетом поданных на него замечаний.

По приговору Обского городского суда Новосибирской области от 28 июня 2018 г. (с учетом изменений, внесенных апелляционным определением от 15 февраля 2019 г.) Л. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 декабря 2019 г. вынесенные в отношении Л. судебные решения изменены — исключено указание суда о взыскании с осужденного процессуальных издержек, в остальной части судебные решения оставлены без изменения.

В кассационной жалобе осужденный Л. просил об отмене состоявшихся судебных решений, обращая внимание на то, что замечания на протокол судебного заседания рассмотрены не были.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение от 15 февраля 2019 г., определение судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 декабря 2019 г. и передала уголовное дело на новое апелляционное рассмотрение в судебную коллегия по уголовным делам Новосибирского областного суда, мотивировав свое решение следующим.

В силу требований ст. 260 УПК РФ сторонам предоставлена возможность в установленный законом срок в случае несогласия с содержанием протокола судебного заседания подать свои замечания, подлежащие рассмотрению председательствующим по делу судьей (по общему правилу) с последующим приобщением замечаний вместе с постановлением к протоколу судебного заседания.

Содержание замечаний, как и принятое по результатам их рассмотрения постановление, подлежит оценке судом апелляционной инстанции при проверке законности и обоснованности судебного решения, принятого по существу рассматриваемого дела (материала).

Из смысла закона и правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных, в частности, в Определении от 18 июля 2019 г. № 1917-О, следует, что само по себе нерассмотрение замечаний на протокол судебного заседания по каким-либо объективным причинам судьей суда первой инстанции не может расцениваться как нарушение права на защиту, поскольку не лишает стороны возможности при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции заявить ходатайство о подтверждении или об опровержении тех или иных имеющих значение для дела фактов и обстоятельств, относящихся к судебному заседанию суда первой инстанции, но не нашедших отражения или неверно отраженных в его протоколе, а суд апелляционной инстанции обязан в таком случае самостоятельно проверить точность, полноту и правильность протокола судебного заседания с учетом поданных на него замечаний в совокупности с другими доказательствами и определить их влияние на вынесение законного и обоснованного судебного решения.

При этом в ходе рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, наделенным необходимыми полномочиями по проверке как решения суда первой инстанции, так и протокола судебного заседания, стороны вправе изложить доводы о неполноте протокола, чему корреспондирует обязанность суда апелляционной инстанции самостоятельно оценить содержание протокола в совокупности с другими материалами дела и установить наличие или отсутствие оснований для отмены или изменения приговора либо иного проверяемого решения суда первой инстанции.

Таким образом, законодатель не допускает необоснованного уклонения суда от обязанности проверки доводов, содержащихся в замечаниях на протокол судебного заседания.

Несоблюдение данных требований закона следует рассматривать как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, ставящее под сомнение законность принятого судебного решения.

Согласно материалам уголовного дела по сообщению председателя Обского городского суда замечания на протокол судебного заседания по уголовному делу по обвинению Л. не были рассмотрены в связи с удалением председательствующего судьи в почетную отставку.

Удаление судьи в почетную отставку после постановления приговора по конкретному уголовному делу не являлось препятствием для принятия им процессуальных решений по данному уголовному делу в период подготовки дела к направлению в суд апелляционной инстанции, а в случае, если такие действия в суде первой инстанции не были совершены, это не освобождало суд апелляционной инстанции от обязанности восстановить процессуальные права участников судопроизводства.

Вместе с тем, как следует из протокола заседания суда апелляционной инстанции и апелляционного определения, замечания на протокол судебного заседания фактически рассмотрены не были.

При проверке приговора по доводам апелляционных жалоб судом апелляционной инстанции не дано оценки замечаниям осужденного на протокол судебного заседания, лишь указано, что замечания

Л. на протокол судебного заседания не рассмотрены, поскольку к моменту их подачи полномочия данного судьи были прекращены, о чем был извещен осужденный, и это обстоятельство не препятствует суду апелляционной инстанции проверить законность и обоснованность постановленного в отношении него судебного решения.

Изложенные обстоятельства указывают на то, что суд апелляционной инстанции надлежало не проверить замечания на протокол судебного заседания, не дал им оценки, а вывод суда в части того, что нерассмотрение замечаний на протокол судебного заседания не препятствует решению вопроса о законности и обоснованности обвинительного приговора, не основан на положениях действующего законодательства.

Допущенное существенное нарушение закона не было устранено и при рассмотрении дела судом кассационной инстанции.

Определение № 67-УД20-5-К8

38. Исходя из положений ст. 339 УПК РФ решение о необходимости включения в вопросный лист частных вопросов, в том числе о наличии фактических обстоятельств, исключающих ответственность за содеянное или влекущих ответственность за менее тяжкое преступление, принимается председательствующим.

По приговору Кировского районного суда г. Перми от 24 июля 2019 г., постановленному с участием присяжных заседателей, З. осужден по ч. 4 ст. 111, п. “в” ч. 4 ст. 162, п. “а” ч. 3 ст. 158 УК РФ.

На основании вердикта коллегии присяжных заседателей З. осужден за разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего Т., за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего Т., а также за кражу имущества Т., совершенную с незаконным проникновением в жилище.

Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Пермского краевого суда от 19 сентября 2019 г. приговор изменен в части решения о зачете времени содержания З. под стражей. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 апреля 2020 г. приговор и апелляционное определение отменены, уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе.

Заместитель Генерального прокурора РФ в кассационном представлении поставил вопрос об отмене кассационного определения. По мнению автора представления, судом кассационной инстанции допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона и уголовное дело необоснованно направлено на новое рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила определение суда кассационной инстанции, а дело передала на новое кассационное рассмотрение в тот же суд иным составом суда по следующим основаниям.

Отменяя приговор и апелляционное определение, суд кассационной инстанции указал, что председательствующий судья, формулируя вопросы, подлежащие разрешению присяжными заседателями, не поставил частный вопрос стороны защиты об оборонительном характере дей-

ствий осужденного, нарушив требования ч. 1 ст. 338 и ч. 3 ст. 339 УПК РФ.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 338 и ч. 1 ст. 339 УПК РФ председательствующий формулирует основные вопросы с учетом результатов судебного следствия и прений сторон.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 339 УПК РФ после основного вопроса о виновности подсудимого могут ставиться частные вопросы, в том числе допустимы вопросы, позволяющие установить виновность подсудимого в совершении менее тяжкого преступления, если при этом не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту.

Согласно версии осужденного, изложенной в судебном заседании, он пробрался в дом, который считал нежилым, находившийся в квартире этого дома потерпевший Т. нанес ему удар рукой в область шеи, в ответ на это он, защищаясь, нанес потерпевшему 4 удара в область лица, после чего забрал телевизор, находящийся в комнате.

Как следует из материалов уголовного дела, процедура формулирования вопросов вопросного листа проведена в соответствии с требованиями ст.ст. 338 и 339 УПК РФ, с учетом результатов судебного следствия и прений сторон.

Из протокола судебного заседания усматривается, что при обсуждении вопросного листа стороне защиты в соответствии с требованиями ст. 338 УПК РФ было предоставлено право высказать замечания по содержанию и формулировке вопросов, право внести предложения о постановке новых вопросов, в том числе о наличии фактических обстоятельств, исключающих ответственность за содеянное или влекущих ответственность за менее тяжкое преступление.

Все замечания сторон по содержанию и формулировке вопросов, внесенные предложения по постановке новых вопросов надлежащим образом были обсуждены.

По возвращении из совещательной комнаты председательствующий огласил вопросный лист, передал его старшине коллегии присяжных заседателей, обратился к присяжным заседателям с напутственным словом и спросил у присяжных заседателей, имеют ли поставленные вопросы неясности, требуются ли дополнительные разъяснения по ним. Вопросов от присяжных заседателей не поступило.

Вердикт коллегии присяжных заседателей не содержит неясностей и противоречий.

То обстоятельство, что председательствующий не усмотрел необходимости постановки частных вопросов по позиции стороны защиты, не противоречит положениям ст. 339 УПК РФ.

Исходя из содержания поставленных вопросов, фактические обстоятельства, указывающие на позицию осужденного, могли быть установлены в случае отрицательных ответов присяжных заседателей на поставленные вопросы либо признания недоказанными и исключения из них определенных обстоятельств.

Таким образом, при формировании вопросного листа положения ч. 1 ст. 338 и ч. 3 ст. 339 УПК РФ судом первой инстанции не нарушены, в связи с чем решение суда кассационной инстанции об отмене приговора и апелляционного определения по этим основаниям является незаконным.

Определение № 44-УДП20-14-К7

39. В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 447 УПК РФ член избирательной комиссии отнесен к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам.

По приговору Чернянского районного суда Белгородской области от 23 декабря 2019 г. (оставленному без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций) П., ранее судимый 27 февраля 2017 г. мировым судьей по ст. 264¹ УК РФ, осужден по ст. 264¹ УК РФ.

Осужденный П. в кассационной жалобе указывал, что приговор основан на недопустимых доказательствах, поскольку на момент совершения преступления и рассмотрения дела судом он являлся членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса и в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 447 УПК РФ в отношении него должен был применяться особый порядок производства следствиями Следственного комитета РФ, тогда как дознание было проведено органами внутренних дел.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила приговор и последующие судебные решения и уголовное дело возвратила прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом.

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 447 УПК РФ член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса отнесен к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам.

Согласно ст. 29 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и в силу п. 12 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении члена избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается руководителем следственного органа Следственного комитета РФ по субъекту Российской Федерации.

Из постановления избирательной комиссии муниципального района от 24 мая 2018 г. № 107/581 “О формировании участковой избирательной комиссии избирательного участка № 1079 Волотовского сельского поселения” следует, что П. был избран в состав избирательной комиссии с правом решающего голоса.

Из состава участковой избирательной комиссии избирательного участка № 1079 П. был выведен лишь на основании постановления избирательной комиссии муниципального района от 23 марта 2020 г.

Согласно документам проверки, проведенной прокуратурой, приобщенным в судебном заседании к материалам уголовного дела по ходатайству прокурора, а также сведениям Центральной избирательной комиссии РФ П. в период с 24 мая 2018 г. по 23 марта 2020 г. являлся членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса избирательного участка № 1079 Волотовского сельского поселения Чернянского района.

Таким образом, на момент совершения преступления, за которое П. осужден по названному делу (25 октября 2019 г.), он являлся членом избирательной комиссии с правом решающего голоса.

В нарушение указанных выше требований закона уголовное дело в отношении П. было возбуждено в период его членства в избирательной комиссии с правом решающего голоса не уполномоченным на это должностным лицом — дознавателем отдела МВД России по Чернянскому району Белгородской области.

Определение № 57-УД20-5

40. По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному или нескольким его близким родственникам и (или) близким лицам.

С. и В. признаны виновными в совершении по предварительному сговору между собой убийства П. по найму и осуждены по пп. “ж”, “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного С. просил приговор и апелляционное определение отменить, исключить А. из числа потерпевших.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила приговор и последующие судебные решения без изменения, а кассационную жалобу — без удовлетворения по следующим основаниям.

Изложенные в кассационной жалобе адвоката доводы о том, что брат погибшего (А.) незаконно был признан потерпевшим наряду с дочерью погибшего, не основаны на законе.

По смыслу ч. 8 ст. 42 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному или нескольким его близким родственникам и (или) близким лицам.

Дочь и брат погибшего лица в силу п. 4 ст. 5 УПК РФ являются его близкими родственниками. Вопреки мнению адвоката какой-либо очередности признания потерпевшими близких родственников лица, погибшего в результате преступления, законом не установлено.

Определение № 80-УД20-4-А4

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

41. Действующее законодательство, не предполагая произвольного определения места отбывания осужденным наказания, устанавливает открытый перечень исключительных обстоятельств, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в исправительном учреждении, при которых допускается его перевод в другое исправительное учреждение. В этой связи к таким обстоятельствам может быть отнесена в том числе невозможность осужденного поддерживать семейные связи во время отбывания наказания в виде лишения свободы.

Ш., осужденный к пожизненному лишению свободы и до вынесения приговора суда проживавший в Тамбовской области, был направлен для отбывания наказания в исправительную колонию особого режима для пожизненно осужденных, расположенную в Ямало-Ненецком автономном округе.

Ш. обратился в ФСИН России с заявлением о переводе для дальнейшего отбывания наказания в исправительное учреждение в Республике Мордовия, ссылаясь на необходимость общения с семьей, для которой поездки в Ямало-Ненецкий автономный округ являются затруднительными, а также на наличие медицинских противопоказаний к отбыванию наказания на территории названного субъекта Российской Федерации.

ФСИН России указанное заявление оставлено без удовлетворения.

Не согласившись с таким решением, Ш. оспорил его в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. Кассационным судом общей юрисдикции указанные судебные акты оставлены без изменения.

При этом суды исходили из того, что решение о направлении административного истца для отбывания наказания в исправительную колонию, расположенную на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, принято в соответствии с положениями уголовно-исполнительного законодательства, основания для перевода Ш. в исправительное учреждение того же вида, расположенное в Республике Мордовия, отсутствуют, равно как отсутствуют у Ш. и медицинские противопоказания для отбывания наказания на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, согласившись с выводами суда об отсутствии у Ш. медицинских противопоказаний для отбывания наказания на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, тем не менее пришла к выводу о том, что обжалуемые судебные акты нельзя признать законными и обоснованными по следующим основаниям.

По общему правилу, установленному Уголовно-исполнительным кодексом РФ (далее — УИК РФ), осужденные к лишению свободы отбывают весь срок наказания в одном исправительном учреждении в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором они проживали или были осуждены (ч. 1 ст. 73 и ч. 1 ст. 81).

Вместе с тем в соответствии с ч. 4 ст. 73 названного Кодекса осужденные к пожизненному лишению свободы направляются для отбывания наказания в соответствующие исправительные учреждения, расположенные в местах, определяемых федеральным органом уголовно-исполнительной системы.

Согласно ч. 10 ст. 16 УИК РФ наказание в виде пожизненного лишения свободы исполняется исправительной колонией особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается в случае болезни осужденного либо для обеспечения его личной безопасности, при реорганизации или ликвидации исправительного учреждения, а также при иных исключительных обстоятельствах, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в данном исправительном учреждении. Перевод осужденных за преступления, указанные в ч. 4 ст. 73 УИК РФ, для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида допускается по решению федерального органа уголовно-исполнительной системы. Порядок перевода осужденных определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний (ч. 2 ст. 81 УИК РФ в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений).

Таким образом, приведенное правовое регулирование, не предполагая произвольного определения места отбывания осужденным наказания, устанавливает открытый перечень исключительных обстоятельств, при которых допускается перевод из одного исправительного учреждения в другое, корреспондируя положениям международных правовых актов, в частности Европейским пенитенциарным правилам (2006 года), в соответствии с которыми заключенные должны по возможности направляться для отбывания наказания в располо-

женные вблизи от дома или мест социальной реабилитации пенитенциарные учреждения.

Согласно ч. 4 ст. 3 УИК РФ рекомендации (декларации) международных организаций по вопросам исполнения наказаний и обращения с осужденными реализуются в уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации при наличии необходимых экономических и социальных возможностей.

Европейский Суд по правам человека в постановлении от 7 марта 2017 г. по делу “Полякова и другие против Российской Федерации” отметил, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод не предоставляет осужденным права выбирать место отбывания наказания. Однако для того, чтобы обеспечить уважение достоинства, присущего человеческой личности, целью государств должно стать поощрение и поддержание контактов заключенных с внешним миром. Для достижения этой цели национальное законодательство должно предоставлять заключенному, а при необходимости и его родственникам реальную возможность выдвигать свои требования до того, как государственные органы власти примут решение о направлении его в определенное исправительное учреждение, а также убедиться в том, что какие-либо другие их распоряжения соответствуют требованиям ст. 8 указанной Конвенции.

В этой связи, учитывая, что российским уголовно-исполнительным законодательством установлен открытый перечень исключительных обстоятельств, препятствующих дальнейшему нахождению осужденного в исправительном учреждении, при которых допускается его перевод в другое исправительное учреждение, к таким обстоятельствам может быть отнесена в том числе невозможность осужденного поддерживать семейные связи во время отбывания наказания в виде лишения свободы.

На указанные обстоятельства Ш. ссылался в административном исковом заявлении.

В силу ч. 3 ст. 62 КАС РФ обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела, определяются судом в соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорным публичным правоотношениям, исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле. При этом суд не связан основаниями и доводами заявленных требований по административным делам, в том числе об оспаривании решений, действий (бездействия), соответственно принятых или совершенных органами государственной власти, органами местного самоуправления.

Вместе с тем изложенное выше не было учтено судами, в том числе не были исследованы обстоятельства, связанные с наличием у административного истца родственников, проживающих на значительном удалении от места отбывания им наказания, равно как и вопрос о возможности перевода Ш. в исправительное учреждение соответствующего вида для лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы, находящееся на территории Республики Мордовия.

Приведенные обстоятельства имеют значение для правильного разрешения данного административного дела и подлежат обязательному установлению и исследованию в ходе судебного разбирательства.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила обжалуемые су-

дебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Определение № 70-КАД20-3-К7

42. Отказ в удовлетворении административного искового заявления исключительно по мотиву пропуска срока обращения в суд, без принятия судом мер, направленных на выяснение обстоятельств, объективно препятствовавших обращению в суд в установленный законом срок, без установления иных обстоятельств, предусмотренных ч. 9 ст. 226 КАС РФ, а также без исследования фактических обстоятельств административного дела является недопустимым и противоречит задачам административного судопроизводства.

П. обратился в суд с административным исковым заявлением об оспаривании действий должностных лиц следственного изолятора, вызвавшихся в изъятии у него в период содержания в следственном изоляторе документов, переданных ему защитником и адвокатами.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано в связи с пропуском срока обращения в суд. Кассационным судом общей юрисдикции данные судебные акты оставлены без изменения.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст.ст. 2 и 18 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы являются высшей ценностью, непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства.

Неотчуждаемость основных прав и свобод человека, принадлежность их каждому от рождения предполагают необходимость установления гарантий, одной из которых является право каждого на судебную защиту, не подлежащее ограничению (ст.ст. 46 и 56 Конституции Российской Федерации).

Статьей 219 КАС РФ установлено, что административное исковое заявление может быть подано в суд в течение 3 месяцев со дня, когда гражданину, организации, иному лицу стало известно о нарушении их прав, свобод и законных интересов (ч. 1). Пропуск установленного срока обращения в суд не является основанием для отказа в принятии административного искового заявления к производству суда. Причины пропуска срока обращения в суд выясняются в предварительном судебном заседании или судебном заседании (ч. 5).

Несвоевременное рассмотрение или нерассмотрение жалобы вышестоящим органом, вышестоящим должностным лицом свидетельствует о наличии уважительной причины пропуска срока обращения в суд (ч. 6).

Пропущенный по указанной в ч. 6 приведенной статьи или иной уважительной причине срок подачи административного искового заявления может быть восстановлен судом, за исключением случаев, если его восстановление не предусмотрено данным Кодексом (ч. 7).

Пропуск срока обращения в суд без уважительной причины, а также невозможность восстановления пропущенного (в том числе по уважительной причине) срока обращения в суд яв-

ляется основанием для отказа в удовлетворении административного иска (ч. 8).

Приведенные законоположения закрепляют обязанность суда при решении вопроса о пропуске срока обращения в суд в порядке главы 22 КАС РФ выяснять причины такого пропуска.

В соответствии с чч. 8 и 9 ст. 226 КАС РФ при рассмотрении административного дела в порядке главы 22 КАС РФ суд выясняет обстоятельства, указанные в чч. 9 и 10 данной статьи, в полном объеме, в том числе как соблюдение истцом сроков обращения в суд, так и нарушение его прав, свобод и законных интересов, соответствие оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения, наличие полномочий и оснований для принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) и соблюдение порядка принятия такого решения, совершения действия (бездействия).

Согласно пп. 2 и 4 ст. 3 КАС РФ задачами административного судопроизводства являются защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, укрепление законности и предупреждение нарушений в сфере административных и иных публичных правоотношений.

В силу п. 3 ст. 6, ст. 9 КАС РФ одними из принципов административного судопроизводства являются законность и справедливость при рассмотрении и разрешении административных дел, которые обеспечиваются не только соблюдением положений, предусмотренных законодательством об административном судопроизводстве, точным и соответствующим обстоятельствам административного дела правильным толкованием и применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе регулирующих отношения, связанные с осуществлением государственных и иных публичных полномочий, но и получением гражданами и организациями судебной защиты путем восстановления их нарушенных прав и свобод.

При таких обстоятельствах пропуск срока обращения в суд сам по себе не может быть признан достаточным основанием для принятия судом решения об отказе в удовлетворении административного искового заявления без проверки законности оспариваемых административным истцом действий.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что обжалуемые судебные акты нельзя признать законными, поскольку суды, отказывая в удовлетворении административного искового заявления исключительно по мотиву пропуска срока обращения в суд, не приняв меры к проверке доводов П. о наличии обстоятельств, объективно препятствовавших обращению в суд в установленный законом срок, и не устанавливая иные обстоятельства, предусмотренные ч. 9 ст. 226 КАС РФ, не дав оценки доводам административного истца относительно незаконности действий должностных лиц следственного изолятора, фактически отказали П. в защите нарушенного права, что является недопустимым и противоречит задачам административного судопроизводства.

Определение № 78-КАД20-21-К3

43. У налогоплательщика отсутствует обязанность по уплате транспортного налога за период, в котором транспортное средство ему не принадлежало и не существовало в натуре.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском о взыскании с Г. недоимки по транспортному налогу за 2016 год, ссылаясь на то, что за административным ответчиком в 2016 году был зарегистрирован автомобиль, однако своевременно транспортный налог уплачен не был, требование об уплате налога не исполнено.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

При этом суд исходил из того, что обязанность налогоплательщика по уплате транспортного налога зависит от факта регистрации транспортного средства в установленном порядке в органах ГИБДД. Поскольку транспортное средство в указанный период времени было зарегистрировано за административным ответчиком, оснований для освобождения его от обязанности по уплате транспортного налога не имеется.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила указанные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу пп. 1 и 3 ст. 3 НК РФ каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы, имеющие экономическое основание.

Транспортный налог является региональным налогом (ст. 14 НК РФ).

Объектом налогообложения является в том числе имущество, под которым в Налоговом кодексе РФ понимаются виды объектов гражданских прав, относящихся к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом РФ (пп. 1 и 2 ст. 38 НК РФ).

Согласно п. 1 ст. 128 и п. 2 ст. 130 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся вещи, включая движимое имущество.

Как указано в абз. 2 п. 1 ст. 38 НК РФ, каждый налог имеет самостоятельный объект налогообложения, определяемый в соответствии с частью второй Налогового кодекса РФ.

Объектом налогообложения транспортного налога признаются наряду с другим движимым имуществом автомобили, зарегистрированные в установленном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 358 НК РФ).

В соответствии с положениями ст. 357 НК РФ упомянутого выше Кодекса налогоплательщиками транспортного налога признаются лица, на которых зарегистрированы транспортные средства, признаваемые объектом налогообложения в соответствии со ст. 358 этого Кодекса, если иное не предусмотрено названной статьей.

По смыслу приведенных законоположений в их системном единстве в качестве объекта налогообложения транспортного налога признаются транспортные средства, соответствующие одновременно двум критериям: обладающие определенными физическими показателями и зарегистрированные в установленном порядке согласно законодательству Российской Федерации.

Вместе с тем материалами административного дела подтвержден тот факт, что в 2016 году автомобиль, в отношении которого выставлено требование об уплате транспортного налога, в натуре не существовал: в автомобиле в ноябре 2014 г. в результате действий неустановленного лица произошел пожар, вследствие чего указанное транспортное средство получило значительные повреждения и было реализовано Г. в виде годных остатков в январе 2015 г.

Одновременно Г. поставила налоговый орган в известность об уничтожении и о последующей утилизации данного транспортного средства.

Согласно п. 1 ст. 235 ГК РФ основанием прекращения права собственности на вещь является в том числе гибель или уничтожение этой вещи, влекущие полную и безвозвратную утрату такого имущества.

При названных обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что у административного ответчика отсутствовала обязанность по уплате транспортного налога за указанный налоговым органом период.

Определение № 48-КАД20-4-К7

44. Длительное неисполнение органом местного самоуправления вступившего в законную силу решения суда свидетельствует о недостаточности и неэффективности действий, осуществляемых в целях исполнения указанного решения.

Г. обратился в суд с административным иском заявлением об оспаривании бездействия органа местного самоуправления, в обоснование указав, что вступившим в законную силу решением суда на орган местного самоуправления возложена обязанность организовать электроснабжение двух населенных пунктов в срок до 1 октября 2014 г., однако до настоящего времени решение суда не исполнено.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, в удовлетворении административного искового заявления отказано. Кассационный суд общей юрисдикции указанные судебные акты оставил без изменения.

При этом суд исходил из того, что органом местного самоуправления незаконное бездействие допущено не было.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила названные судебные акты и направила административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав следующее.

Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, устанавливающим общие правовые, территориальные, организационные и экономические принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации и определяющим государственные гарантии его осуществления, установлено, что вопросы местного значения — это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и указанным Законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно (абз. 12 ч. 1 ст. 2).

Из положений п. 4 ч. 1 ст. 14 названного Закона следует, что к вопросам местного значения относится в том числе и организация в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения.

Данные полномочия органов местного самоуправления обеспечивают реализацию провозглашенных в Конституции Российской Федерации целей социальной политики Российской Федерации, предопределяющих обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и об обеспечении нормальных условий существования, уважения чести и достоинства человека как важнейших социально-правовых ценностей.

Судом установлено, что в 2017 году постановлением судебного пристава-исполнителя исполнительное производство по исполнению решения суда о возложении на орган местного самоуправления обязанности организовать электроснабжение двух населенных пунктов до 1 октября 2014 г. окончено в связи с фактическим исполнением, поскольку должником были осуществлены покупка и доставка на территорию населенных пунктов дизельной электроустановки.

Указанное обстоятельство суды сочли достаточным основанием для вывода об отсутствии незаконного бездействия органа местного самоуправления.

Между тем при вынесении решения судами не были проверены доводы о том, что названная электроустановка фактически не функционирует, населенные пункты электроэнергией не обеспечены. Самостоятельно осуществлять обслуживание и поддерживать работоспособность дизельной электростанции жители возможности не имеют.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ указала на наличие достаточных оснований полагать, что решение суда органом местного самоуправления фактически не исполнено, организация подключения и электрификации населенных пунктов не осуществлена.

Так, до настоящего времени административным ответчиком была предпринята только одна попытка организовать электроснабжение на данных территориях путем направления в электросетевую компанию запроса о возможности предоставления в аренду дизельной электростанции, на который был получен отказ.

Доказательства, свидетельствующие о достаточности и эффективности действий, осуществляемых органом местного самоуправления в целях организации электроснабжения населенных пунктов, административным ответчиком представлены не были.

В этой связи выводы судов о надлежащем исполнении органом местного самоуправления судебного постановления об организации электроснабжения населенных пунктов, об отсутствии бездействия и нарушения прав граждан признаны Судебной коллегией по административным делам Верховного Суда РФ необоснованными.

Определение № 1-КАД20-1-К3

45. В случае, если исполнительное производство по судебным актам, в том числе принятым до вступления в силу Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ, которым внесены изменения в Федеральный закон “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок”, не окончено и право лиц на исполнение судебного акта в разумный срок продолжает нарушаться, такое нарушение является основанием для обращения в суд с административным иском заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Д. обратился в суд с административным иском заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок. В обоснование заявленных требований он указал, что в 2014 году вступившим в законную силу решением суда на орган местного самоуправления возложена обязанность произвести до 1 ноября 2014 г. ремонт кровли жилого дома и другие работы.

В связи с неисполнением судебного решения в добровольном порядке судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное произ-

водство, однако, несмотря на принимаемые судебными приставами-исполнителями меры принудительного исполнения, до настоящего времени решение суда не исполнено, исполнительное производство не окончено, общий срок исполнения судебного акта начиная с 1 ноября 2014 г. до предъявления административного иска в суд составил 4 года 6 месяцев, что является нарушением права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено частично.

При этом суд исходил из того, что действия органа местного самоуправления не являлись достаточными и эффективными в целях исполнения решения суда, а общий срок исполнения судебного акта не отвечает требованиям разумности.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился кассационный суд общей юрисдикции, отменил решение суда первой инстанции и принял новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав, что решение суда, за несвоевременное исполнение которого Д. просил взыскать компенсацию, вынесено до вступления в силу Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” в части присуждения компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего исполнение государством требований имущественного и (или) неимущественного характера”, установившего судебную защиту права на исполнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего исполнение органом местного самоуправления требований имущественного (неимущественного) характера.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ отменила судебные акты судов апелляционной и кассационной инстанций и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Частью 1 ст. 10 КАС РФ установлено, что административное судопроизводство и исполнение судебных актов по административным делам осуществляются в разумный срок.

Предусмотренное Конституцией Российской Федерации и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. право на судебную защиту, включающее в том числе право на судопроизводство в разумный срок и право на исполнение судебного акта в разумный срок, реализуется посредством создания государством процессуальных условий для эффективного и справедливого рассмотрения дела, а также организации и обеспечения своевременного и эффективного исполнения судебных актов.

Для обеспечения действенности данных прав Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” установлен специальный способ их защиты в виде присуждения компенсации.

В Федеральном законе от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ и главе 26 КАС РФ закреплен порядок подачи и рассмотрения соответствующего заявления компетентным судом.

В соответствии с ч. 1 ст. 1 названного Закона лица, перечисленные в данном или ином федеральном законе, при нарушении их права на ис-

полнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, либо судебного акта, возлагающего на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, иные органы и организации, наделенные отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих обязанность исполнить иные требования имущественного характера и (или) требования неимущественного характера, могут обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за такое нарушение.

Положения, касающиеся присуждения компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта, предписывающего органу местного самоуправления выполнить обязательства имущественного и (или) неимущественного характера, введены Федеральным законом от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ.

Данный Закон вступил в силу с 1 января 2017 г.

Принятие этих изменений расширило внутрисудебные средства правовой защиты от нарушения права на исполнение в разумный срок судебных актов и повысило гарантии соблюдения конституционного права на судебную защиту лиц, права которых на исполнение в разумный срок вступивших в силу судебных актов, предусматривающих исполнение органами обязательств в натуре, нарушены.

Положения ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ, согласно которым в течение шести месяцев со дня вступления в силу данного Закона лица, подавшие в Европейский Суд по правам человека жалобу на предполагаемое нарушение их права на исполнение судебного акта в разумный срок, в отношении которой не вынесено решение по вопросу ее приемлемости или по существу дела, могут обратиться в порядке, установленном Федеральным законом от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ (в ред. Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ) и процессуальным законодательством Российской Федерации, в суд, арбитражный суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок с указанием в нем даты обращения с жалобой в Европейский Суд по правам человека и номера этой жалобы, предусматривают дополнительную гарантию прав лиц, обратившихся с жалобой в Европейский Суд по правам человека до вступления в силу Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ, жалоба которых не рассмотрена, получить внутрисудебную защиту в порядке Федерального закона от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ.

В этой связи Судебная коллегия пришла к выводу о том, что в случае, если исполнительное производство по судебным актам, в том числе принятым до вступления в силу Федерального закона от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ, не окончено и право заявителя на исполнение судебного акта в разумный срок продолжает нарушаться вплоть до настоящего времени, такое нарушение является основанием для обращения с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок.

Учитывая, что решение суда, на которое ссылается административный истец, органом местного самоуправления до настоящего времени не исполнено и исполнительное производство не окончено, Судебная коллегия по административ-

ным делам Верховного Суда РФ пришла к выводу о том, что судом первой инстанции принято законное и обоснованное решение об удовлетворении требований Д.

Определение № 36-КАД20-4-К2

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По уголовным делам

46. Неприменение судом положений ст. 94 УК РФ, согласно которой сроки давности, предусмотренные ст.ст. 78 и 83 УК РФ, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину, повлекло изменение приговора.

По приговору Дальневосточного окружного военного суда от 24 мая 2019 г. Т. и Л. осуждены за совершение ряда особо тяжких и тяжких преступлений (совершенные организованной группой убийства, покушения на убийство, хищение оружия и боеприпасов, организация экстремистского сообщества, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа) по совокупности преступлений к лишению свободы.

Указанные преступления совершены осужденными: Т. в период с 19 августа 2012 г. до 6 мая 2017 г., Л. с марта 2015 г. до 22 апреля 2017 г. в г. Хабаровске в дни, периоды и при обстоятельствах, изложенных в приговоре.

По совокупности преступлений Т. осужден к лишению свободы на срок двадцать шесть лет с отбыванием десяти лет лишения свободы в тюрьме, а затем — в исправительной колонии строгого режима, а Л. — на срок девять лет шесть месяцев в исправительной колонии общего режима.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных Т. и Л., защитников осужденных, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ нашла приговор подлежащим изменению в отношении Т., в том числе ввиду неприменения к нему положений ст. 94 УК РФ при осуждении за совершение преступления в несовершеннолетнем возрасте.

Как следует из приговора, преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), т.е. создание экстремистского сообщества, было совершено Т. 19 августа 2012 г.

На момент совершения данного преступления санкция указанной нормы уголовного закона предусматривала в качестве наиболее строгого вида наказания лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до десяти лет и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет.

Таким образом, в соответствии с положениями ч. 3 ст. 15 УК РФ названное преступление являлось преступлением средней тяжести.

В соответствии с п. “б” ч. 1 ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления средней тяжести истекли шесть лет.

На момент совершения данного преступления Т. не исполнилось 18 лет, поскольку он родился в сентябре 1994 г., а преступление совершено 19 августа 2012 г.

Соответственно, при решении вопроса о его уголовной ответственности за совершение данного преступления суд обязан был применить положения ст. 94 УК РФ, согласно которой сроки

давности, предусмотренные ст.ст. 78 и 83 УК РФ, при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности или от отбывания наказания сокращаются наполовину.

В данном случае срок давности привлечения Т. к уголовной ответственности за совершение преступления средней тяжести составляет три года (половина от шести лет).

Таким образом, срок давности привлечения Т. к уголовной ответственности за совершение 19 августа 2012 г. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), истек 18 августа 2015 г., в связи с чем Т. подлежал освобождению от наказания, назначенного за совершение этого преступления, на основании п. “б” ч. 1 ст. 78 УК РФ.

В связи с неправильным применением уголовного закона Судебная коллегия при рассмотрении дела в апелляционном порядке приговор в отношении Т. изменила и освободила его от наказания, назначенного за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282¹ УК РФ (в ред. Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ), ввиду истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Апелляционное определение № 225-АПУ20-4

47. Назначение наказания ниже низшего предела санкции соответствующей статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ без применения положений ст. 64 УК РФ и ошибочное применение правил зачета в срок наказания времени нахождения лица под домашним арестом повлекли изменение приговора.

По приговору Приволжского окружного военного суда от 30 мая 2019 г. С. и другие (всего 6 человек) осуждены за совершение ряда тяжких преступлений к лишению свободы, в том числе за грабеж, совершенный организованной группой.

Рассмотрев дело по апелляционным жалобам осужденных и представлению прокурора, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ приговор в отношении С. изменила в связи с неправильным применением уголовного закона и несправедливостью в части назначенного С. наказания за совершенное им преступление, предусмотренное п. “а” ч. 3 ст. 161 УК РФ, окончательного наказания по совокупности совершенных им преступлений и при исчислении срока наказания.

В обоснование Судебная коллегия указала следующее.

Санкция ч. 3 ст. 161 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести до двенадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового.

Признав нецелесообразным назначение С. дополнительных видов наказаний, предусмотренных ч. 3 ст. 161 УК РФ, и при отсутствии оснований для применения к нему положений ст. 64 УК РФ суд, однако, назначил ему наказание ниже низшего предела, а именно пять лет лишения свободы, в связи с чем назначенное С. наказание за указанное преступление и по совокупности преступлений по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной мягкости.

С учетом изложенного Судебная коллегия приговор в указанной части изменила и назначила С. за совершенное им преступление, предусмотренное п. “а” ч. 3 ст. 161 УК РФ, наказание в виде лишения свободы на срок шесть лет и по со-

вокупности совершенных им преступлений — более строгое наказание.

Кроме того, С. неправильно произведен зачет наказания в соответствии с положениями ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ).

Так, время нахождения С. под домашним арестом с 14 июля 2018 г. по 29 мая 2019 г. включительно засчитано в срок наказания в виде лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей.

По смыслу уголовного законодательства Российской Федерации и в соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ по применению положений ст. 72 УК РФ правила ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, предусматривающие зачет срока домашнего ареста в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы, ухудшают положение лица по сравнению с порядком, применявшимся до вступления в силу Федерального закона от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, и согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ обратной силы не имеют. Поэтому время нахождения под домашним арестом лицу, совершившему преступление до 14 июля 2018 г., должно засчитываться в срок лишения свободы из расчета один день за один день в том числе и в случае продолжения применения этой меры пресечения после указанной даты, как это имело место в отношении С.

С учетом изложенного период с 14 июля 2018 г. по 29 мая 2019 г. включительно подлежал зачету С. в срок наказания в виде лишения свободы из расчета один день нахождения под домашним арестом за один день лишения свободы, в связи с чем Судебная коллегия внесла изменения в приговор суда в данной части.

Апелляционное определение № 223-АПУ20-2

По административным делам

48. Несовершеннолетние, ставшие собственниками жилого помещения в порядке его приватизации, имеют право после достижения ими совершеннолетия на повторную приватизацию иного жилого помещения.

Решением Реутовского гарнизонного военного суда от 25 марта 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением Московского окружного военного суда от 1 августа 2019 г. и определением Кассационного военного суда от 26 февраля 2020 г., З. отказано в удовлетворении административного искового заявления, в котором он просил признать незаконным решение жилищной комиссии воинской части, касающееся определения предельной нормы предоставления общей площади жилого помещения по договору социального найма, обязать командира и жилищную комиссию воинской части его отменить и принять решение о признании З. совместно с членами семьи (супруга, дочь и сын) нуждающимися в жилом помещении.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе административного истца, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда РФ пришла к выводу, что судами при рассмотрении дела допущена ошибка в толковании норм материального права, что выразилось в следующем.

Из материалов дела следует, что супруга административного истца — И. в составе семьи своего отца — военнослужащего в 1994 году была обеспечена жилым помещением общей площадью 72,3 кв.м (на 4 человека), которое в 1998 году приватизировано в равных долях (по 1/4) на всех членов

семьи, в результате чего в ее собственность перешло 18,075 кв.м общей площади жилого помещения. В феврале 2005 г. И. распорядилась указанной долей жилого помещения, подарив ее своему отцу.

Решением жилищной комиссии от 22 января 2018 г. (с изменениями от 21 марта 2019 г.), утвержденным командиром воинской части, З. признан нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма, на состав семьи из 4 человек (он, супруга, двое детей) с учетом ранее полученной его супругой за счет государства доли жилого помещения. При этом определена предельная норма общей площади жилого помещения в размере 62,9 кв.м (18 × 4 + 9 – 18,075), предоставляемого семье административного истца.

Отказывая в удовлетворении административного искового заявления, суд первой инстанции исходил из того, что реализация права на жилище военнослужащих и членов их семей осуществляется путем предоставления жилого помещения для постоянного проживания один раз в порядке, установленном Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ “О статусе военнослужащих”. Поэтому, если указанные лица намерены получить другое жилое помещение, они обязаны сдать жилье, ранее полученное с использованием предоставленного им данным Законом статуса.

Супруга административного истца ранее была обеспечена жилым помещением в качестве члена семьи военнослужащего, но своей долей распорядилась, поэтому обеспечение семьи З. жилым помещением по договору социального найма общей площадью более 62,9 кв.м приведет к сверхнормативному обеспечению жильем.

Между тем, учитывая ранее полученную супругой в несовершеннолетнем возрасте за счет государства долю в жилом помещении, суды оставили без внимания, что для несовершеннолетних государство предоставляет дополнительные жилищные права, реализуемые после достижения ими совершеннолетия.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона РФ от 4 июля 1991 г. № 1541-1 “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” граждане Российской Федерации, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их на условиях, предусмотренных названным Законом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, в общую собственность либо в собственность одного лица, в том числе несовершеннолетнего, с согласия всех имеющих право на приватизацию данных жилых помещений совершеннолетних лиц и несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет.

Согласно ст. 11 этого Закона несовершеннолетние, ставшие собственниками занимаемого жилого помещения в порядке его приватизации, сохраняют право на однократную бесплатную приватизацию жилого помещения в государственном или муниципальном жилищном фонде после достижения ими совершеннолетия.

Разъясняя содержание названных норм Закона, Пленум Верховного Суда РФ в п. 5 постановления от 24 августа 1993 г. № 8 “О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации “О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации” (в ред. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 г. № 6) указал, что за гражданами, выразившими согласие на приобретение другими

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

проживающими с ними лицами занимаемого помещения, сохраняется право на бесплатное приобретение в собственность в порядке приватизации другого впоследствии полученного жилого помещения, поскольку в указанном случае предоставленная этим лицам возможность приватизировать бесплатно занимаемое жилое помещение только один раз не была реализована при даче согласия на приватизацию жилья другими лицами.

Приведенное положение Закона предоставляет для несовершеннолетних дополнительные имущественные и жилищные права, реализуемые после достижения ими совершеннолетия.

Право несовершеннолетних, ставших собственниками занимаемого жилого помещения в порядке его приватизации, на повторное обеспечение жильем реализуется путем приватизации другого впоследствии полученного жилого помещения из государственного и муниципального жилищного фонда.

По делу установлено, что в качестве формы реализации жилищного права 3. и членами его семьи в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О статусе военнослужащих» избрано обеспечение жилым помещением по договору социального найма.

При таких данных у жилищной комиссии воинской части оснований для уменьшения общей площади жилого помещения, предоставляемого семье административного истца, на размер доли (18,075 кв.м) приватизированного супругой 3. в несовершеннолетнем возрасте жилого помещения не имелось.

На основании изложенного Судебная коллегия отменила решение Реутовского гарнизонного военного суда от 25 марта 2019 г., апелляционное определение Московского окружного военного суда от 1 августа 2019 г., кассационное определение Кассационного военного суда от 26 февраля 2020 г. и приняла по делу новое решение, согласно которому признала незаконными решения жилищной комиссии воинской части в части определения предельной нормы предоставления 3. и членам его семьи общей площади жилого помещения по договору социального найма в размере 62,9 кв.м.

Определение № 222-КА20-16-К10

Вопрос. Подлежат ли применению правила о требованиях к нотариальной форме сделки и последствиях ее несоблюдения к сделкам с долями в праве общей собственности на недвижимое имущество, заключаемым на торгах в конкурсном производстве в рамках дела о банкротстве?

Ответ. Положения, регулирующие требования к форме сделки и последствия несоблюдения установленной формы, содержатся в ст.ст. 158—163 ГК РФ.

В соответствии с п. 3 ст. 163 ГК РФ, если нотариальное удостоверение сделки в соответствии с законом или соглашением сторон является обязательным, несоблюдение нотариальной формы сделки влечет ее ничтожность. Пункт 2 ст. 163 ГК РФ, в котором перечислены случаи, когда нотариальная форма необходима, также указывает, что требование о нотариальной форме может быть установлено, в частности, иным федеральным законом.

Пункт 1 ст. 42 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» содержит требование о нотариальной форме для сделок по отчуждению или договоров ипотеки в отношении долей в праве общей собственности на недвижимое имущество.

Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» регулирует порядок обращения взыскания на имущество должника в рамках дела о банкротстве путем реализации соответствующего имущества на торгах, но при этом не содержит специальных норм, которыми устанавливались бы иные требования к форме сделки или иные последствия ее несоблюдения по сравнению с тем, как соответствующие правила закреплены в Гражданском кодексе РФ и в приведенной норме Федерального закона «О регистрации недвижимости». Соответственно, при реализации имущества в рамках дела о банкротстве положения Гражданского кодекса РФ о требованиях к нотариальной форме сделки и последствиях ее несоблюдения также подлежат применению.

*(Обзор утвержден Президиумом
Верховного Суда Российской Федерации
23 декабря 2020 г.)*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Серков П.П. (главный редактор), **Асташов С.В.**, **Борисова Е.Е.**, **Глазов Ю.В.**,
Давыдов В.А., **Дзыбан А.А.**, **Журавлева Е.М.**, **Момотов В.В.**, **Нефедов О.Н.**,
Петрова Т.А., **Подносова И.Л.**, **Пчелинцева Л.М.**, **Рудаков С.В.**,
Хаменков В.Б., **Хомчик В.В.**, **Шилохвост О.Ю.**

Государственное учреждение —
издательство «Юридическая литература»
Администрации Президента Российской Федерации

Адрес редакции: 121069, г. Москва, ул. Малая Никитская, д. 19, стр. 1.
Телефоны: 495-691-57-40, 495-690-44-00.

За справками по вопросам подписки и распространения обращаться
по телефону 495-690-10-55.

E-mail: Yurizdat@gov.ru
<http://www.jurizdat.ru>

ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Подписано в печать 30.04.2021. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 10,75. Тираж 8188 экз. Заказ 43-2021.

Отпечатано в ООО «СИНТЕРИЯ».

127422, г. Москва, ул. Тимирязевская, д. 1, стр. 2, этаж 3, помещение I, чк 11.
Телефон: 495-636-27-08. E-mail: sinteria23051@yandex.ru